

"Вещий сон, или Интуиция (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

София Чайка

Вещий сон, или Интуиция

Глава 1

Это только сон! Страшный сон, который прекратит мучить ее, как только она заставит себя проснуться. Она сможет это сделать — ей не привыкать.

Яна мысленно повторяла эти слова, словно заклинание, надеясь на то, что вкрадчивый голос в мобильном телефоне ей действительно приснился. Женщина, видимо, совсем потеряла терпение, потому что неожиданно повысила голос:

— Алло! Яна, ты что, уснула?! — Хорошая идея, но ее собеседница очевидно так не думала. — Я уже готова принимать поздравления, а ты молчишь. Или моя лучшая подруга онемела от радости?

Яна же молчала — просто не могла выговорить ни слова.

Она только что вернулась из больницы, где уже несколько лет работала ординатором. Прошедший день, переполненный событиями как приятными, так и не очень, наконец, закончился. Скоро весна, но количество пациентов не уменьшилось, и все они требовали не только тщательного лечения, но и обыкновенного человеческого сочувствия. Она так устала, что мысль об ужине не вызвала в ней обычного энтузиазма.

Удобно устроившись на диване, Яна подложила под спину маленькую, вышитую гладью подушку и попробовала расслабиться. Вопреки желанию хозяйки в ее голове продолжали роиться мысли о Марии Ивановне из восьмой палаты, которую только-только перевели в терапевтическое отделение после тяжелого кровотечения из язвы желудка. Яну тревожило состояние Терезы Вацлавны, которая несколько раз в год подлечивала в больнице свое старенькое изношенное сердце, а родственники не торопились проведать пожилую женщину.

Когда из сумочки, предусмотрительно брошенной на диван, раздалась знакомая мелодия, девушка неохотно выудила телефон из закрытого на молнию кармашка. Звонила Виктория — ее подруга.

Через слово, пропуская детали, Яна слушала о новом кабачке, открытом в центре их небольшого, но уютного городка, о восхитительных гелевых ногтях Виктории и модном парикмахере, к которому подруга записалась в очередь. Все происходило как обычно. Вначале. Но вдруг, будто, между прочим, Вика произнесла:

— Да, чуть не забыла! Собственно, ради этого я и звоню. У тебя — уникальная возможность поздравить меня первой. Я и Виталик женимся.

Заявление подруги прозвучало подобно грому среди ясного неба. Яна решила, что ослышалась, и переспросила:

— Женитесь? С Виталиком?

— Да, с ним. Представляешь?

Вика залилась многократно отрететированным, переливчатым смехом, а у Яны потемнело в глазах. Она почти задохнулась от потрясения. Именно в этот миг она начала повторять «Это

только сон!», будто заклинание, которое могло вернуть назад ускользнувшие минуты.

— Эй, подруга! Откликнись, наконец! Или ты не рада моему счастью? — не отставала Вика.

— Но вы так мало знакомы! И даже почти не встречались. Насколько мне известно.

Хотя. Ведь она могла и не знать, как обстоят дела на самом деле.

— Для истинной любви не существует такого критерия, как время, — поучительным тоном заметила Вика. Перед Яной всплыло кукольное, будто фарфоровое личико с красивыми изогнутыми бровями и капризными полными губами, покрытыми дорогой помадой. — Хотя бы изобрази радость. Не думала, что ты такая эгоистка.

— Конечно. Я рада. Желаю счастья.

Прозвучало это неискренно. Удивительно, что ей вообще удалось произнести хоть какие-то слова.

— Да, чуть не забыла! Ты будешь свидетельницей на нашей свадьбе. Отказы не принимаются. Свидетелем станет Вася, брат Виталика. Он, конечно, не красавец, но зато рядом с ним ты будешь выглядеть принцессой.

Яна мысленно застонала. Этого она точно не выдержит. Свадебная фотография получится великолепной! Маленькая, фигуристая Виктория в шикарном белоснежном платье от какого-то известного дизайнера под руку с самым красивым парнем в мире — светловолосым и веселым Виталиком. Глаза цвета горького шоколада нежно смотрят в светло голубые. Рядом, словно из другого мира, Яна — высокая и невзрачная, с вынужденной улыбкой на лице, и пышечка Василий с розовощеким лицом.

Нельзя сказать, что она недолюбливала Васю. Добродушный и стеснительный парень недавно закончил колледж и с восхищением смотрел на всех женщин, особенно старших на пару лет. Но человеку не слишком в себе уверенному красоваться рядом с мужчиной, который значительно ниже ростом и намного полнее, перед огромной толпой гостей и фотографом психологически очень трудно. Особенно когда рядом такая красивая пара.

Почему Виталик выбрал именно Васю? Ведь у него есть много более взрослых родственников?

Наверное, большинству ее сомнения могли показаться смешными и по-детски наивными, но Яна ничего не могла с ними поделать. Как не могла смириться с тем фактом, что Виталик предпочел Викторию.

Однако ей придется принять как должное и первое и второе. Как никак Виктория — ее подруга. А Виталик...

Кое-как закончив телефонный разговор, Яна бросила мобильный телефон на диван и взяла пульт. Она включила телевизор, но спустя мгновение выключила его.

Яна пыталась забыться сном, но усталость навалилась на нее тяжелым грузом, не давая уснуть. Беспокойные мысли и яркие картины будущей свадьбы терзали до боли в сердце. Она расплакалась, злясь на себя и на обстоятельства.

Казалось, ее рыдания продлятся вечность, но и слезы, рано или поздно заканчиваются. Яна

отправилась в ванную комнату, умылась, а затем долго изучала в зеркале свое лицо.

«Гадкий утенок! — другого прозвища для себя в это мгновение она не находила. — Зачем ты ему, если рядом околачивается такая красавица?»

Вернувшись в комнату с намерением заставить себя выспаться, Яна впервые усомнилась в том, правильно ли она поступала, когда так усердно училась на медицинском факультете, отдавая все свои силы и время учебникам, игнорируя свидания и дискотеки. В глубине души она всегда гордилась собственным умом и сообразительностью, но считала свою внешность вполне заурядной, даже неприметной. Это делало ее скованной в обществе молодых людей и заставляло обходить их стороной.

«Гордячка» — иногда шептались за ее спиной. Возможно, именно поэтому ребята обходили ее своим вниманием, встречаясь с более общительными однокурсницами. Яна уговаривала себя, что не страдает от этого. Ее волновал лишь один парень — Виталик Дубовский.

Нет, они не встречались. Он стал ее тайным увлечением.

Красивый, улыбчивый, остроумный, Виталик нравился всем. Парень знал о своей популярности, умело ею пользовался, но никогда не зазнавался. Дружелюбие и внимательность неизменно пополняли ряды его поклонниц. Ни с одной из них он не завязывал серьезных отношений, поэтому злые языки никогда не омрачали его существование.

Наверное, именно искренняя симпатия и доброжелательность сделали парня кумиром в глазах Яны. Даже если бы он не учился настолько хорошо, она все равно не перестала бы мечтать о нем. Это увлечение имело лишь одну удобную сторону — никто о нем не знал.

Не удивительно, что она мало не танцевала от радости, когда Дубовский за все время обучения медицине не только не женился, но и устроился на работу в ту же больницу, что и Яна. Виталик работал хирургом. Между молодыми людьми завязались приятельские отношения, но до свиданий дело не дошло. Яна не сдавалась, хотя и инициативы не проявляла. Она беспокоилась, чтобы он не подумал, будто она вешается ему на шею.

Голубоглазая белокурая Виктория Спинель появилась в их больнице год назад. Один только внешний вид нового психолога оказался вызовом для врачей мужского пола. Во всяком случае, Яна считала именно так. Пышные формы и невероятно тонкая талия, длинные волнистые волосы и элегантная, дорогая одежда, стройные ноги, несмотря на невысокий рост, и безмятежно-прекрасное лицо как магнит притягивали взгляды представителей сильной половины. По этим же причинам женщины не торопились подружиться с этой привлекательной женщиной.

Особенную зависть с их стороны вызывала роскошная грудь, выставленная на всеобщее обозрение в глубоких вырезах платьев и неизменно расстегнутых белых халатах. Что там говорить, Яна и сама неоднократно с вздохом посматривала на великолепную плоть, но разгадка этого чуда оказалась банальной, хотя неожиданно сблизила ее с Викторией.

Во время одной их врачебных конференций, когда они сидели рядом и скучали, Яна невольно залюбовалась выставленной напоказ красотой. Ее интерес не прошел мимо Виктории. Она наклонилась к ней, обдав шлейфом французских духов, и заговорщицки прошептала — «силикон».

Именно тогда началась их странная дружба. Собственно то, что она оказалась странной, Яна стала догадываться значительно позже. Раньше у нее не было подруг, только приятельницы.

Такое положение вещей девушку вполне устраивало. Виктория ее заинтриговала. Блондинка сразу сообразила, что давно присматривается к Яне, и решила, что та не представляет для нее угрозы, а значит, может стать ее подругой. Только спустя некоторое время Яна Синичка поняла, что красавица просто нуждалась в слушателе. Вике нужно хоть с кем-то поговорить, посплетничать, обсудить женские проблемы. Но тогда, во время их первого разговора, девушка неожиданно для себя решила на авантюру — дружбу с очаровательной Викторией Спинель. Очень скоро та сумела разузнать все секреты Яны.

Однажды Синичка весьма неосторожно пропустила вопрос Виктории, засмотревшись на Виталика, беседовавшего со старшей медсестрой, и подруга тотчас оценивающе смерила мужчину взглядом.

— Так-так. Неплохой экземпляр! — Яне это замечание не понравилось, но... — Твой парень?

— Нет, что ты! Просто однокурсник.

— Ну конечно, так я и поверила. На просто однокурсника так не смотрят, — авторитетно заявила Вика. — А он знает, что нравится тебе?

Пока Яна решала, что лучше — сказать правду или все отрицать, блондинка потребовала:

— Познакомь нас.

Она поняла, что отказывать Виктории в такой просьбе нелепо, только не после того, как Яна отрицала свою симпатию к Виталику. К тому же, если она не сделает этого, Виктория найдет другой способ познакомиться.

Яна сколько могла, откладывала неминуемое знакомство, пока Виктория сама не предприняла решительные шаги.

Она просто уронила папку с историями болезни — кажется, она впервые видела в руках подруги медицинские карты — прямо к ногам мужчины, и он, естественно, поднял их и протянул белокурой красавице.

— О, я такая неловкая! — пропела Вика, одаривая Виталика кокетливым взглядом. — Извините, но я даже не знаю, кого должна благодарить.

Расстроенная Яна поймала торжествующий взгляд подруги и смущенно представила молодых людей друг другу. Еще она подумала о том, что по-настоящему неуклюжей выглядела в этот момент не Вика, а она, Яна.

Спустя мгновение после знакомства Виталик и Виктория уже мило флиртовали. Казалось, что если Яна вдруг исчезнет, они даже не заметят этого. Не успела эта мысль как следует оформиться в ее голове, как подруга тут же крепко ухватила ее за руку, и Яне пришлось до конца выслушивать их очаровательную беседу ни о чем.

Яна ожидала, что с этого дня подруга станет встречаться с Дубовским, но подтверждений этому, как ни странно, не было. Да, они виделись в больнице и за ее пределами, даже побывали в кино и на нескольких дискотеках — втроем. Тогда Яна решила, что ошиблась в своих предположениях, и Вика хочет помочь ей сблизиться с этим парнем. Не успела она отругать себя за недоверие к подруге, как та преподнесла ей очередной сюрприз.

Это случилось на маленькой пирушке в честь дня рождения главврача. Половину вечера Яна тщательно скрывала свой интерес к красивой паре, танцующей и доверительно беседующей неподалеку. Она заставила себя отвернуться и сосредоточиться на рассказе милой пожилой женщины — офтальмолога, когда знакомый мужской голос заставил ее затрепетать:

— Потанцуем?

Она смогла лишь кивнуть и не дрогнуть, когда Виталик предложил ей руку. Во время танца Яна не могла заставить себя посмотреть ему в лицо и напряженно гипнотизировала воротник его голубой рубашки. Мужчина нежно и как-то осторожно обнимал ее за талию, а Синичке очень хотелось прижаться щекой к его груди. Ее тело напряженно двигалось в такт музыке, а в ушах бился пульс. Яна понимала, что если она хочет понравиться этому парню, то должна вести себя совершенно иначе, но ничего не могла с собой поделать. Она чувствовала себя долговязой, некрасивой, неуклюжей и уверенной в том, что Виталик видит ее такой же. Она не понимала одного — почему он пригласил ее на танец? Наверное, из элементарной вежливости или, что было еще хуже, из жалости.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Виктория, когда Яна оказалась рядом с подругой, а Дубовский отправился за лимонадом.

— Ты о чем? — пролепетала Яна, которая все еще не могла перевести дыхание от волнения.

— Рассказывай. Я хочу знать каждое слово, которое он тебе сказал.

— Кто? Виталик? Мы не разговаривали. — Яна подозрительно покосилась на Вику. — А что, должны были?

— Конечно! Я сделала это для тебя.

— Что сделала? — подсознание подсказывало, что ей лучше этого не знать, но она уже спросила.

— Я рассказала ему все!

— Господи!

— Что ты влюблена в него, страдаешь по нему. Пусть знает. Ты не собираешься благодарить меня?

Яне захотелось задушить подругу. Она чувствовала себя ужасно и не знала, как теперь сможет разговаривать с Виталиком. Впервые ее слова, обращенные к Виктории, прозвучали резко.

— Ты не имела права решать за меня, говорить дубовскому о моих чувствах или нет. Если он ко мне равнодушен, я лучше отступлюсь. Так настоящие подруги не поступают.

С этого дня Яна отдалилась от Виктории, хотя та делала вид, что ничего особенного не произошло, и при встрече пыталась разговаривать с ней в привычной для себя манере. Синичка лишь терпела ее пустую болтовню, а на глаза Дубовскому старалась вообще не попадать.

Постепенно боль от предательства Виктории немного притупилась, жизнь Яны вошла в прежнюю колею. Белокурая бестия Спинель с помощью мыслимых и немислимых ухищрений, мило покаявшись в грехах, сумела уговорить Яну возобновить приятельские отношения, но

сегодняшний телефонный разговор стал солью для ее незаживших ран.

Она пожалела о своем добросердечии. С другой стороны, Виталик — не ее парень и даже не близкий друг. Виктория вполне могла претендовать на его чувства, а это означает, что Яна должна смириться с выбором мужчины и пожелать подруге счастья.

Хотя ни ее сердце, ни ее разум не желали с этим мириться.

Глава 2

Следующий день выдался ясным, хотя и достаточно холодным. Где-то среди ветвей пока еще голых деревьев веселились неугомонные птицы, приветствуя первые весенние деньки. Снег почти растаял, и на прогалинах появилась молоденькая зеленая травка, вытянули к солнышку свои нежные бархатистые головки первые цветы — примулы.

Яна в коротком пальто в черно-белую клетку, фетровом берете, прикрывающем густые темно русые волосы, и в низких сапожках на маленьком каблучке привычным маршрутом двигалась в сторону больницы. Она пыталась отвлечься от гнетущих мыслей, любуясь просыпающейся природой и немногими прогуливающимися по дорожкам парка прохожими с поводками в руках.

Ей тоже хотелось неспешно пройти мимо пустующих деревянных лавочек и подышать свежим воздухом. Но Яну ждали больные, поэтому она решительно вышла за ограду парка и влилась в поток торопящихся начать трудовой день.

Она понимала, что ей не удастся избежать встречи с Викой, но, столкнувшись с ней в дверях ординаторской перед традиционным утренним обходом, Яна на мгновение растерялась — доктор Спинель никогда не приходила на работу раньше одиннадцати.

Синичка пересилила себя и заговорила первой:

— Еще раз поздравляю.

— С чем?

Виктория, как всегда, выглядела превосходно — каждая прядка покоилась на своем месте, макияж приближался к безупречному, разве только не слишком ясный взгляд свидетельствовал о беспокойно проведенной ночи. Отмечая все это, Яна не сразу обратила внимание на странный ответ. Точнее вопрос.

— С началом нового дня и... — не мог же ей присниться вчерашний телефонный разговор, — и предстоящей свадьбой.

— А, ты об этом! Синичка, ты что, совсем шуток не понимаешь? У меня вчера настроение было — жуть. Я и подумала, зачем страдать в одиночку? Позвоню подруге, пусть и она немного помучается. Это такой психологический прием, понимаешь? — Вика изысканным движением смахнула невидимую пылинку с халата Яны и приторно-заботливым тоном осведомилась. — Неужели ты обиделась? Я думала, умница-разумница Синичка сама догадается, что к чему.

Яна понимала, что должна что-то сказать, но не могла выдать из себя ни слова. Происходящее больше напоминало месть, чем розыгрыш. Впервые в жизни она чувствовала себя круглой душой, и это ощущение лишь усилилось, когда за спиной Виктории появился Виталик. Ей не хотелось выяснять отношения с Викторией у него на глазах.

— Доброе утро, красавицы, — Виталик улыбнулся и при этом посмотрел на Вику так, что сразу стало понятно, кого именно он считает красавицей.

Только слепой не заметил бы, с какой страстью он смотрит на Вику. Буквально на мгновение он обнял белокурую красавицу за талию, но Яна сразу поняла — эти двое близки. Этого оказалось достаточно, чтобы девушка почувствовала себя лишней и ужасно несчастной. Торжествующая Виктория погладила Виталика по груди и надула губки.

— Представляешь, Вик, не успела я сообщить Синичке, что мы встречаемся, как она тут же решила, что скоро свадьба. Кажется, это ее не на шутку опечалило. — Виктория помолчала, давая возможность всем обдумать ее слова, а затем снисходительно добавила. — Но разве можно обвинять за подобную слабость?

Сердце Яны колотилось в груди, как метроном, отсчитывая последние секунды женской дружбы. Она не собиралась отвечать на жестокие выпады Виктории, и не желала видеть полные жалости глаза отмалчивающегося Виталика. В это мгновение шоколадные озера не казались ей такими уж неотразимыми.

Яна обошла сладкую парочку и побежала напрямик в свое отделение. Глаза застилала слезы. Сейчас ей хотелось убежать подальше от коварной подруги, влюбленного Виталика, из больницы — домой, где можно вдоволь выплакаться и пожалеть себя.

Она опомнилась только тогда, когда налетела на кого-то, и услышала знакомый голос.

— Синичка, ты сегодня, словно торнадо. Свалишь меня с ног, или, не приведи Господи, кого из больных, что тогда будет?

Сергей Вороной, еще один однокурсник Яны, схватил ее за плечи, пытаясь удержать на месте. Этот балагур, видимо, собирался выдать очередную шутку, но, взглянув Яне в глаза, передумал.

— Кто тебя обидел, детка?

Она не хотела ничего объяснять, но не удержалась и обернулась на парочку, продолжавшую стоять у двери ординаторской. Для Сергея этого оказалось достаточно. Он тихо выругался и потянул Яну за руку.

— Зайдем в столовку, там меньше свидетелей.

Они остановились у окна маленькой столовой. Завтрак закончился и из моечной доносился шум льющейся воды да хрипловатый голос буфетчицы, напевающей очередной шлягер.

— Продолжаешь страдать за этим красавчиком? Яна, куда девается твой ум, когда дело касается этого секс-символа? Он же слепой, и вряд ли сможет оценить тебя по достоинству.

Яна потрясенно уставилась на Сергея — оказывается, не только Виктории известна ее тайна.

— Ты знаешь!? Кто тебе сказал?

— Думаешь, я слепой? Ну, может, слегка и ослеп, когда женился на своей Гале, но ведь потом я исправился, то есть развелся.

— Если мне не изменяет память, это она от тебя сбежала, Вороной, но зато оставила тебе

Катюшу. Не отвлекай меня, рассказывай. Откуда ты узнал обо мне и... о нем.

— Сверкающие глазки не скроешь, Синичка. Одного понять не могу — что в нем такого? А ведь некоторые парни чуть не молились на тебя.

— Ты шутишь! Я никогда ничего подобного не замечала.

— Потому что смотрела не туда, куда следовало. — Сергей провел широкой ладонью по черным, как вороново крыло, волосам и подкрутил отсутствующий ус. — А эта озабоченная лиса возле Дубовского что делает? Уже захомутала? Ну и поделом.

— То, что ты терпеть не можешь Виталика, я могу понять. Но Виктория, — Яна вытерла ладонью глаза и порадовалась, что не красит глаза. — Уверена, в природе не существует такого мужчины, который не облизнулся бы ей вслед.

Сергей взял ее за маленькую ладошку, и та утонула в его теплой руке.

— Детка, ты еще плохо знаешь мужчин. Опыта маловато. — Яна бросила на него злой взгляд и попыталась выдернуть ладонь. Сергей рассмеялся, но руку не отпустил. — Но с другой стороны, это же замечательно. Я не претендую на роль мужчины, который будет просвещать тебя в этом вопросе... Хотя, если ты согласишься, — Яна резко выдернула пальцы из его рук и подарила Сергею еще один колючий взгляд. — Понятно, но в одном я все же признаюсь — не всем нравятся пышнотелые куклы.

Яна недоверчиво покачала головой, но следующая фраза просто ошеломила ее.

— Эта дамочка вчера подкатывалась ко мне. С предложением. Откровенным и весьма бесстыдным.

— Кто?

— Психолог наш.

— Не может быть! Она сказала, что они с Виталиком встречаются. Я сама видела, как они смотрят друг на друга. И ты... Ты отказался?

— Ну, да. Ты бы видела ее в этот момент. Страшная. Я даже испугался. Никогда не думал, что такой маленький ротик может выговаривать такие непотребные слова. Повторять не буду, можешь не умолять.

— Но разве так бывает, Сережа? Сразу с двумя?

— Ян, не спрашивай меня, ладно? Неискренняя она, искусственная какая-то. И завистливая. Тебе завидует по черной силе. Дубовского соблазнила, рядом с которым ты даже не дышишь. Но ей этого мало. Заметила, что мы с тобой дружим, решила и меня к рукам прибрать. Я, естественно, игнорировал. Представляешь, какой ей облом?

Сказать, что Яна удивилась, значит, ничего не сказать, но она не видела причин не доверять парню. Если раньше она не могла объяснить события, разворачивающиеся при ее непосредственном участии, то догадка Вороного многое расставляла по своим местам.

С другой стороны, откуда могла взяться эта самая зависть именно к ней, Яне?

Она не так красива, не так хорошо одета, и, конечно же, далеко не так хорошо обеспечена, как

Виктория. Что уж говорить о мужчинах. За редким исключением, почти все они лежали у ног белокурой красавицы.

Яна перебирала в памяти достаточные основания для такого неприятного и опасного чувства, как зависть, и не находила.

Хотя Вика мало рассказывала о своих родителях, Яна знала, что ее отец — известный и очень популярный офтальмолог в столице, работает в известной клинике и преподает. Мама девушки трудится там же, а их огромной квартирой почти в центре города Вика не устает хвастаться.

Родители Яны раньше учительствовали в обычной школе. Сейчас милые, трудолюбивые люди живут на маленькой даче и только в самые лютые морозы перебираются в город, и тогда они втроем ютятся в малогабаритной квартирке.

Конечно, оставался открытым вопрос, почему Вика очутилась в провинциальной больнице при таких, несомненно, больших возможностях ее родственников? Но, поразмыслив, Яна решила, что это не имеет отношения к ее проблеме. Да и дело, скорее всего, не в зависти, а в скверном характере Виктории.

В любом случае, независимо от причин, Яна решила больше не поддерживать с Викторией никаких отношений. Хотя сделать это сложно, учитывая, что их профессиональные интересы очень часто пересекаются.

Она, наверное, еще долго блуждала бы мысленными лабиринтами, если бы Сергей вдруг не спросил:

— Слоников считаешь?

— Я решила, что ты ошибаешься, и зависть тут ни при чем.

— Как знаешь. Раз ты так решила, то вытирай-ка, детка, слезки, и отправляйся к своим бабушкам. Они тебя заждались.

— Мария Ивановна! Как я могла забыть! Ты дежурил? Ей хуже?

— С ней все в порядке. Не паникуй.

— Спасибо тебе! Я должна бежать.

Она сделала несколько шагов в сторону коридора, но затем вернулась, показала пальцем на левый глаз и спросила:

— Красные?

Сергей сделал вид, что внимательно рассматривает ее лицо, а затем пожал плечами.

— Почему красные? Ты же не кролик. Большие, красивые и серые. Я бы добавил — с серебристыми крапинками. Особенно в левом глазу.

— Болван! — Яна ткнула Сергея кулаком в живот. — Это у тебя галлюцинации после дежурства. Надо же такое придумать — серебристые крапинки!

Но настроение у нее поднялось, и Яна улыбнулась.

— Вот, а теперь поголубели! Или как там правильно?

— Я же говорила — галлюцинации.

— Полегчало?

— Да.

Почему она не влюбилась в Сергея? Он такой милый, такой заботливый, такой ответственный врач и отец. К сожалению, сердцу не прикажешь.

Сергей стоял в проеме двери и провожал взглядом ладную фигурку. Он не отказал себе в удовольствии полюбоваться длинными стройными ножками и вздохнул.

Если бы они не дружили так долго, он, не задумываясь, пригласил бы Яну на настоящее свидание, но Сергей не хотел рисковать их хорошими отношениями. А вдруг ничего не выйдет?

Красивая, умная, привлекательная, она очень нравилась ему, но... Серега Вороной, как трезвомыслящий мужчина, вернее стал таковым после развода, понимал — насильно мил не будешь.

А Дубовский таки дурак. Такую девушку в упор не видит.

Вороной расправил плечи и вальяжной походкой двинулся в сторону медсестринского поста. Там суетились две молоденькие практикантки. Они уже заметили приближение симпатичного доктора и хихикали, бросая кокетливые взгляды в его сторону.

Что ж, после такого тяжелого дежурства можно немного и пофлиртовать. Сергей изобразил на лице лукавую улыбку, а его походка стала еще более ленивой.

Глава 3

Виктория отбросила атласное покрывало и поднялась с кровати, набросив на плечи прозрачный голубой пеньюар. Подойдя к окну, она закурила.

Отсюда, из большой комнаты в старинном особняке, который сняли для нее родители, открывался отличный вид на завораживающий диск полной Луны. Она притягивала взгляд своим холодным блеском, но Виктории не было дела до отражающего чужой свет небесного тела.

Она оглянулась и посмотрела на другое тело — сильное, красивое, мужское. Мягкие пряди светлых волос разметались по подушке после сексуальных игр, обнаженный до пояса, худощавый, но неплохо натренированный торс эффектно смотрелся на фоне синего постельного белья, но лицо во сне выглядело слишком незащищенным и мягким. Виктория нахмурилась и снова обернулась к окну.

Вик нравился ей — милый, внимательный, веселый. И такой скучный. Отец одобрил бы его. Может, стоило доставить старику удовольствие и выйти замуж за перспективного молодого врача? Тогда он точно поверит, что его единственная дочь изменилась — поумнела и успокоилась, и перестанет терроризировать ее телефонными звонками.

А потом? Что она будет делать после свадьбы? Вик, скорее всего, потребует, чтобы она рожала ему детей и хранила верность. Этот мальчик еще не знает, что верность — это такая же сказка,

как и любовь, а значит, в природе не существует.

Вика знала об этом. Давно. С детства. Когда ей было двенадцать, ее очаровательная, белокурая, пользующаяся огромным успехом у мужчин мамочка ошарашила свою любимую дочь подарком на День рождения. Она подарила ей папу. Этот подарок, на самом деле, мог стать желанным, если бы Вика не узнала, что перед ней — ее настоящий отец, который на протяжении многих лет приходил к ним в гости и даже дарил Виктории подарки. Лишь тогда, когда его жена погибла, он решился признать свою единственную дочь, женившись на любовнице.

Они переехали в огромную профессорскую квартиру и зажили такой жизнью, о которой Виктория могла только мечтать. Она получила доступ ко всем привилегиям, которые мог обеспечить девочке влиятельный отец, и всю пользовалась ими, но так и не простила — ни его, ни мать.

Эти люди требовали от нее понимания и послушания! Лицемеры! Она не собиралась быть ни послушной, ни разумной, окунувшись с головой во все те мероприятия, которые позволял посещать ее возраст. И в те, для которых она казалась слишком молодой. Ее папочка терпеливо вытаскивал свою дочь из ресторанов, клубов, квартир с сомнительной репутацией. Стоило Вике прийти в себя, она тут же бросалась в очередную авантюру. Она продолжала жить, как хотела, пока не случилось нечто, заставившее Вику притормозить и согласиться на условия родителей. Они вынудили ее.

Нет. Она не доставит им радости и не выйдет замуж за Вика. Он ей почти наскучил, но на горизонте пока не появился тот, кто смог бы заменить Вика в ее постели. Поэтому она позволяла этому мальчику строить какие-то планы на будущее. Ничего, переживет.

И эта глупая Синичка — тоже. Вике надоело слушать дифирамбы в честь невзрачной курицы. Умница. Замечательный врач. Добрая душа. Красавица?! Нужно ослепнуть, чтобы сказать такое.

Вика не сомневалась, все это озвучивалось с одной целью — позлить ее. Кудачущие медсестры, нянечки и даже заведующая терапевтическим отделением — всего лишь женщины. Они завидуют Виктории и ее популярности. Сама Яна ничем ей не насолила. Разве такая способна на поступок? Вика просто не могла отказать себе в удовольствии наказать девчонку. Почему? Просто за то, что та слишком уж хорошо вписывалась в образ дочери, которую хотели видеть в Вике ее родители. Она выяснила уязвимые места этой простушки и умело воспользовалась этим.

Вик оказался лишь приятным бонусом в ее игре. Возможно, если бы он оказался хоть немного похож на Эда, она попридержала бы мальчика возле себя. Но...

Где ты, Эд?

Виктория потушила сигарету в хрустальной пепельнице и забралась в постель. Лунный свет и тишина маленького города вызвали неприятные воспоминания. В большом городе легче забыться среди блеска витрин и круглосуточной суеты. Да пошло оно все!.. Вика не привыкла слишком долго расстраивать себя грустными мыслями.

Прижавшись к горячему мужскому телу, она погладила ладонью мускулистый живот.

— Ты замерзла, милая?

Милая. Смешно!

— Да. Согрей меня.

...Темная вода подступала к ней со всех сторон, почти касаясь холодными щупальцами пальцев ног. Мутная, бездонная, но коварно спокойная гладь надвигалась медленно и неумолимо, уверенная, что ее жертва никуда не денется. Парализована страхом, она не могла сдвинуться с места. И позвать на помощь — тоже. Казалось, что от ужаса ее сердце вот-вот выскочит из груди. А еще этот противный смех. Он отвлекал и не давал возможности сосредоточиться, придумать выход...

— Яна Евгеньевна! Яночка, проснитесь!

Вначале ей показалось, что она все еще смотрит сон. Но голос, звучавший над ухом, совсем не походил на смех из ее кошмара. Он был таким же реальным, как и рука на плече Яны. Кто-то настойчиво пытался разбудить ее. Она заставила себя разлепить веки.

Подняв голову со старенького письменного стола в комнате для медсестер, Яна вспомнила, что села за него лишь на минутку под утро тяжелого дежурства.

Ей снова приснился старый сон. Наваждение какое-то.

Тряхнув головой, чтобы отогнать неприятные воспоминания, Яна погасила настольную лампу. Она зевнула, недовольно посмотрев на недописанный дневник в медицинской карточке, на которой уснула, и перевела взгляд на пожилую медсестру Филипповну, которая сочувственно смотрела на заспанного доктора.

— Устала, — констатировала факт женщина и добавила. — Извини, что разбудила тебя, девочка. Через четверть часа начинается медсовет.

— Конечно. Спасибо. — Синичка пригладила волосы и растерянно спросила. — Медсовет? А почему не обыкновенная оперативка?

Что за невезение! Ей предстоит докладывать о прошедшем дежурстве, а начальство решило провести расширенное совещание.

— Какая-то делегация приехала. Главврач даже «бабочку» надел.

На стене загорелась сигнальная лампочка из палаты интенсивной терапии, и Филипповна шустро, несмотря на свой вес и возраст, побежала на вызов.

Подойдя к умывальнику, Яна брызнула в лицо немного воды. Затем попробовала привести в порядок короткие русые волосы, но ее пальцы не слишком хорошо справились с обязанностями гребешка. Из зеркала на нее смотрела уставшая девушка с темными кругами под глазами, впалыми щеками и вертикальной морщиной посреди лба. Все это дополнял отпечаток от примятой бумаги на щеке. В общем, выглядела она ужасно.

Взглянув на часы, Яна поняла, что бежать в ординаторскую за косметичкой некогда. Она вздохнула и отправилась в конференц-зал, прихватив с собой медицинские карты, недавно служившие ей подушкой.

По дороге Яна обдумывала свой отчет о дежурстве. У Марии Ивановны снова началось

кровотечение. Синичка вместе с хирургом продежурила у ее постели почти всю ночь. У одного из пациентов началась почечная колика, и пока медсестры заряжали капельницы с необходимыми лекарствами, Яна срочно вызвала уролога. Хотя и то и другое удалось прекратить, девушка продолжала наблюдать за больными, блуждая из палаты в палату, пока дежурный хирург силой не отвел ее в ординаторскую с приказом отдохнуть. Она тщетно пыталась последовать его наставлениям, но никак не могла расслабиться и поэтому отправилась заполнять медицинские карточки.

Ее размышления прервал галантный старичок, опирающийся на деревянную трость.

— Яна Евгеньевна, те успокоительные капли, которые вы мне назначили, просто какое-то чудо. Сегодня я спал, как младенец. — Девушка терпеливо слушала его, поглядывая на часы. Она не могла обидеть милого человека своим невниманием. — Очень прошу вас выписать мне еще один рецепт этого чудодейственного средства, чтобы я мог хоть иногда отдыхать от мирских забот.

Она таки опоздала на медсовет, пока обещала занести необходимый рецепт старичку.

Семен Аркадьевич Раевский, главврач и приятный пожилой мужчина с пышной седой шевелюрой, что-то рассказывал довольно большой аудитории. За глаза его называли «маэстро» за пристрастие наряжаться по торжественным случаям в галстук-бабочку. Сегодня — в ярко-зеленую.

Яна пробежала взглядом по заполненным рядам и уже подумала, что ей придется простоять все совещание у двери, когда заметила, что Сергей энергично машет ей рукой. Она начала пробираться к свободному креслу. Присев рядом с другом, Яна шепотом спросила:

— Стучилось что-то такое, о чем я не знаю? Народу набилось, тьма.

— Какие-то люди приехали. Важные, если судить по внешнему виду «маэстро». А ты на чем сегодня спала?

— Очень заметно? — Яна приложила прохладную ладонь к щеке.

Сергей не успел ответить. Его опередил Семен Аркадьевич.

— Яна Евгеньевна, просим-просим. С нетерпением ждем ваш рассказ о сегодняшнем дежурстве. Ходят слухи, что оно было суетливым.

Не успела Яна начать доклад, как к главврачу подплыла его секретарь Роза и что-то шепнула на ухо. Раевский извинился, попросил дождаться его прихода и, вынимая на ходу мобильный телефон, вышел. Наверное, звонила его жена. Только она могла заставить Семена Аркадьевича покинуть совещание.

Яна оглядела собравшуюся аудиторию. Большинство медперсонала тихо разговаривало со своими соседями. Некоторые радостно кивали ей, приветствуя. Во втором ряду с левой стороны от прохода рядышком разместились Вика и Виталик. Мужчина положил руку на спинку кресла женщины и что-то шептал ей на ухо. Вика снисходительно улыбалась ему, словно дарила великую милость, но при этом успевала изучать соседей.

Яна решила не терзать себя видом этой парочки и поэтому сосредоточилась на сидящих перед ней незнакомых людях.

Моложавый мужчина в очках, с короткой стрижкой и эспаньолкой, непрерывно улыбался своей соседке. Улыбка будто прилипла к его лицу. Казалось, он нарочно демонстрирует окружающим свои идеальные зубы. Что-то неуловимо пренебрежительное в его манерах напомнило ей Викторю.

Молодая брюнетка рядом с мужчиной в очках казалась миленькой, но невыразительной — серый костюм, белая блузка, бледное лицо без капли косметики. Она с серьезным видом слушала собеседника и лишь иногда кивала в ответ.

Синичка лениво перевела взгляд на коричневый свитер соседа брюнетки. «Домашняя вязка» — сразу определила она, попутно замечая широкие плечи ее хозяина.

«Мышцы неплохо развиты. Что это я вдруг? Нельзя так глазеть на человека, — промелькнуло в ее голове, но, тем не менее, свой осмотр она не прекратила. Наверное, сказывалась усталость. — Крепкая шея, твердый подбородок, четко очерченный рот с еле приподнятыми уголками, будто его обладатель хотел улыбнуться, но не решался. Каштановые волосы мягкими прядями падают на лоб и слегка прикрывают темные, как крылья ворона, брови. Глаза...»

Яна оторопела от неожиданности и смущения. Эти веселые зеленые глаза смотрели прямо на нее и неумолимо удерживали взгляд.

Она чувствовала, как краска заливает лицо. Уголки выразительного рта незнакомца так поползли вверх. Еще ни разу ее не изучали так откровенно. И это было...

Возникшее чувство казалось таким необычным, что Яна не решилась продолжить эту мысль и усилием воли отвела взгляд. К счастью Семен Аркадьевич уже вернулся в зал и кивнул ей, предлагая начать.

Яна не удержалась и бросила украдкой еще один взгляд на мужчину в коричневом свитере, нехотя признав, что он очень симпатичный, хотя и рассматривает ее слишком... В общем, слишком. С нее достаточно симпатичных мужчин.

Яна откашлялась, одернула белый халат, пригладила волосы и принялась докладывать.

«Хорошенькая. И смышленная».

Остап разглядывал девочку в белом халате вначале от скуки, затем с все возрастающим интересом.

Когда она только появилась в зале, такая худенькая и взъерошенная, он принял ее за студентку. Потом главврач попросил ее рассказать о дежурстве, и Остап понял, что ошибся.

Ему хотелось расхохотаться, когда она почтила его своим вниманием, изучая так внимательно, словно он — музейный экспонат. Хотя в свои тридцать два он считал тщеславие мелочью, недостойной внимания делового человека, Остапу вдруг захотелось понравиться молоденькому доктору. Когда же он поймал взгляд серых глаз, размышления покинули его аналитический ум, а обычно защищенное от женских чар сердце дрогнуло. Открытый, волнующий и напроць лишенный кокетства взгляд удивил его.

Ему даже стало легче дышать, когда в зале появился Раевский, и девушка отвернулась. Теперь он мог спокойно, почти без эмоций рассмотреть ее. Пепельные волосы, аккуратный носик, тонкие ниточки бровей, красивые губы, стройная фигурка, длинные ноги в чулках, а не в

штанах, как принято в их клинике — привлекательная особа, на первый взгляд спокойная и рассудительная. Лишь маленький упрямый подбородок выдает не слишком уступчивый характер.

Слишком молода для него. Сколько ей? Не меньше двадцати трех. Все равно, разница великовата.

Но красивые серые глаза с длинными пушистыми ресницами уже запали ему в душу.

Яна. Яна Евгеньевна. Кажется, так обратился к ней Раевский. Имя ей подходит. Интересно, это дитя училось медицине в местном вузе, или где-то еще? Наверное, когда она поступила на первый курс, он уже выехал из страны, и их пути не пересекались. До сегодняшнего дня.

Размышляя, Остап чуть не пропустил окончание доклада, да и обсуждение тоже. Когда Яна шла к своему месту решительной походкой, он проводил ее взглядом. Она заинтересовала его.

— И кого ты там увидела? — Сергей, вытянув шею, пытался рассмотреть сидящих в первом ряду.

— Где? — Яна все еще не пришла в себя после обмена взглядами с незнакомцем, но не хотела обсуждать это с Сергеем.

— Среди гостей, конечно. У тебя был такой вид, будто перед тобой — привидение. — Сергей помолчал и, не дождавшись ответа, уже тише добавил. — Или мужчина твоей мечты.

— Очень остроумно! — с легким сарказмом в голосе прокомментировала это заявление Яна, но в глубине души удивилась подобной догадливости.

Что, если все это заметили? И Виктория тоже?

Эти мысли разозлили ее и вызвали недоумение. Неужели она ревнует? И к кому? Она даже не знает его имени!

Яне стало не по себе. Уже давно пора научиться скрывать свои мысли от окружающих.

Нет, она больше не позволит Виктории играть ее чувствами. И до незнакомца ей нет никакого дела.

Вопреки принятому решению, Яна с нетерпением ждала выступления Раевского. Он взял слово только в самом конце.

— Уверен, что всех присутствующих заинтересовали наши гости.

— Не прошло и пол года, — вздохнул с облегчением Сергей. — Я уж думал, что усну в ожидании.

Яна же не хотела спать. В ее крови все еще бурлило непонятное возбуждение. Она даже подалась вперед, чтобы лучше слышать главврача.

— Я специально оставил этот сюрприз на десерт, чтобы, так сказать, подогреть интерес. — Присутствующие рассмеялись, а «маэстро» театрально взмахнул рукой и продолжил. — Эти милые люди прибыли к нам из далекого Торонто, чтобы помочь нашим многострадальным кардиологическим больным избавиться от многих недугов и, конечно же, поделиться своим

опытом с врачами нашей больницы.

Все улыбались, слушая Раевского. Они привыкли к его пристрастию к пышным фразам и драматическим эффектам. Коллеги всегда с уважением относились к Семену Аркадьевичу за его преданность работе и справедливое отношение.

— Хочу представить вам главу делегации и директора клиники Джона Родзинского, а так же молодых, талантливых врачей.

Мужчина в очках встал, обернулся и, ослепив присутствующих белоснежной фарфоровой улыбкой, принялся рассказывать о планах делегации.

Яна старательно вслушивалась в рассказ Родзинского, но ее взгляд то и дело соскальзывал к каштановому затылку.

Торонто. Это слишком далеко.

Когда Семен Аркадьевич закончил совещание и пожелал всем удачного во всех отношениях дня, на Яну навалилась неимоверная усталость. Она вместе со всеми двинулась к выходу, но сразу пройти в ординаторскую ей не удалось. Сотрудницы ее отделения живо обсуждали совещание, стоя у двери. Сергей закатил глаза и, махнув ей рукой, тут же смылся, а Яна остановилась рядом с заведующей Клавдией Сергеевной.

— Какой импозантный мужчина! Седина только добавляет ему шарма.

«Это они о Родзинском», — поняла Яна. Она была не согласна с таким восторженным комментарием, но, кажется, оказалась в меньшинстве.

— Одна улыбка чего стоит. Обворожительная.

— И одет со вкусом.

— Интересно, он женат?

Вопрос самой пожилой участницы разговора вызвало приглушенные смешки, а Клавдия Сергеевна сообщила:

— По моим сведениям он имеет взрослую дочь. Кстати, она приехала вместе с ним. О жене ничего неизвестно.

Значит дочь директора — та темноволосая женщина, что сидела между Родзинским и зеленоглазым незнакомцем. Яна снова вспомнила о нем и чуть не пропустила следующую фразу Клавдии Сергеевны.

— Вы, наверное, устали, Яночка? Такое тяжелое дежурство.

— Нет, не слишком. Хирург потрудился значительно больше.

— И кто в этом виноват? — Яна не заметила, когда рядом появилась Виктория. — Если бы Доктор Синичка больше внимания уделяла своим больным днем, дежурные врачи не перетруждались бы ночью.

Дешевая месть. Вот что это было. Но высказаться нахалке в глаза решилась только Татьяна Николаевна.

— Ваш профессиональный уровень, госпожа Спинель, не позволяет адекватно оценить старания Яны Евгеньевны.

На глазах у всех голубая гладь в глазах Виктории превратились в колючий лед. Она прошипела, полоснув взглядом пожилого доктора:

— Хочу напомнить вам, дорогуша, что пенсию даром не дают. А к вам она уже стучится в дверь. Точнее, в трудовую книжку.

Чтобы хоть как-то отвести от милой женщины удар, Яна обратилась к бывшей подруге с замечанием.

— Ты так и не поговорила с Терезой Вацлавной из восьмой палаты, Вика. Ей необходима психологическая помощь.

— Так палата же женская, — скороговоркой высказалась молоденький интерн Мариша и смущенно замолчала, спрятавшись за спиной у старших.

Виктория обвела присутствующих высокомерным взглядом и обратилась к Яне.

— Для тебя я — Виктория Александровна. Ничего с твоей Вацлавной не случится. Зайду, когда смогу.

Она развернулась и ушла, нацепив на лицо свою обычную приветливую маску, а врачи сочувственно посмотрели на Синичку, зная или догадываясь об их отношениях.

Яна не знала, что сказать и обернулась в поисках хоть кого-то повода, чтобы уйти.

Он наблюдал за ней издали, прищулив глаза. Зеленые и пронизательные.

Глава 4

Яне таки пришлось идти на гулянку. Главврач объявил это мероприятие обязательным для посещения. И все из-за гостей. «Маэстро», видите ли, захотелось продемонстрировать гостеприимство перед врачами из Торонто. А какое же гостеприимство без столов, ломящихся от еды и спиртного?

Яна до последней минуты не могла решить, что надеть. Хотелось выглядеть не слишком броско и одновременно эффектно. Как совместить и то, и другое, она не знала. Задумываться о причинах необычного желания Яна даже не пыталась. Убедившись, что самой ей не справиться, она обратилась за помощью к соседке Маше — бывшей Мисс школы, а сейчас матери двух симпатичных двухлетних близнецов Люси и Ляли.

Маша критически перебрала весь ее гардероб и уверенно заявила, что в шкафу Яны нет ничего подходящего. Но к счастью у нее завалилось одно симпатичное платьице — ни разу не одетое и приобретенное еще до родов, которым она готова пожертвовать лишь потому, что к ней впервые обратилась за советом отличница. В порыве благотворительности молодая мамочка, весьма довольная тем, что ее глаз по-прежнему наметан и платье подошло, наложила соседке макияж, предупредив, что Яна ни в коем случае не должна касаться лица руками, только помадой.

Все это Маша проделала ловко и быстро, несмотря на то, что два маленьких ангелочка непрерывно вертелись у нее под ногами, орали, требуя внимания, и пытались добраться до

косметики. А когда им это удалось, они измазали ею себя и лица всех кукол, которые попались им на глаза. В то время как Яна наблюдала за происходящим с ужасом, ее соседка совершенно спокойно достала влажные салфетки и по очереди вытерла симпатичные личики близнецов.

Переступая с ноги на ногу от холода в черных туфлях на высоком каблуке под вывеской на маленьком ресторанчике «Амур», Синичка долго не решалась войти, в который раз ругая себя за тщеславие, заставившее ее заглянуть домой в поисках подходящей одежды. Она могла остаться на работе и явиться в ресторан вместе с другими врачами, не терзавшимися из-за своего внешнего вида. Теперь же ей придется заходить внутрь в одиночестве, на глазах у всех. Яна терпеть этого не могла, но холод переносила еще хуже. Когда ее зубы начали стучать, она вздохнула и вошла.

Он скучал, но стоило ей войти, как он понял, что ждал ее. Остап удивился, что никто из присутствующих мужчин тут же не вскочил, чтобы предложить ей место за своим столиком.

Она совсем не походила на подростка в своем темно бирюзовом платье из струящейся ткани. Красивая. Искрящаяся. Изящная. Скорее утонченная. В любом случае необыкновенная девушка.

Она обвела взглядом зал, видимо, разыскивая кого-то. В ней чувствовалась какая-то незащищенность, даже ранимость, которая чуть не заставила Остапа вскочить и пригласить...

Собственно, пригласить было некуда. За его столиком не оказалось свободных мест, а танцы еще не начались. К тому же, они не знакомы. Что это с ним? Сейчас двадцать первый век на дворе. Может и сам познакомиться.

Пока он сомневался, рядом с Яной появился симпатичный черноволосый мужчина, взял ее за руку и отвел к одному из столиков. Девушка улыбнулась, а у Остапа испортилось настроение. Только глупец мог предположить, что такая девушка может остаться без мужского внимания.

— Скучаешь, Остап?

Хелена Родзинская — милая, умная женщина. Они дружили уже несколько лет и, Остап подозревал, что она подумывает о большем, чем просто дружба. Он так и не решился на близкие отношения с ней, и не только потому, что ее отец — директор клиники, по сути — его работодатель. Что-то удерживало Остапа от сближения с Хеленой, хотя общался он с ней с удовольствием.

— Не слишком. Просто наблюдаю.

— Я тоже. Здесь все по-другому — работа, условия, отношения, люди.

— Разве я так сильно отличаюсь от других твоих знакомых?

— О, я иногда забываю, что ты жил здесь много лет. Но ты отличаешься, Остап. И мне это нравится.

К счастью, отец Хелены избавил его от необходимости отвечать. Он втянул свою дочь в какую-то беседу с главврачом, а Остап снова посмотрел в сторону столика, где симпатичная русоволосая девушка обворожительно улыбалась своему собеседнику.

Ревность? Кто бы мог подумать? Он напомнил себе, что она слишком юна для него.

Яна освоилась в непривычной для себя обстановке довольно быстро, и все благодаря Сергею. Он болтал без умолку и бессовестно баловал ее комплиментами. Она не сумела остаться безучастной к подобному вранью, не удержалась и тотчас высказалась другу по этому поводу. Вороной напустил на себя шутливо обиженный вид, а все присутствующие, хохоча, заверили Яну, что она на самом деле отлично выглядит. Окончательно смутившись, она залилась горячим румянцем. Ее усилия выглядеть женственно не пропали зря.

Понимая, что поступает по-детски, Яна бросила быстрый взгляд в сторону столика, где разместились заграничные гости. Ей очень хотелось, чтобы зеленоглазый доктор тоже заметил, что она может быть не только растрепанной и заспанной, но тот о чем-то доверительно разговаривал с дочерью Родзинского. Ну и пусть.

Она отвернулась и заметила у барной стойки Виталика. Тот выглядел сердитым и одиноким. Яна тут же напомнила себе, что этот парень ее больше не интересует.

Раевский произнес очередную цветастую речь. Все выпили за здоровье гостей. Присутствующие активно заработали столовыми приборами. Затем явились музыканты, и начались танцы.

Яна не помнила, чтобы хоть раз так веселилась. Сначала ее пригласил на танец Сергей, затем еще несколько молодых — и не слишком — коллег. И каждому Вороной наказывал вести себя с Яной прилично. Когда он, увлекшись, сказал это пожилому анестезиологу, тот в ответ похлопал Сергея по плечу и сообщил, что танцевал с девушками уже тогда, когда Вороной еще сидел на горшке. Яна ушла танцевать под громкий хохот коллег.

Анестезиолог рассказывал ей какую-то смешную историю из своей практики, когда Яна заметила, что рядом с ней в танце кружится Виктория в обнимку с Родзинским и что-то нашептывает на ухо склонившемуся к ней мужчине. Тонкая оправка его очков поблескивала золотом от освещающих по периметру зал хрустальных люстр, а улыбка казалась довольной и слащавой. Возможно, Яна ошибалась, но, похоже, что еще один мужчина пал жертвой чар госпожи Спинель.

Она поискала взглядом Дубовского. Тот продолжал торчать у бара и не спускал напряженного взгляда с Виктории. Поссорились?

Яна напомнила себе, что ей нет дела до этой пары.

В самый разгар веселья у столика, за которым она сидела, остановился Виталик. Выпивший, но еще стоявший на ногах, он проигнорировал нахмурившиеся лица коллег и наклонился к Яне, пытаясь перекрычать музыку.

— Потанцуем?

Настроение испортилось — и не только потому, что Виталик решил пригласить ее танцевать только после изрядной порции спиртного. Яну обидел тот факт, что он, вероятнее всего, пытался с ее помощью вызвать ревность у белокурой красавицы, повисшей на импозантном иностранце.

Синичка собиралась сказать ему решительное «Нет», но сделала глупость — подняла на него взгляд и передумала. Несмотря на слегка неряшливый вид, Виталик по-прежнему выглядел привлекательно. Видимо, ее чувства к нему еще доминировали над ее разумом. Танцевать с ним, Яна, конечно, не собиралась, но поговорить...

— Думаю, парень, тебе пора баиньки.

Сергей, заметив ее колебания, решил взять инициативу в свои руки. Хотя Яна не любила, когда кто-то принимал за нее решения, она сразу почувствовала облегчение.

Еще совсем недавно она мечтала о том, что будет танцевать, разговаривать, смеяться — вместе с Виталиком, делиться проблемами, советоваться, любить, грезить о будущем — все с ним. Сейчас, когда он стоял перед ней в таком плачевном состоянии, эти мечты выглядели такими же глупыми и ненужными, как увядший цветок в петлице мужского пиджака. Наверное, она оказалась слишком эгоистичной, раз недавний кумир вызывал у нее желание сделать вид, что она с ним незнакома. Эти противоречивые чувства мешали Яне объективно мыслить, и поэтому она могла лишь поблагодарить Вороного за своевременное вмешательство.

Дубовский даже не повернул голову в сторону Сергея, проронив:

— Я не тебя приглашаю.

Виталик взял ее за руку и поцеловал холодные пальцы.

— Ян, пойдём.

Какая несправедливость!

Еще две недели назад она, не задумываясь, ни минуты не сомневаясь, пошла бы за этим мужчиной на край света. А сегодня...

Она бросила на Сергея умоляющий взгляд. Ей не хотелось устраивать сцены при таком количестве народу. Да, она забыла о гостях из Торонто!

— Дубовский, пойдём на улицу, проветримся.

Вороной приобнял Дубовского за плечи. Зная откровенную неприязнь Сергея к Виталику, Яна понимала, что друг оказывает ей огромную услугу, разговаривая с нетрезвым парнем тихо и довольно сдержанно, но Дубовский нетерпеливым движением плеч освободился от «дружеских» объятий.

— Я не с тобой разговариваю, Вороной. Отвали.

Яна поняла, что больше не может отмалчиваться.

— Виталь, думаю... тебе все же лучше подышать свежим воздухом. Сергей тебя проводит.

— Вот значит как. Брезгуешь!

Яна понимала, что жалеть мужчину в таком состоянии — заведомо проигрышное дело, но она ничего не могла с собой поделать и уже начала вставать со стула, когда вмешалась Татьяна Николаевна.

— Милок, ты что-то не слишком хорошо выглядишь для танцев. Главврач заметит, что ты слегка перебрал, по головке не погладит. Шел бы ты с Сереженькой на улицу. А еще лучше — поезжай домой, проспись. Утро вечера мудренее.

После этих слов Вороной и еще один врач подхватили Виталика под руки и оперативно повели к выходу из ресторана. Яна не удержалась и крикнула им вслед:

— Сергей, веди себя прилично!

Станным образом ее слова немного разрядили сумрачную обстановку за столом.

Яна считала, что поступила правильно, но никак не могла избавиться от неприятного, щемящего чувства в груди. Виталик все еще нравился ей.

Она набросила на плечи пиджак, оставленный Сергеем, и вышла на балкон, протянувшийся вдоль многочисленных окон ресторана. Холодный ветер разогнал всех желающих подышать свежим воздухом. Это вполне устраивало Яну. Она прошлась в конец длинного балкона и оперлась на перила, вдыхая полной грудью и пытаясь освободиться от неприятных мыслей.

— Прячетесь?

Незнакомый густой баритон с еле заметным акцентом заставил ее обернуться. Мужчина стоял за ее спиной и смотрел на Яну уже знакомым ей внимательным взглядом. Казалось, он видел ее насквозь, что доказывало и его смелое утверждение. Она и в самом деле пряталась, но поняла это только сейчас, когда мужчина озвучил ее намерение.

Странно, но она чувствовала себя в присутствии этого человека в безопасности. Не спокойно, а именно в безопасности. Именно поэтому Яна ответила ему так, как не сказала бы никому из своих знакомых. Для них она бы придумала очень важный и главное, достоверный повод находиться в это мгновение именно здесь. Но мужчине, стоявшему рядом с ней так близко, что она слышала его дыхание, Яна ответила просто:

— Угадали.

А потом она улыбнулась, и он улыбнулся ей в ответ.

— Остап.

— Яна.

— Красивое имя.

— Мне тоже нравится. У вас почти нет акцента.

— Он появился у меня не так давно. Я живу в Торонто девять лет, а до этого обитал здесь, на улице Липовой.

— Серьезно? А ваши родители? Где они живут?

— Мы всей семьей переехали в Канаду. Моя младшая сестра заканчивает там школу и говорит на английском и французском гораздо лучше меня. Я впервые за эти годы приехал в родной город.

— А я ни разу не бывала за границей.

— Думаю, подобное упущение легко исправить. В наше время это не проблема.

Непринужденность их разговора удивляла, но не напрягала. Яне не приходилось придумывать подходящие к случаю слова, как в разговоре с Виталиком. Она позволила себе немного пококетничать с этим мужчиной, что ей никогда не пришло бы в голову в присутствии Сергея.

Они все говорили и говорили, и Яне вдруг захотелось, чтобы этот симпатичный мужчина жил и работал в этом городе, в ее больнице. Они могли бы встречаться каждый день и делиться мнением о прожитом. Это странное желание немного испугало ее, поэтому она резко замолчала и отвернулась, вглядываясь в темноту.

— Я сказал что-то не то?

— Нет. Все в порядке.

Кроме того, что совсем скоро они вернутся в зал и продолжат веселиться, но уже по — отдельности. Яна вдруг решила, что лучше уйти прямо сейчас, прервать эту мгновенно возникшую привязанность. Ведь Остап все равно отсюда уедет. Рано или поздно. Яна больше не хотела страдать из-за красивых мужчин.

— Холодно. Пожалуй, пора возвращаться.

Она повернулась и очутилась в теплых мужских объятиях.

— Можно, я вас согрею?

Яна подняла на него растерянный взгляд и не нашлась с ответом.

Сейчас его глаза казались темными, но она не могла оторваться от огоньков фар проезжавших автомобилей, отражавшихся в них.

— Вы дрожите. Надеюсь, не от страха?

Он осторожно прижимал ее к своему горячему телу, и Яна нежилась в его тепле, понимая, что должна собраться с силами и уйти, но смогла лишь тихо произнести:

— Нет.

Яна впервые стояла настолько близко к мужчине. Танцы не в счет. Как и все остальное до этого момента, когда все проблемы вдруг отступили на второй план.

Мужчина слегка приподнял ее подбородок и спросил:

— Если я вас поцелую, вы не обидитесь?

Яна, как замороженная, уставилась на твердую линию его рта и прошептала:

— Нет.

Он легко коснулся ее губ поцелуем, отстранился на мгновение, а затем прижался к ее рту требовательнее, побуждая приоткрыть его, впустить внутрь.

Ее голова кружилась от необычных, но очень приятных ощущений. Ей нравилось все — его вкус, запах, прикосновение сильных рук к ее спине под пиджаком. Яне хотелось, чтобы эти мгновения длились как можно дольше, но Остап вдруг отстранился и охрипшим голосом произнес:

— Извини, я немного увлекся. Это не должно было происходить так... волнующе. Ты такая красивая и... В общем — не смог сдержаться. Это ничего, что я на «ты»?

Он дышал рывками, словно после бега. Неужели она заставила такого привлекательного мужчину задыхаться? Неожиданное открытие! Но ответ ее прозвучал сдержанно.

— Ничего.

Почему он извинился? Для него это событие могло и не быть настолько значительным, как для Яны. Хотя, что она знает о мужчинах? Сергей оказался прав — у нее слишком мало опыта.

Вот, к примеру, что она должна сказать в эту минуту? «Спасибо»? «Поцелуй меня еще раз»? Или «Больше не стоит позволять себе такие вольности»?

— Остап, тебя ищет отец.

От волнения Яна едва разобрала английский дочери Родзинского. Она попыталась осторожно выбраться из объятий Остапа, но мужчина не двинулся с места, скрывая от чужих глаз за своим телом худенькую фигурку Яны. Он лишь повернул голову к темноволосой женщине.

— Сейчас приду, Хелена.

Лишь тогда, когда женщина скрылась в проеме балконной двери, Остап отпустил Яну и плотнее закутал ее в пиджак Сергея. Он ласково провел костяшками пальцев по ее щеке и тихо сообщил:

— Завтра утром я улетаю в Торонто.

Как скоро!

Ее сердце защемило от разочарования. Глупая, на что она надеялась?

Не доверяя своему голосу, Яна лишь кивнула в ответ, но Остап еще не закончил говорить.

— Мне нужно подготовить оборудование для отправки в вашу больницу, а еще уладить кучу всяких формальностей. Через месяц я планирую вернуться и немного поработать здесь. — Он взял в свои ладони ее холодные руки и попытался их согреть. — А еще я надеюсь пригласить тебя на свидание. Если ты, конечно, не против.

«Ну, скажи, скажи ему, что ты будешь ждать его, скучать и всякое такое, что говорят другие женщины в подобных случаях».

Но Яна лишь сухо обронила:

— Я не против.

Остап улыбнулся, легко поцеловал ее в лоб и отправился к входу в зал ресторана. Лишь у двери он обернулся со словами:

— Будь я чересчур самонадеянным, то решил бы, что ты подарила мне свой самый первый поцелуй. И мне это очень понравилось.

Что Яна могла сказать в ответ? Это действительно был ее первый поцелуй.

Глава 5

Обнаженная Виктория курила прямо в кровати. У нее не осталось сил встать, а затянуться хоть

разок очень хотелось, как, впрочем, и всегда после секса.

Родзинский, несмотря на свой немолодой возраст, оказался умелым и требовательным любовником, а Вика желала в полной мере продемонстрировать свои таланты этому мужчине. Поэтому их любовные упражнения оказались весьма длительными и достаточно извращенными.

У нее были на планы на этого мужчину. Большие и долгосрочные.

Ее достали эта страна, окружающие ее никчемные люди, копеечная работа. Виктории надоело жить на подачки родителей, поэтому она решила выйти замуж. За Родзинского.

Английским языком благодаря спецшколе она владела довольно неплохо. Во всяком случае, во время их ночных свиданий на протяжении последних двух недель они прекрасно понимали друг друга. Если быть объективной, то и говорить им практически не пришлось. Если все же случались перерывы в их постельных играх, седовласый любовник не уставал восхищаться ее красотой и техникой, и Вика решила, что он уже попался на ее крючок. Воистину «золотая рыбка». Оставалось лишь как можно тщательнее продумать свои желания.

Мужчина возле нее пошевелился, повернулся к ней лицом и провел рукой по ее обнаженному телу, останавливаясь на самых интересных местах. На узком лице промелькнула плотоядная улыбка. Казалось, он в полной ее власти.

— Джон, ты — великолепен. Настоящий жеребец.

— Ты тоже хорошо справляешься, Тори.

Мужчина поцеловал каждую из ее грудей, поднялся и начал одеваться. Странно. Слишком уж он торопится сегодня. Виктория, конечно, устала, но это ее прерогатива отправлять мужчину домой — или в отель. Нет, она не станет устраивать сцен. Не теперь, позже, когда он станет ее законным супругом.

— Я вообще умелая женщина, Джон. В следующий раз...

Родзинский наклонился, чтобы поцеловать ее на прощанье.

— Дорогая, следующий раз откладывается.

Откладывается? А как же ее планы?

Виктория села на кровати, не прикрывая от взгляда мужчины полные округлости. Усилием воли ей удалось оставаться относительно спокойной.

— Милый, это будет тяжело, но я смогу продержаться без тебя день или два. Но не больше! — Вика кокетливо пригрозилла мужчине указательным пальчиком.

— Извини, Тори, но ждать придется несколько месяцев. Возможно, дольше. Завтра мы улетаем в Торонто. Там меня ждут неотложные дела в клинике и... — Родзинский приподнял ее подбородок и запечатлел требовательный поцелуй на ее намеренно сжатых губах, — ... жена. Она со дня на день собирается осчастливить меня третьим ребенком. Я, как заботливый муж, должен быть рядом, когда это произойдет.

Негодяй! Женатый негодяй! Неверный муж и лживый любовник!

— Жена? Ты ничего не говорил о жене! — возмутилась Виктория, но не торопилась прикрываться тканью, чтобы Родзинский знал, чего лишается.

— К чему? Ты бы волновалась понапрасну и не была такой раскрепощенной в постели. — Он снова попытался ее поцеловать, но Вика отвернулась. — Тори, ты не спишь с женатыми мужчинами? Кто бы мог подумать!

Она не могла сообщить этому самоуверенному ловеласу, что собиралась за него замуж. Только не теперь, когда он засомневался в возможности продолжения их отношений. Вика ужасно, дико разозлилась, но сумела обуздать свои чувства и лишь с легкой обидой в голосе произнесла:

— Да, я приличная женщина. Но я могу тебя понять — беременная жена не может удовлетворить потребности такого неутомимого мужчины, как ты. Возможно, я даже сумею простить тебя до твоего следующего визита.

Вика подставила мужчине надутые губки, и он, слегка улыбнувшись, поцеловал их.

Глупец. Он еще не знает, на что способна мстительная и целеустремленная женщина. В будущем она не совершит подобной стратегической ошибки и соберет всю информацию об интересующем ее субъекте заблаговременно. Виктория добьется своего любой ценой. Если, конечно, к тому времени, как Джон захочет вернуться в ее постель, ей не подвернется более подходящий кандидат в мужья.

Виктория позволила Джону отбросить покрывало и еще раз полюбоваться на свое обнаженное тело. Она даже изогнулась в позе, благодаря которой выглядела особенно соблазнительно. Родзинский одарил ее еще несколькими поцелуями и со стоном отстранился, пообещав вернуться как можно скорее.

Звук от щелчка дверного английского замка прозвучал особенно громко в тишине ночи. Вика вдруг почувствовал, что озябла и завернулась в одеяло.

Она слишком поторопилась, когда сообщила Вику, что бросает его. Виктория не привыкла спать одна в кровати — в этой огромной, одинокой, роскошной квартире. Ничего, завтра она приласкает этого влюбленного страдающего дурачка, и он составит ей компанию уже следующей ночью.

Темная вода наступала. Холодные, обманчиво-ласковые щупальца уже начали алчно облизывать пальцы ног, касаясь голой кожи, словно огромная ядовитая медуза. Ее дыхание перехватывало от спазмов в горле, а в голове раздавался настойчивый, громкий звонок, перекрывая обычный противный хохот.

Неимоверным усилием воли Яна заставила себя вынырнуть из крепких объятий очередной серии страшного сна и поняла, что звонок настоящий.

Она взглянула на светящиеся в темноте стрелки часов — почти одиннадцать вечера. Неужели ее родители надумали заночевать в городе? Почему же приехали так поздно? Обычно они предпочитали дневные электрички. В конце концов, могли и позвонить, несмотря на свою нелюбовь к мобильным телефонам.

Яна покрепче затянула поясок на домашнем халатике. Она уснула прямо на диване в гостиной

после того, как вернулась с работы. Зевнув, Синичка засунула ноги в мягкие розовые тапочки и поплелась в прихожую. Яна зажгла в прихожей бра, придерживая рукой голову, трещающую от боли.

Зря она уснула так рано, да еще не в кровати. Нужно было сначала поужинать, затем принять душ, потом...

Увидев на пороге своей квартиры Дубовского, она тут же подумала о том, что не причесана, и ее короткие волосы, должно быть, торчат в разные стороны, как у мультяшного домового.

— Я понимаю, уже поздновато, — хриловатый голос Виталика эхом отдавался в ее больной голове, но все равно казался приятным. Не дождавшись реакции Яны на свою реплику, Виталик смущенно посмотрел на нее из-под густых ресниц и мило, но грустно улыбнулся. — Можно я войду?

Красивый и на этот раз трезвый.

Сколько раз она представляла себе этот момент? Еще больше мечтала об этом. А теперь, когда ее желание неожиданно исполнилось, и Виталик пришел к ней домой, Яна растерялась настолько, что даже не знала, рада ли она ему.

Поэтому она лишь кивнула в ответ и отправилась в гостиную, предоставив гостю самому закрывать дверь. По дороге она включила свет в комнате и подумала о том, что даже не предложила Виталику раздеться. Но ей не хотелось, чтобы он думал, будто она спит и видит, как бы оказаться с ним наедине.

Ей следовало остаться в прихожей и там расспросить, зачем он явился, на ночь глядя. Но с другой стороны, они ведь коллеги и давно знакомы. Принимать Дубовского у двери казалось невежливым.

Продолжая мучиться сомнениями, но тщательно скрывая это от Виталика, Синичка предложила ему присесть и даже спросила, не желает ли он чаю. Сама Яна мечтала о кофе, но понимала, что тогда она сможет заснуть лишь под утро, а завтра ей предстоял полный рабочий день, да еще ночное дежурство в придачу.

Виталик отказался от угощения и, сбросив куртку, устроился в кресле. Когда же Яна расположилась на диване, он пересел поближе к ней.

Она чувствовала, как в нем кипит мужская сила и обаяние, что в его долгом молчании таится какое-то, пока непонятное ей, ожидание. И все это вместе взятое заставляло Яну нервничать. Она не выдержала напряжения и отодвинулась от мужчины на некоторое расстояние. Встать и переместиться еще дальше, казалось смешным. Дубовский мог бы достать ее в любом месте небольшой квартиры. Если бы захотел. А она? Она бы хотела?

Яна не знала этого. А тишина лишь усиливала напряжение в комнате. Поэтому она сдержанно, но нетерпеливо спросила:

— Что-то случилось в больнице?

— Нет. Во всяком случае, ничего необычного.

Он положил широкую ладонь на ее дрожащую руку, и Яна подавила порыв вырвать ладошку.

О чем еще его спросить? Не о погоде же! Дубовский мог бы ей помочь, но он молчал. Зачем тогда пришел?

— Тогда... У тебя личные проблемы?

Почему еще он мог явиться к ней, сесть рядом, завладеть рукой и вниманием? Яна не верила, не могла поверить, что она сама может привлечь Виталика чем-либо. Не может человек вот так запросто сегодня спать с одной, завтра ухаживать за другой. Хотя, Виктория же смогла.

Яна так разволновалась от всех этих рассуждений, а еще от заманчивого тепла большой мужской ладони на своей руке, что даже не сопротивлялась, когда Дубовский поднял ее с дивана и крепко прижал к себе, положив ладонь на ее затылок.

— Да, у меня личные проблемы. — Его горячий шепот звучал у ее губ. — Милая, хорошая, добрая, Яночка, ты настоящая. Самая лучшая. Прости меня. Я был, как слепой, смотрел и не видел тебя. Извини. Извини. Извини...

Он говорил все это, а его губы нежно покрывали ее лицо короткими поцелуями.

Яна оторопела от неожиданных признаний и еще более от неожиданных прикосновений. Она позволяла целовать и обнимать себя, пребывая в каком-то странном оцепенении. Его руки двигались по ее спине и плечам. Его губы колдовали над ее ртом. Его слова гипнотизировали ее слух. Его бедра все сильнее прижимались к ней, демонстрируя мужское желание.

А Яна все еще сомневалась, что это происходит с ней, что вождедеющий ее мужчина — прежде игнорирующий ее Виталик. Ее сознание словно пребывало где-то рядом, со стороны наблюдая за этим действием. Лицедейством.

Она очнулась только тогда, когда ощутила на себе тяжесть мужского тела. В какой именно момент и как Яна оказалась на диване, она не помнила, пребывая в странной эйфории от происходящего.

Неожиданно она поняла, что все это выглядит как-то неправильно, поспешно, пусть даже очень приятно.

— Нет!

Прошло еще несколько мгновений, пока затуманенный страстью взгляд Виталика прояснился, а Яна все это время боялась шевельнуться, чувствуя твердый бугор на своем бедре. Мужчина медленно скатился с нее, сел на край дивана и провел ладонями по лицу.

Яна тоже села, стыдливо запахивая халатик. В ее голове все еще шумело от неожиданности и от осознания того, что она только что чуть не отдалась мужчине, который еще несколько дней назад даже не видел в ней женщину — только коллегу и просто хорошую знакомую.

Не успела она поблагодарить Всевышнего за своевременное прозрение, как Дубовский поднял ее за талию, словно перышко, и пристроил на своем правом колене. И сделал это так быстро, что слова протеста застряли у нее в горле.

— Ян, чего ты хочешь?

Чего она хочет? Сложный вопрос. Тем более, когда находишься в таком взбудораженном

состоянии. Месяц назад она знала, чего хочет. Оказывается, многое изменилось за это время.

— Не знаю.

Наверное, после всего, что Виталик сделал, ей стоило встать с его колен и отойти на безопасное расстояние. Хотя в такой маленькой квартире никакое расстояние не могло считаться безопасным. Но объятие Дубовского не было ни хищным, ни жестким, а весь его вид казался таким усталым, почти обреченным, что Яна осталась на месте, лишь сцепила руки на коленях, как маленькая девочка.

Ну и пусть. Флиртовать она не собиралась.

Свободной рукой Виталик взъерошил белокурые волосы и простонал:

— Прости меня. Я не должен был набрасываться на тебя.

— Не должен.

— Ян, я не хотел тебя обидеть или испугать, честное слово. Мне казалось, что ты меня хочешь. За последнее время я вдруг понял, что ты мне очень нравишься. Вот я и подумал... И она говорила, что ты меня любишь. Не то, чтобы я так уж безоговорочно поверил...

Яна слушала эти сумбурные признания — или объяснения — и молчала. Да, она его любила, во всяком случае, думала, что любит. Он и сейчас ей нравился. Но не настолько, чтобы переспать вот так просто — почти без слов и цветов. И дело, конечно же, не в цветах.

Она.

Он таки произнес это слово, и оно встало между ними стеной и, наверное, будет стоять всегда.

— Виталь, думаю, тебе лучше уйти. Уже поздно. Слишком поздно.

Она не знала, понял ли он двойкий смысл этой фразы, опечалил ли он его.

Глубоко в душе Яна все еще мечтала о нем, но то, что сейчас случилось... Все оказалось слишком не вовремя и болезненно для обоих.

И дело не в физических страданиях, хотя ее сердце ныло от воспоминаний о собственных разрушенных и осмеянных мечтах. Дубовский тоже пострадал от коварства Виктории. Он не пришел бы сегодня, если бы привлекательная блондинка продолжала держать его в своей постели.

Яна жалела его, но утешать не собиралась. Наверное, это эгоистично, но она не могла себя заставить. Возможно, когда-нибудь...

Виталик нехотя поставил на ноги, а затем покрепче затянул поясок на халатике.

— Ты права. Уже поздно.

Перед тем, как уйти, мужчина еще раз оглядел Яну с ног до головы и грустно улыбнулся.

— Все, что я сегодня говорил — правда. Ты нравишься мне, очень, поэтому я не теряю надежду. И еще... — Его взгляд снова стал горячим, и Яне сразу захотелось захлопнуть дверь. Виталик словно прочитал ее мысли, потому что неожиданно сказал: — Запри хорошенько дверь

и не открывай ее мужчинам в такой поздний час. Мало ли, кто еще надумает прийти. Я беспокоюсь о тебе.

Он ушел, а Яна отправилась на кухню — подогреть молока. Она все еще дрожала от пережитого, но понимала, что поступила правильно. А еще она радовалась, что Виталик не упорствовал, иначе ей, скорее всего, пришлось бы поменять место работы. Яне же очень не хотелось уходить из любимившегося коллектива.

Она улыбнулась, вспомнив последние наставления Виталика. Несмотря ни на что, ей понравилось, что он беспокоится о ней. Мужчины. В жизни Яны было не много мужчин, которые могли постучаться в ее дверь. И еще меньше — тех, которых она хотела бы видеть на пороге своей квартиры.

Пока Яна пила молоко, завернувшись в теплое одеяло, она вспомнила еще один момент, когда волновалась так же, как сегодня. Точнее, гораздо больше, чем сегодня. Она не только волновалась, а еще и переживала восхитительные ощущения.

Возможно то, что поцелуй и объятия Виталика не вызвали в ней такого восторга, как единственный поцелуй зеленоглазого красавца, и помогло ей сегодня устоять? Кто знает.

Глава 6

Ей все надоело. Совершенно все, включая эту провинциальную больницу, заикленный на работе медперсонал, постоянно ноющие пациенты — ее жизнь в этом городе, который больше походил на большую деревню, где все друг друга знают.

Виктория, мрачная и злая, шла по длинному коридору отделения, не радуясь даже многочисленным взглядам мужчин, обращенным в ее сторону.

Все они — негодяи и обманщики. Поэтому и она будет обращаться с ними, как с негодьями и обманщиками, и использовать их в своих целях без угрызений совести.

Надо же, вспомнила слово «совесть». Виктория всегда считала, что его нет в ее лексиконе. Это последствия тяжелой ночи, не иначе. Вначале ее оставил Джон, потом она напилась, чтобы уснуть, а затем спозаранку позвонил отец, разбудив ее только для того, чтобы прочитать нотации по поводу недопустимости опоздания на работу.

Ее бесило одно только слово «работа». Но, к сожалению, если она ее бросит, папочка оставит ее без содержания. Старый дурак.

Ладно, как там ее учили? Все проблемы нужно решать постепенно. В первую очередь ей нужен мужчина. Желательно сильный и молодой.

Следуя своей цели, Виктория повернула в сторону хирургии и наткнулась на него неожиданно быстро. Он шел в ее сторону, наверное, в попытке увидеть ее. Как еще можно оценить его слегка дрогнувший взгляд, когда Вик заметил ее? Страдает, бедолага. Но она никогда не жалеет мужчин. Да и женщин тоже.

Виктория изобразила на лице свою коронную застенчиво-соблазнительную улыбку и подошла к нему, почти коснувшись грудью. Но Вик, не глядя в глаза, попытался обойти ее.

Даже так?

Виктория взяла мужчину под руку и пошла рядом, прижимаясь к его руке, словно они по-прежнему вместе.

Обиделся. Ничего, она уже обольстила его один раз. Справится и сейчас.

— Как твои дела, Вик?

— Отлично.

Он никогда не разговаривал с ней в таком резком тоне, и это слегка коробило. Но Вик нужен ей сегодня ночью. Возможно, хочет, чтобы она попросила? Глупец. Кому нужен этот вызов?

— А мне кажется, что не слишком. Что-то ты бледноват, и эти мешки под глазами. Пил?

Вик остановился, стряхнул ее руку и, нахмурившись, спросил:

— Что ты хочешь, Виктория?

— Тебя, естественно. Разве я это когда-нибудь скрывала?

— Господин Родзинский не справился с твоей... твоим темпераментом?

— Ревность?! Как я это люблю. Но не стоит, милый. Зачем мне этот старик, если у меня есть ты?

— Хватит притворяться и лгать, Виктория. Мне известно, что Родзинский сегодня улетел к рожаящей жене.

Ну почему она обо всем узнает последней? Оказывается, даже Вик знает, что у Джона есть жена, а она этот факт прохлопала.

Черт, как же быть? Нет, она так просто не сдастся.

— Скатертью дорога. Эти иностранцы ничего не смыслят в любви. Но ты — ты совсем другой, Вик. Ты — красивый, сильный, страстный! — Она все ближе, на грани непристойности, прижималась к мужчине. — Ты нужен мне, дорогой. Помнишь, как ты любил меня? Неужели забыл? Это невозможно, совершенно невозможно. И я не забыла твое сильное, твердое тело, твои горячие губы, твое впечатляющее возбуждение!

Вика облизала языком пересохшие губы и посмотрела на него сквозь ресницы. Она сама почти возбудилась. Он просто не мог остаться спокойным. Жаль, что она не может проверить его состояние тут же. Виктория чуть не крикнула «Победа!», когда Вик наклонил голову к ее уху, но произнес совсем не то, что она ожидала услышать.

— Я больше не хочу быть твоей сексуальной игрушкой. Этой ночью тебе придется обойтись чем-то другим. Или кем-то другим. Желаю удачи.

Он отшатнулся от нее, как от чумной, и ушел. Она должна была развернуться и гордо удалиться, но не сдержалась и крикнула ему вдогонку:

— Ты приползешь ко мне на коленях! — Вик не обернулся, лишь поднял руку в знак того, что ее отчаянный крик был услышан. — Я отомщу!

Этого он, к сожалению, или счастью, уже не слышал. Ничего. Пусть думает, что он свободен.

Парень еще не догадывается, что от нее освободиться невозможно.

Кажется, ей придется слегка подкорректировать свои планы.

Яна явно переоценила собственные силы, вызвавшись помочь заведующей отделением перенести в ординаторскую кипу папок, и с целью экономии времени взяла их все. Ей пришлось нести толстые тома перед собой, и ее руки уже ныли от напряжения. Синичке предстояло преодолеть еще метров пятьдесят, когда кто-то подхватил ее ношу. Яна не смогла сдержать вздох облегчения.

— Уф, спасибо! — подняв глаза, она удивленно моргнула. — Виталик?

— А что, нельзя? — слегка обижено протянул белокурый красавчик и легко пристроил папки под длинной рукой.

— Нет. То есть, да. То есть... — Яна махнула рукой и ускорила шаг, чтобы не отставать от неожиданного помощника.

Она бросала на него косые взгляды и молчала. Странно, они столько лет знакомы, а поговорить им не о чем. Кроме работы, конечно. И погоды. Что бы он подумал, если бы она вдруг начала говорить с Дубовским о дожде или снеге?

Последние две недели она не раз замечала на себе его пристальные, задумчивые взгляды, но они вызывали в ней лишь робость и, как следствие, раздражение. Прежнее возвышенное волнение, которое неизменно охватывало Яну в его присутствии, куда-то исчезло. Хотя его внимание, все же, льстило ей, как женщине. Иногда в ее подсознании возникали крамольные мысли — а не дать ли этому мужчине еще один шанс?

Умом Яна понимала, что прошло слишком мало времени с тех пор, как он расстался с Викторией, но старая, укоренившаяся привычка восхищаться им, периодически давала о себе знать, как и способность углубляться в размышления в самый неподходящий момент.

— Прости, я задумалась. Что ты сказал?

— Вот так мужчины и теряют чувство собственного достоинства. Идешь рядом с красивой девушкой, помогаешь ей, а она в это время думает о чем угодно, только не о тебе.

Не станет же она признаваться, что как раз о нем и думала. Поэтому Яна лишь молча улыбнулась. Не дождавшись ее ответа, Виталик вздохнул и продолжил:

— Ладно, проехали. Я лишь хотел узнать, простила ли ты меня за тот вечер — у тебя дома. Честное слово, у меня и в мыслях не было тебя обидеть.

— Ладно. Вот донесешь папки до ординаторской и считай, что прощен.

— Ян, я серьезно.

— И я серьезно. Какие могут быть шутки? За эти папки заведующая мне голову оторвет. Они стоят целое состояние, как для больничного бюджета.

Ей совсем не хотелось обсуждать их с Виталиком отношения. Возможно, чуть позже.

— Почему я раньше не замечал за тобой подобного легкомыслия? И твоего чувства юмора

тоже.

Его слова капали бальзамом на ее израненное сердце. В прежние времена она бы уже таяла от счастья и умилялась каждой произнесенной Виталиком фразой. Но теперь в ней осталось не слишком много от прежней доверчивости. Дубовский больше не казался ей безупречным. Возможно, именно поэтому она вдруг почувствовала себя рядом с ним привлекательной и остроумной.

— Ты меня вообще не замечал.

— Не совсем так, но довольно близко к этому. Как не хочется мне тебе возразить, но от фактов никуда не денешься. Тяжело сознаваться в собственной глупости.

— Да уж. — После такого признания Яна могла позволить себе быть великодушной. До некоторой степени, конечно. — Все мы иногда страдаем этим недугом.

— Поэтому теперь, когда я все это осознал, мне бы хотелось... — Не слишком ли далеко она зашла в своем великодушии? Кажется, Виталик что-то задумал. — Я бы хотел пригласить тебя на свидание.

«Но через месяц я планирую вернуться и немного поработать здесь. А еще я надеюсь пригласить тебя на свидание. Если ты, конечно, не против».

Месяц уже прошел. Яна старалась не думать об Остапе, но их поцелуй все чаще и чаще всплывал у нее в памяти во всех волнующих подробностях. Она подсознательно ждала возвращения серьезного зеленоглазого мужчины, не разрешая себе слишком уж надеяться на то, что он помнит о собственном обещании. И о ней.

Возможно, кто-то мог обвинить ее в непостоянстве. Совсем недавно она грезила об одном мужчине, но боялась даже думать в его присутствии. Теперь же почти флиртует с ним, одновременно мечтая о другом.

— Яна, ты слышала, что я сказал? — Виталик помахал у нее перед глазами свободной рукой в попытке привлечь внимание. — Так ты согласна?

Она не могла пойти с ним на свидание. Во всяком случае до того момента, когда убедится, что Остап просто шутил, когда приглашал ее.

— Виталик, понимаешь, я...

— О чем так доверительно беседуем? А, Дуб?

Дуб? Какое-то студенческое прозвище?

Сергей, сверкая недобрым взглядом, стоял у них на дороге, скрестив на груди руки.

— Ты бы лучше помог папки нести, вместо того, чтобы вступать в приватный разговор, Ворон. Не твое это дело.

— Я делаю это дело своим.

— На каких правах?

— На правах друга. А ты ей кто?

— Не твое дело.

— Не трогай ее, понял? А то я могу и на пару затрещин расщедриться.

— Может, отложим до конца рабочего дня? Не хочется перед пациентами устраивать драку? После семи я в твоем распоряжении.

— А чего ждать? Ты просто отвяжись от нее, и я, так и быть, не буду тебя трогать.

— Мне милостыня не нужна. С Яной мы уж как-нибудь сами разберемся. Не хочешь помогать, отойди с дороги. Встретимся после работы на старом месте.

— Ага, давай на старом. Там много твоей кровушки на асфальте осталось.

— И твоей тоже, Ворон. И твоей тоже.

Кровь?

Чего скрывать, после такого «мужского» разговора ее тщеславие до некоторой степени было удовлетворено. Но кровопролития она не допустит.

— Мальчики, я вам запрещаю. Слышали? Никаких «старых мест» и «кровушек».

— Но, Яна!

Хотя ее развеселил обиженный тон Сергея, она сделала строгое лицо и решительно произнесла:

— В противном случае, я месяц не буду с вами разговаривать. Поняли, петухи? — Мужчины нахмурились, но согласно кивнули. — Виталь, отнеси, пожалуйста, папки в ординаторскую и поставь на стеллаж боком, корешками на всеобщее обозрение. А мне нужно срочно зайти к одной пациентке. Договорились?

— Договорились, отнесу и поставлю корешками кверху.

— Боком.

— Ладно, боком. Но ты тоже пообещай мне, что подумаешь над моим предложением.

Ей не хотелось ничего ему обещать. Но «подумать» и «пойти» — это ведь разные вещи, не так ли?

— Я подумаю.

Он ушел, бросив недовольный взгляд на Сергея. Тот проводил его не менее вызывающим взглядом, а затем повернулся к Яне.

— Клеится?

— Ухаживает.

— Давно?

— Две недели. Еще вопросы?

— А ты что?

— Тебе не кажется, Сергей, что я уже взрослая девочка, и твой допрос с пристрастием не уместен?

— Не кажется. Так что?

Яна вздохнула и покачала головой.

— Я еще не решила.

— Яна, блондинка Дубовского так просто не отпустит. Неужели этот смазливчик стоит твоего спокойствия?

— Я же сказала, что еще ничего не решила. Так что беспокоиться не о чем.

— Тебе виднее. Но в случае чего, я рядом.

Яна посмотрела в лицо другу и, улыбнувшись, погладила его по плечу.

— Знаю. Спасибо тебе.

Синичка в очередной раз подумала о том, насколько бы проще ей жилось, если бы она влюбилась в Сергея — прямолинейного, но доброго и решительного. Какой-то женщине очень с ним повезет.

Глава 7

Для Остапа месяц пролетел на удивление быстро. Он так торопился закончить подготовку документов и необходимого оборудования для работы в клинике родного города, что на размышления у него почти не было времени. Сил оставалось лишь на то, чтобы добраться до дома, поблагодарить родных за понимание и горячий ужин и лечь в постель, чтобы забыться сном.

Но чем ближе подходило время отъезда, тем чаще ему снились сны, в которых неизменно присутствовала Яна. Он соскучился по сероглазой девушке, которую знал всего несколько дней. Необычное и волнующее ощущение удивляло его еще и потому, что Остап никогда прежде не испытывал подобных чувств к кому-то, кроме членов своей семьи.

Ко всему прочему его беспокоила Хелена. Стремясь как можно чаще попадаться ему на глаза, она начала заводить разговоры о семье и детях — с каждым разом все более откровенно. Хелена словно чувствовала, что в его мыслях поселилась другая женщина. Несмотря на то, что Остап никогда не давал ей надежды на более близкие, чем дружеские, отношения, она все настойчивее вмешивалась в его жизнь. Ее интересовало все — где, когда и с кем он проводит время, включая завтраки, обеды и ужины, сколько времени собирается проработать в командировке и какой гардероб с собой берет, как часто планирует прилетать домой, и составил ли он список всех телефонов, по которым она может его найти.

Ее требования становились все более настойчивыми. Остап с трудом сдерживал гнев, чувствуя, что его целенаправленно загоняют в ловушку. Только воспоминания о поддержке Хелены в первые годы его пребывания в Торонто, их многолетней дружбе, а еще его зависимое положение от директора клиники Джона Родзинского удерживали Остапа от резких слов. Иностранцу тяжело найти новую высокооплачиваемую работу.

Приближение дня его отлета довело поведение Хелены до абсурда. Однажды она без предупреждения заявила к нему домой на ужин. Несмотря на то, в пять утра Остапу предстояло в аэропорту следить за отправкой важного груза, о чем он сообщил женщине по телефону, ему пришлось до поздней ночи развлекать ее и затем отвезить домой на своем автомобиле. Только многолетняя привычка спать ночью урывками, да лошадиная порция кофе позволила ему подняться в три утра и вникнуть в детали отправки.

Остап по горло насытился ее ревнивым недоверием и поэтому решил поговорить с женщиной откровенно, пусть даже ценой многолетней дружбы. С этой целью он сам впервые за последнее время пригласил ее в ресторан. Остап не знал, расстраиваться ему или радоваться, когда расстроенная женщина сообщила, что вынуждена отказаться от встречи, так как уезжает к беременной матери, наслаждающейся покоем и свежим воздухом в нескольких десятках километров от Торонто. Хелена взяла вынужденный отпуск, чтобы на случай непредвиденных обстоятельств быть рядом, пока отец занят в клинике. Она долго сокрушалась, что не сможет проводить Остапа, как следует. Он не стал уточнять у нее, что означает «как следует», поспешно согласившись, что ее помощь матери необходима. Остап вздохнул с облегчением, невольно радуясь отсрочке неприятного разговора.

Чем меньше времени оставалось до его отлета, тем большее нетерпение он испытывал. И волнение тоже.

Месяц — немалый срок, и Яна могла забыть его. В конце концов, выбросить из головы, решить, что он слишком стар для нее. Красивая, свободная, молодая, слишком молодая, она могла за это время встретить кого-нибудь и даже влюбиться. Это терзало Остапа и заставляло торопиться.

На этот раз ее ночное дежурство прошло относительно спокойно. Яна даже подремала несколько часов на диване в ординаторской.

В этот раз ей приснился Остап, такой, каким она запомнила его в день памятного поцелуя. Он снова целовал ее, и у Яны захватывало дух от еще непривычных ощущений. От возбуждения девушка застонала во сне и проснулась от собственного голоса.

На улице занимался рассвет, оживляя небо нежной розовой краской. Улицей проезжали одинокие машины, а люди еще досматривали самые сладкие сны. Яна же больше не могла уснуть.

Она запретила себе мечтать об этом мужчине, но он сумел пробраться в ее сны — невероятно волнующие и разжигающие желание снова увидеть его наяву. Скорей бы.

Яна неожиданно поняла, что ждет возвращения Остапа с каждым днем все более нетерпеливо, сравнивая со всеми мужчинами, которые окружали ее. Она понимала, что знает о нем слишком мало, почти ничего, в то время, как о Сергее и Виталике — многое. Но это не мешало Яне верить, что Остап искренний и надежный.

Наивно? Возможно. Но именно так она чувствовала.

Яна умылась, расчесала волосы, вытянула из сумочки тушь и помаду, которые в последнее время поселились в ее сумочке, подумала несколько секунд, глядя в зеркало, и вернула их на место, подсознательно моделируя ситуацию.

«Сегодня он приедет. Обязательно».

Возбуждение не покидало ее до традиционного утреннего совещания. Она специально вошла в конференцзал в последнюю минуту перед самым началом. Яне не хотелось, чтобы кто-то заметил, как она волнуется. Она медленно шла по проходу, вглядываясь в рассеявшихся в первом ряду. Во втором, в третьем — по всему залу.

Сергей и Виталик сидели через стул. В последнее время они стали тенью друг друга, когда рядом с одним из них оказывалась Яна. В ее присутствии они больше не позволяли себе выяснять отношения, но их враждебные взгляды говорили о многом.

Яна так и не согласилась пойти с Виталиком на свидание. Что-то постоянно мешало этому. Возможно, Яна подсознательно искала повод, чтобы не встречаться с ним наедине. Ее поведение, наверное, обижало Дубовского, но он молча кивал в ответ на очередное «извини». Парень продолжал настойчиво околачиваться возле Яны, чем доводил до белого каления Сергея.

Иногда Синичке казалось, что это не она, а какая-то независимая от нее старая вражда заставляет мужчин дразнить друг друга. Она то и дело оказывалась между двух огней. И сегодняшний день, судя по их дислокации, не стал исключением.

Яна вздохнула, пытаясь уговорить себя, что вовсе не расстроена. Она устроилась на свободном стуле, ощущая себя буфером.

— Привет, мальчики.

Сергей тут же чмокнул ее в щеку, чем явно разозлил Виталика. Но тот сделал над собой усилие и улыбнулся.

— Замечательно выглядишь. Как прошло дежурство?

Галантен, ничего не скажешь.

Яна видела свое лицо и прическу в зеркале, но разрешила себе побыть слабой женщиной и дать возможность парню убедить, что и в самом деле выглядит замечательно.

— Спасибо. Неплохо.

— Хорошая новость.

Виталик еще что-то спрашивал. Сергей отвечал ему вместо нее. Сама же Яна больше ничего не слышала и не видела, кроме единственного человека, который решительной походкой вошел в зал вслед за Раевским и обвел взглядом присутствующих. Он нашел ее и улыбнулся. Яна улыбнулась ему в ответ.

Ну и что с того, что она выглядит, как чучело. Зато Остап вернулся.

Это был, пожалуй, единственный момент во время утреннего совещания, который по-настоящему порадовал Яну.

Дальше Остап почти не смотрел в ее сторону. Он спокойно и деловито рассказывал присутствующим о предстоящих переменах в режиме работы хирургического отделения, перечислял операции, которые можно будет проводить с помощью нового оборудования, разъяснял требования к их исполнителям. Раевский довольно кивал в такт каждому его слову.

Казалось, еще одно мгновение, и «маэстро» примется дирижировать.

Яна издали любовалась легкими, но сдержанными движениями Остапа, худощавым подвижным лицом с двумя продольными морщинками на лбу. Странно, что она не замечала их раньше. Привычка откидывать пятерней непослушные пряди, то и дело падающие ему на лоб, да задорная улыбка, изредка появляющаяся на красивых губах в ответ на реплики из зала, делали Остапа похожим на мальчишку.

Синичка будто заново с ним знакомилась. А еще ей хотелось вновь почувствовать на себе его пронизательный взгляд, но Остап ее почему-то игнорировал.

«Он на службе, делает важное дело».

Яна повторяла про себя эти слова, пытаясь уговорить нетерпение, но какая-то часть сознания, насмешливо нашептывала: «Он забыл, что пригласил тебя на свидание. Не мечтай зря».

Яна мысленно топнула ногой.

Нет, на этот раз она собирается мечтать до тех пор, пока Остап не откажется от своих слов.

«Он просто занят. Он на службе».

— Кто?

Виталику пришлось тронуть Яну за плечо, чтобы она обратила на него внимание.

— О чем ты?

— Мне показалось, или ты действительно бубнишь «он просто занят» и что-то там еще?

Она чуть не проболталась.

— Да так, стишок один, детский, на ум пришел.

У Яны горели уши от необходимости лгать. Но не могла же она объяснить Дубовскому, о ком сейчас думает. Вот если бы ее спросил Сергей... Нет, ему бы она тоже ничего не сказала. Это только ее тайна. И если Остап не сделает первый шаг, ее новое увлечение может остаться тайной — для всех. В этот раз она себя не выдаст.

— Кажется, этот парень считает, что он умнее нас.

— Кто? — Яна недоуменно уставилась на Виталика. Неужели она чем-то себя выдала?

— О госте, конечно. О ком же еще? Собирается учить, как нужно работать, будто мы без него не знаем.

— Точно, — подал голос Вороной. — Не слишком ли он молод для этого, как думаешь, Дуб?

— Ага.

Первый случай на ее памяти, когда эти двое хоть в чем-то согласились друг с другом. Но Яну это не радовало. Она возмутилась.

— Думайте, что говорите! Человек приехал с благородной целью, оборудование привез, будет

наших людей лечить, возможно, даже спасать. Мог бы себе спокойно сидеть в своей Канаде и не трястись по нашим ухабам. А вы тут не к месту гонор показываете, вместо того, чтобы поддержать.

Дубовский только хмыкнул, а Сергей спросил прямо:

— Ты чего раскипятилась, Синичка? Прямо раскраснелась вся.

— Я не раскраснелась.

— Мне, допустим, виднее, — не унимался Вороной, а Виталик отчетливо скрипнул зубами. — Может, хочешь сама у него поучиться? Что, понравился?

Два подозрительных мужских взгляда Яна терпеть не собиралась, поэтому запальчиво, хотя и тихо, произнесла:

— Понравился. Довольны? Если нужно будет, то и учиться к нему пойду.

Видимо, такого ответа от нее никто не ожидал, и в разговоре возникла пауза, которой воспользовался пожилой анестезиолог, хмуря кустистые брови и грозя им толстым коротким пальцем:

— Не стыдно, молодежь? Мешаете. А я уже старый, плохо слышу. Угмонитесь, наконец.

Яна злилась на ребят, а еще больше на себя, но больше говорить на щекотливую тему не собиралась, поэтому с непокорным видом выпрямилась на стуле, скрестила руки на груди и плотно сжала губы, чтобы не сказать что-то еще, такое же откровенное.

Сергей примирительно прошептал ей на ухо:

— Да ладно, не обижайся. Мы пошутили. Правда, Дуб? — Дождавшись утвердительного кивка Виталика, Вороной легко потрепал Яну по плечу. — Ты тоже пошутила. Согласись. Ты ж не знаешь этого мужика совсем. А, Синичка?

Яне совсем не хотелось признаваться в своем коротком знакомстве с Остапом. К тому же Сергей по-своему прав. Что она знает о нем? Кроме того, конечно, что он замечательно целуется.

— Ты прав.

— Вот и ладненько.

Вороной в знак примирения слегка приобнял ее, а Дубовский тут же толкнул его в плечо. Воспользовавшись случаем, Яна освободилась от дружеского объятия.

Затем она поймала быстрый зеленый взгляд. На этот раз хмурый.

— Ну, как, нравится?

Если пыхтящий над ней окулист еще раз задаст подобный вопрос, она просто столкнет его на пол. Надоел уже со своей заботой. «Тебе удобно?» «Не жестко?» «Может, помедленнее?»

Не могла же Виктория сказать этому очкарику, что именно так ей и нравится — жестко и

стремительно. Приходиться довольствоваться тем, что есть. Во всяком случае, пока она не подыщет кого-то другого на его место.

Вика почти силой затащила мужчину в свой кабинет. Он был не против переспать с очаровательным психологом — но в уютной постели, с комфортом. Вика же не желала ждать, пока закончится рабочий день. Подгоняла необходимость расслабиться, избавиться от злости, которая жгла ее мозг все то время, пока она сидела на медсовете и наблюдала за троицей «голубков».

Какой же проворной оказалась эта тихоня Синичка. Сумела таки прибрать к рукам Виталика. И как только ей это удалось? Отдалась ему, не иначе. По какой еще причине у мужчины может появиться подобный собственнический взгляд?

Виктория от нечего делать все больше заводила себя размышлениями по этому поводу. А о чем еще ей думать? Не о пациентах же.

Выступавший с докладом иностранец выглядел очень красивым, но слишком сдержанным и, скорее всего, недостаточно обеспеченным, что в глазах Вики было почти самым большим его недостатком. Хотя... Нет, возможно, позже. Чтобы заполучить такого типа, требуется много времени и терпения. Ни того, ни другого ей как раз и не хватало.

Как же она недоценила маленькую пройдоху?

Вика кое-как сумела смириться с тем, что Сергей не захотел иметь с ней ничего общего. Однако непонятно, как он согласился терпеть еще одного мужчину рядом со своей драгоценной Яной? Может, она спит с ними обоими? Нужно обязательно поквитаться со всеми — побыстрее и побольнее. Но как это сделать?

Слишком много неприятных вопросов и мало ответов, а Вика любила контролировать ситуацию. Ей просто необходима спокойная, трезвая голова. Существовал единственный способ — необходимо заполучить в свою постель хоть какого-то мало-мальски приличного мужика без особенных претензий. Иначе она точно сопыетса от одиночества и злости.

Тут то ей под руку и попался моложавый окулист, давно не спускающий с нее масляного взгляда. Он случайно оказался рядом. Вика, покровительственно улыбаясь, позволила очкарику поразглагольствовать о единении душ и тел, о знаках судьбы и ее прекрасных глазах, а затем без угрызений совести уложила на кушетку в своем кабинете. Мужчина очень быстро забыл о высоких материях и невесте. О последней он неразборчиво пробормотал несколько слов уже на пороге, и перешел к земному и насущному, чего Вика и добивалась.

Но окулист оказался не таким искусным любовником, как Вик или хотя бы Родзинский, и ей пришлось помечтать, чтобы получить удовлетворение. Ничего не помогало до тех пор, пока она не вспомнила об Эдде. И тогда Виктория взорвалась.

Ничего не изменилось. Никто другой не знал, что ей нужно в постели. Но Эд — неизвестно где, и поэтому она улыбнулась и потрепала своего любовника по спине.

— Замечательно. Встретимся вечером у меня дома. — Увидев проблески сомнения в его близоруких глазах, Виктория ехидно добавила, — Ты же не хочешь, чтобы твоя невеста узнала о нас?

Глава 8

— Нам всем придется потрудиться, уважаемые коллеги.

Яна не могла оторваться от вдохновенного лица Остапа. И не только она. Все женщины, присутствующие в ординаторской, слушали его почти с благоговением, будто он лирику читал, а не предъявлял требования к работе.

Она почти не слышала слов, обращая внимание лишь на модуляции его голоса, убедительные и искренние, на сдержанные, но уверенные движения рук, удивительные глаза, то скрытые за веками, то вспыхивающие ярким зеленым пламенем. И от этих вспышек у Яны каждый раз перехватывало дух.

Ей так хотелось просто подойти к нему и сказать «Привет!». Яна имела такую возможность перед тем, когда заведующая отделением собрала их всех для разговора, но не решилась. Не хотела навязываться.

Она уговаривала себя, что не обиделась. В конце концов, Остап не давал ей никаких обещаний. А насчет свидания мог и передумать. Прошел целый месяц, и за это время многое могло случиться.

Ответив на вопросы, Остап быстро закончил совещание, и Яна, обреченно вздохнув, вместе со всеми двинулась к выходу. Хотя шла она очень медленно, стараясь задержаться, еще надеясь, что Остап все же ее окликнет, и ругая себя за наивность, входная дверь неумолимо приближалась.

— Синичка! — Яна вздрогнула от звонкого голоса заведующей отделением. — Подойдите ко мне, будьте добры.

Он никак не мог придумать повод, чтобы попросить ее остаться. Не окликать же девушку перед всеми. К тому же Остап не был уверен, что Яна захочет с ним разговаривать.

В первое мгновение, увидев ее, Остап не устоял и улыбнулся, несмотря на десятки взглядов, направленных на него и, возможно, заметивших его реакцию. В тот момент его не волновало, что подумают другие. Тогда ему показалось, что девушка обрадовалась, но потом он заметил рядом с Яной двух симпатичных мужчин, добивавшихся ее снимания. Молодые и симпатичные, они больше подходили Яне по возрасту.

Остап все говорил и говорил, скрывая то, что озабочен, расстроен и ревнует. Он уже пожалел, что оставил девушку так надолго после единственного поцелуя. Если бы перед отъездом у него оказалось чуть больше времени, он бы постарался, чтобы Яна не забыла ни минуты из их встреч. Но ему пришлось улететь, хотя он и понимал — девушка слишком привлекательна, чтобы оставаться без мужского внимания.

Остап узнал темноволосого парня, что-то нашептывающего Яне на ухо. Тот танцевал с ней в тот вечер, когда они познакомились. Второго он не помнил.

Возможно, она передумала и не хочет с ним встречаться?

Остапу не хотелось в это верить. Неприятное чувство выбивало из колеи и напоминало, почему до сих пор он не разрешал себе сердечные привязанности. Они отвлекали его от работы, вносили сумятицу в жизнь, а этого Остап не любил. Он все распланировал на несколько лет вперед, пока в его жизни не появилась Яна.

Остап собрался с мыслями, сосредоточился и закончил доклад, и тут же убедил главврача в необходимости другого — в терапевтическом отделении.

Яна. Он почти не смотрел на нее, но и других не видел тоже. Милое и серьезное лицо, ясный доверчивый взгляд. Все именно так, как он запомнил.

Если эта девушка передумала и ей нравится кто-то другой, он должен убедить ее передумать. Яна стала слишком важной для него, особенной. Прежде ни одна из женщин не вызвала в Остапе собственных эмоций.

Отбросив сомнения, он попросил заведующую отделением для координации работы и для знакомства с больницей выделить ему в помощь доктора, и убедил ее, что лучшей кандидатуры, чем Яна, нет, поскольку он с ней уже знаком.

Заведующая лишь подняла одну бровь и тут же окликнула девушку.

Что-то дрожало и кувыркалось у Яны в животе, пока она слушала наставления Клавдии Сергеевны. Робость и скованность боролись в ней с предвкушением, и Яна еле-еле сумела уловить смысл просьбы заведующей. Она должна все ему показать и со всеми познакомиться, кажется так. Непонятным оставалось лишь то, почему именно она должна это сделать? Случайно или...

Яна покосилась на Остапа и заметила улыбку, таящуюся в уголках губ. Значит «или». От этого открытия девушка разволновалась еще больше.

Она не заметила, как заведующая отделением ушла. Перед ней мягким светом мерцали зеленые глаза. Нужно было что-то сказать, но слова куда-то исчезли, затерялись среди желаний и ожиданий, завладевших ее мыслями.

Оказалось, что мечтать о мужчине — одно, а придумать нужные слова, когда он стоит перед тобой наяву, совсем другое.

— Здравствуй... те.

— Здравствуй.

— С чего начнем? Предлагаю экскурсию по административному корпусу.

— Яна...

— А затем пройдемся по хозяйственным пристройкам, чтобы ты... вы лучше ориентировались в больнице.

— Ян...

— Потом я покажу вам наше и другие отделения, кроме хирургического. Думаю, что в процессе работы ты... вы вникните во все гораздо глубже...

Он закрыл ей рот именно так, как она этого хотела. Если, конечно, получила бы возможность выбирать. Сколько раз она представляла себе все это, фантазировала, мечтала. Действительность оказалась намного лучше.

Вначале горячие губы жадно накрыли ее, дрожащие, заставляя замолчать, а затем уже мягче

словно попросили приоткрыть рот. Яна с легким вздохом подчинилась, впуская язык. Мягкие движения хотелось копировать, как танцевальные «па», и она повторяла их в том же ритме и с таким же желанием.

Волшебный момент затянулся, и лишь спустя некоторое время Яна поняла, что поднялась на носочки, чтобы быть ближе к этому мужчине, в то время как он лишь удерживал ее сильными пальцами за подбородок.

Неожиданно вспомнив, где они находятся, Яна смутилась и мгновенно отпрянула от Остапа. Он не стал ее удерживать. Оглянувшись, она с облегчением вздохнула.

— Здесь никого нет. — Его голос казался спокойным и уверенным. Он словно внушал ей: «Доверься мне». Яна почти не удивилась, когда услышала продолжение своих мыслей в следующих словах Остапа. — Не беспокойся по этому поводу. Я никогда тебя не обижу и не поставлю в неловкое положение. Во всяком случае, намеренно.

Она не знала, что должна ответить. Сказать, что верит ему, было бы слишком опрометчиво. Яна почти его не знала. Сообщить, что это еще рано обсуждать, означало признать, что она рано или поздно планирует встретаться с ним по-настоящему. Ей не хотелось навязываться. Синичка предпочла привычный способ ответа на трудные вопросы. Она промолчала.

Остап изучал ее лицо еще несколько мгновений, а затем продолжил:

— Согласен, мы еще мало знаем друг о друге, и тебе трудно мне доверять, но... Я очень хочу, чтобы между нами не оставалось недоговоренностей. Это мешает отношениям.

Он это сказал. Ей не могло почудиться.

Голова закружилась. Яне хотелось смеяться и плакать от облегчения, но от старых привычек избавляться очень трудно. Сдерживая эмоции, она лишь закусила губу не в силах поверить, что все это происходит наяву. Взрослый, красивый, умный мужчина — и, что самое важное, мужчина, который ей очень нравится — планирует с ней встретаться, общаться, целоваться и... О Боже! Даже дышать стало тяжело.

Остап взял Яну за руку и поцеловал ладонь.

— Куда бы ты хотела пойти — в ресторан, в кино, куда-то еще? Извини, я не слишком хорошо знаком с местными развлечениями. И еще меньше — с твоими предпочтениями. Ты расскажешь мне о них?

Яна улыбнулась и кивнула.

— Мы пойдем в кино.

— На комедию, мелодраму?

— «Пираты Карибского моря».

— Понятно. А теперь, что там у нас по программе?

Виктория непривычной для себя, стремительной походкой шла к выходу из больницы через приемное отделение. Она не хотела привлекать внимание к своему раннему уходу с работы.

«Лечение» окулиста мало помогло ее проблеме, и Вика решила оторваться по полной в каком-нибудь баре, чтобы как-то дотянуть до ночи. А ночью к ней домой придет «очкарик», и она, наконец-то, забудется, отвлечется от проблем. Скука — именно она была ее главной проблемой. Второе место застолбила Синичка.

Как она недооценила ее, эту пройдоху? Быстро же та оперилась. Или раньше та демонстрировала лишь ширму, скромный, незаметный фасад, за которым скрывалась опытная искусительница?

Вороной, Вик, а теперь еще иностранец. Да, она видела сегодня эту приличную на вид парочку. Шли рядышком, глаз друг с друга не спускали, только что за руки не держались — мимо нее, Виктории! Новое увлечение Синички с этого дня тоже в ее черном списке. Сам виноват, связался не с той женщиной.

— Доктор Спинель, к вам пришли.

Этого еще не хватало!

Виктория наградила молоденькую медсестру таким взглядом, что та даже попятилась с перепугу.

— Кто?

— Мужчина не представился. Он сказал, что подождет вас на улице.

Если бы эта девчонка знала, какими словами Виктория мысленно наградила ее и ожидающего мужчину, то ужаснулась бы, но Вике было не до нее. Она устремилась к выходу, надеясь быстро разобраться с посетителем.

Ветер всколыхнул рыжие пряди на голове стоявшего к ней спиной, худощавого мужчины, и Виктория увидела татуировку в виде кобры на длинной шее.

— Кукла, бросай пить, я отвезу тебя домой.

— Не хочу. Здесь весело, не то, что дома.

— Вставай, говорю, — Витька потянул ее за руку, но она выдернула ее из его влажных пальцев. Он оказался настойчивым и, обхватив ее за талию, силой стащил со стула возле барной стойки. — Я обещал твоим предкам доставить тебя домой до полуночи.

— Катись ты к... лешему, вместе с ними. Я хочу танцевать. Давай потанцуем, Вить.

— Уже натанцевались. Тебя ноги не держат. Говорил тебе, не увлекайся «Маргаритой». Да стой же ты ровно! Такая маленькая, а такая тяжелая.

Вика расхохоталась и снова пошатнулась. Она чувствовала себя странно — мысли словно плавали в пунше, а ноги бродили в густом киселе. Смешно.

— Вчера ты не жаловался... Смотри, стены двигаются! — Ей было весело, и она снова рассмеялась. — Помнишь, когда мы в твоём гараже... Лихая я наездница?

— Лихая. Куда ты опять повернула? Выход с другой стороны.

Вика всегда делала то, что хотела. А в этот момент она хотела не домой, к вечно зудящим родителям, а веселиться под классный музон.

— Я собираюсь танцевать.

— Кукла, твой отец с меня скальп снимет. Пошли отсюда.

— Он и так его с тебя снимет, когда узнает... Ох! — Она споткнулась и ухватилась за какого-то парня, стоявшего к ней спиной, — ...чем мы с тобой занимались в гараже.

— Я тебя не заставлял. — Витька даже на миг отпустил ее, видимо от неожиданности. — Ты не посмеешь ему сказать. А, Кукла? Ты же не скажешь?

— Испугался? Так тебе и надо. Пошли танцевать.

— Через пять минут ты должна быть дома. Я обещал! — В голосе Витьки появились истеричные нотки.

Слюнтяй.

— Езжай сам. Я остаюсь.

— Проваливай, парень. Я за ней присмотрю.

Вика подняла голову и наткнулась на светлые, почти прозрачные глаза. Они принадлежали мужчине, за которого она ухватилась, чтобы не упасть. Высокий и худой, с длинными рыжими волосами, собранными на затылке в хвост, он выглядел отстраненным, но его немигающий, плотоядный взгляд заставил Вику задрожать. Мужчина испугал ее и одновременно возбудил. Совершенно новая смесь ощущений, и она привела Вику в восторг.

— Я не могу уйти без нее. Я обещал!

Витька. Он тоже испугался. Голос-то как дрожит. Смешно.

— Или ты сам уйдешь, или тебя отсюда вынесут. Выбирай.

Жесткий парень. Такого у нее еще не было. Точно слов на ветер не бросает.

Витька, видимо, тоже это понял. Он молча развернулся и скрылся в толпе.

Острый взгляд на некоторое время задержался на ее коротком розовом топе, под который она не стала надевать бюстгалтер. Вике понравилось, как он влиял на ее органы чувств. Она ждала привычного комплимента, но парень снова посмотрел ей в глаза и спокойно сказал:

— Пошли. Кукла.

Он повернулся к ней спиной, и Вика заметила на его шее причудливую татуировку. Ей пришлось подняться на носочки, чтобы рассмотреть ее.

Кобра.

— Эй! Как тебя зовут?

Он обернулся, недовольный ее вопросом и тем, что она не последовала за ним.

— Иначе ты со мной не пойдешь?

— Догадливый.

— Пойдешь. Никогда мне не ври. Я этого не люблю.

Он повернулся и направился к черному ходу. Вика стояла и наблюдала, как все уступают ему дорогу, боязливо отскакивая в сторону. Ей это тоже понравилось. Опасный мужчина. Вика уже решила — если он не обернется, пока она сосчитает до пяти, то сама пойдет за ним. Он не обернулся. Зато к Вике подошел какой-то верзила и пробасилна ухо:

— Эд сказал, что ждет тебя в машине у выхода.

Глава 9

— Джонни очень талантливый. Правда?

— Это который Джек?

— Он самый. А Элизабет — настоящая красавица. Жаль, что она не снимается в четвертой части.

— Это ты — красавица. И это правда.

Яна бросила на Остапа смущенный взгляд и улыбнулась.

— Спасибо. Но знаешь, я как-то не привыкла, что меня называют красивой. Наверное, такое нельзя говорить мужчине, но я...

— Совсем — совсем?

— Именно такими словами — никто. Только Сергей иногда намекал на что-то подобное.

— Сергей... С темными волосами?

— Да, Сергей Вороной. Он мой друг, мы в медицинском вместе учились. Вы с ним обязательно познакомитесь. Он тоже хирург. Хороший парень. А так...

— Друг и хороший парень. Вы встречались?

— В каком смысле? — Яна не сразу поняла, о чем он. Неужели ревнует? Это, конечно, здорово, но она не хотела вводить мужчину в заблуждение. — О! Нет. Вначале он был женат. У него даже дочь есть. А позже как-то не сложилось. Он просто друг.

— Я рад.

Синичка хотела сказать, что тоже рада, но в последний момент передумала.

Они прогуливались аллеями парка после вечернего сеанса и разговаривали обо всем — фильме, работе, новом знакомстве Остапа с родным городом. А теперь о них. И именно это больше всего смущало Яну, но и волновало тоже.

Перед началом фильма она серьезно раздумывала, как поведет себя, если Остап обнимет ее или сделает что-то еще, подобное. Конечно, это произойдет в темноте, но ведь на глазах у

многих людей, среди которых могут оказаться ее знакомые. Яна понимала, что большинство современных молодых людей не беспокоятся о таких мелочах. Однако с ней все происходило впервые — свидание, поцелуи и даже обычное посещение кинотеатра вдвоем с парнем.

Остап избавил ее от сомнений, когда просто взял за руку и продержал в своей ладони весь фильм. А еще ей показалось, что он не видел и половины того, что происходило на экране. Мужчина не спускал с нее глаз, ласково поглаживая большим пальцем по внутренней стороне ладонки. Даже когда они сменили полумрак зала на неяркий свет фонарей, Остап продолжал держать ее за руку, мягко сжимая длинными пальцами.

Яна понимала, что уже поздно, а завтра им предстоит очень много дел, особенно Остапу — на незнакомом месте с новыми людьми, но ей было так хорошо рядом с ним, так спокойно, что не хотелось уходить и оставлять его одного в...

— Ты где остановился?

Они подошли к ее подъезду. Остап завладел еще одной ее рукой и, заметив, что она заледенела, попытался согреть холодные пальцы теплым дыханием. Она же совсем перестала дышать от неожиданной заботливой ласки. Неужели и у других парочек все происходит точно так же?

— В гостинице. Она не слишком дорогая. Вначале я хотел снять квартиру, но администрация клиники согласилась оплачивать гостиничный номер.

Она смотрела в его глаза — сейчас почти черные, мерцающие загадочным светом. С ее языка готовились сорваться слова: «Пойдем ко мне, родителей нет дома».

Яна их так и не сказала. Зато заговорил Остап.

— Мне пора.

— Да, конечно.

— Тогда, до завтра?

— До завтра.

— Спокойной ночи.

— И тебе.

Он, наконец-то, отпустил ее руки, чмокнул в нос и пошел прочь. Но потом резко развернулся, схватил в объятия и поцеловал — горячо, жадно, крепко прижавшись к дрогнувшим губам. Короткий поцелуй, но они оба задыхались, когда Остап прошептал ей на ухо:

— Не хочу оставлять тебя. Но если я решусь на это, то не могу обещать, что буду сдержанным. — В это мгновение именно этого ей и хотелось, но сказать об этом Яна не решилась. Остап же коснулся губами ее лба и пробормотал. — Думаю, еще не время.

Яна лишь кивнула в ответ. Остап отступил и взмахнул рукой на прощание. Она проводила его взглядом. Конечно же, он правильно поступил, что не остался. Но все же...

— Вот значит, как.

Яна обернулась на резкий голос, прозвучавший за ее спиной. Виталик проследил взглядом, как фигура Остапа исчезает за поворотом, а затем повернулся к ней.

— Вот значит, как! — вновь повторил он с еще более язвительной интонацией. — Обхаживаешь иностранца?

— Ты меня напугал. Что ты делаешь здесь так поздно?

— Я беспокоился о тебе, хотел пригласить куда-нибудь, но, как вижу, все зря. У тебя, оказывается, собственные планы.

Вначале она смутилась, захотела оправдаться. Но потом подумала — зачем? Почему она должна отчитываться перед этим парнем? Да и перед кем-либо другим — тоже. Ей уже двадцать семь лет, она взрослая самостоятельная женщина.

— Да, у меня были свои планы. И, как ты успел заметить, я их осуществила.

— Ты уверена?

— В том, что они были?

— В том, что ты их осуществила!

— Не поняла.

— Возможно, ты планировала, что гость поднимется вместе с тобой в твою маленькую квартиру, и там вы займетесь тем, в чем ты мне отказала? В чем тогда ты — лучше Вики?

Собственная ярость ошеломила ее. Яна опомнилась только тогда, когда на щеке Дубовского остался четкий отпечаток ее ладони, но ни на миг не пожалела об этом. Он не имел права сравнивать ее с Викторией. Она не такая. Яна собиралась крикнуть это Виталику в лицо, но горло сдавило от обиды. Синичка обошла его и бросилась бежать домой, в свой спасительный уютный мир. Вот только, сможет ли она успокоиться?

Нет, она не такая. Не такая.

— Да, да, да!

Ноги ее дрожали. Вика в изнеможении упала животом на кровать. Мужчина придавил ее сверху своим немалым весом. Он тяжело дышал ей в ухо, а она, наконец-то, почувствовала себя полностью удовлетворенной. Несмотря на то, что Виктория настолько устала, что не могла пошевелиться, во всем ее теле ощущалась непередаваемая легкость — почти забытое чувство. Никто, кроме него, не дарил ей такого наслаждения.

— Эд, я скучала.

Он лишь хмыкнул в ответ и скатился с нее на кровать, даже не поцеловав. Вика и не ждала от него нежности. Он всегда был таким — никогда с ней не церемонился. И лишь то, что Эд неизменно возвращался к ней, косвенно свидетельствовало о том, что он испытывает к ней своеобразную привязанность.

Когда Вика нашла в себе силы повернуть голову в его сторону, Эд уже стоял у окна и курил, стряхивая пепел в хрустальный бокал. Она долго смотрела на его профиль и голое поджарое

тело. Он не обладал фигурой атлета, но неизменно возбуждал ее. Он почти не изменился за несколько лет, разве что появилась новая татуировка на правом плече.

Возможно, стоило предложить ему презерватив?

— Эй, парень, я без резинки не хочу!

Они совокуплялись прямо на заднем сидении автомобиля. Все было замечательно и, главное, молча, до того момента, пока он без предупреждения рывком не заполнил ее. Тут Вика слегка опомнилась и возмутилась.

— Обойдешься.

Парень продолжал врываться в нее, не обращая внимания на слабое сопротивление.

— Ты хочешь ребенка? — гнула свое Вика.

— Я — нет.

— Я тоже не хочу. Тогда надевай резинку. Если у тебя нет, у меня где-то в кармане есть одна.

— Одна? — Он рассмеялся хрипло и насмешливо. — Я сказал обойдешься, значит обойдешься.

Несмотря на то, что вместе с его резкими, ритмичными движениями ее возбуждение все больше возрастало, и она все стремительнее теряла голову, Вика решила повторить свое требование.

— Эд, давай с резинкой. — Понимая, что он больше не собирается разговаривать на эту тему, она сказала то, что никогда не говорила ни одному мужчине. — Пожалуйста.

В ответ он лишь крепче сжал ее бедра и поднял их повыше, чтобы было удобнее. Лишь когда все закончилось, и она бессильно притихла под ним на кожаной обивке, Эд соизволил ответить:

— Запомни, Кукла, раз и навсегда. Больше повторять не буду. Никаких резинок. Никаких капризов. Никаких отказов. Никаких вопросов. Не хочешь забеременеть, пей таблетки. Поняла?

Нет, презерватив — плохая идея. К тому же она давно регулярно пьет таблетки. После того случая.

— Папа, вытащи его оттуда!

— Слышать о нем ничего не хочу. — Отец был непреклонен, но пока, во всяком случае, внешне, спокоен. — Да и чего ради я должен о нем беспокоиться? Только потому, что он тра... затащил в постель мою единственную дочь? Если бы тебе не стукнуло восемнадцать, я бы собственными руками засадил его за решетку.

Вика предусмотрительно не стала уточнять, что встречалась с Эдом еще до своего совершеннолетия. Она решила надавить на жалость.

— Пап, он не виноват. Тот мужик к нему сам в автомастерскую пришел и стал угрожать.

— Ну конечно, и у пай-мальчика Эдика Грохотова случайно в кармане оказался нож.

— Нет, не случайно. Эдик живет в гараже. Должен же он как-то себя защищать.

— Если бы парень не пользовался без спросу чужими машинами, к нему бы никто с угрозами не заявился. — У отца явно заканчивалось терпение. Он подошел к Вике и затряс ее за плечи. — Больше ни слова о нем, понятно?

Вика готовилась умолять отца на коленях, лишь бы он вытащил Эда из камеры, но тот явно не собирался уступать. И тогда она использовала свой главный козырь.

— Папа, я беременна.

Отец застыл с открытым ртом, но лишь на мгновение. Он никогда раньше так на нее не орал, к тому же используя при этом нецензурные выражения. Но потом стало еще хуже. Он вдруг заговорил таким опасно спокойным тоном, что Вике стало страшно.

— Завтра ты сделаешь аборт. После этого ты обещаешь мне, что закончишь учебу и отправишься туда, куда я скажу. И никогда, слышишь, никогда больше не встретишься с этим негодяем. Иначе я отрекусь от тебя.

Она согласна на все, но Эд?

— А как с... ним. — Дрожь в голосе ужасно раздражала, но она не могла не спросить.

— Я заплачу адвокату.

— Я поживу у тебя, Кукла, — не оборачиваясь, сообщил Эд.

— У меня нельзя. — Он молча повернул к ней голову. Вика знала, что Эд больше не станет просить, поэтому заговорила сама. — Отец снял эту квартиру. Я почти уверена, что моя соседка следит за мной. Я обязательно что-нибудь придумаю, дорогой.

Эд не ответил, лишь потушил сигарету и вернулся в постель. Несколько минут лежал неподвижно, а затем лег сверху, поднял ее руки над головой и поцеловал — жестко, на грани боли.

Вика поняла, что он не сердится на нее.

Казалось, он должен спать без задних ног, но сон ускользал, непрерывно возвращая к событиям прошедшего дня.

Остап ворочался в гостиничной кровати, думая о девушке, которая неожиданно и стремительно ворвалась в его жизнь. Она не относилась к классическим красавицам, но ее хорошенькое, подвижное личико, милая улыбка, искренняя манера общения и природная чувственность притягивали его так сильно, что Остап иногда пугался силы своих чувств к ней. Он вспомнил, как загорались ее глаза, когда она радовалась, как смущенно улыбалась, когда он касался ее, как дрожали ее мягкие губы во время поцелуя. Вот и сейчас, стоило ему подумать о ней, и его тело тут же болезненно отреагировало. Как долго он сможет держать себя в руках и обходить стороной постель, Остап не знал. Ему хотелось сбросить с нее одежду и отметить поцелуем каждый уголок желанного тела.

Возможно, ему стоило остаться? Она вряд ли отказала бы ему. Он чувствовал, что нравился девушке. Яна совсем не умела скрывать свои чувства.

Но что потом? Готова ли эта девушка к серьезным отношениям? Возможно, у нее другие планы на жизнь. Неизвестно, захочет ли она уехать отсюда после того, как он закончит здесь свою миссию. А он не сможет оставить ее после того, как займется с ней любовью. Только не ее. И прежде, чем он возьмет ее, Остап должен быть уверен, что девушка идет на это сознательно, а не под влиянием момента.

Впервые в жизни ему захотелось жить вместе с женщиной в одном доме — каждый день ложиться в одну постель, вместе просыпаться, радуясь наступлению нового дня, хозяйничать на кухне и даже ссориться по мелочам. Дети. Ему хотелось детей именно от нее. Осталось узнать, совпадают ли его мечты с мечтами Яны.

Резкий звук телефонного звонка отвлек его от сумятицы мыслей. Остап включил свет и посмотрел на часы. Начало второго ночи. На дисплее мобильного телефона светилась фотография отца.

— Все в порядке, папа?

— Да, конечно. — Низкий голос звучал довольно бодро, и Остап немного успокоился. — О, я забыл о разнице в часовых поясах. Извини, сынок. Ты, наверное, уже спал?

— Нет, еще не успел. Слишком много работы и впечатлений.

— Понятно. Я... — Отец на мгновение замолчал, затем нерешительно кашлянул, но продолжил, — ...не помешал?

Остап понял, что имел в виду отец. Он не одобрял его временные отношения с женщинами. Именно по этой причине Остап никогда не приводил их к себе домой, предпочитая отели.

— Нет, я один. А как Тамара? Слушается?

— Иногда, — отец хохотнул, видимо вспомнив очередную проделку своей дочери. — Ты же знаешь эту непоседу. Как дела в больнице?

— Знакомлюсь. Осваиваюсь.

— Вот и славно. Нет ничего важнее работы. Отдыхай, сынок. В следующий раз позвоню в более подходящее время.

— Не беспокойся, папа. Все будет хорошо. Поцелуй за меня Мару.

Отец. Он всегда был для него образцом для подражания. Ответственный, полностью отдающийся работе хирург женился довольно поздно на симпатичной медсестре, к тому же младшей его на двенадцать лет. И хотя тот очень любил жену, Остап никогда не видел, чтобы на людях отец хоть как-то проявлял свои чувства. Его мать часто жаловалась на это подругам, не обращая внимания на то, что ее дети все слышат.

Он хорошо запомнил тот день, когда она появилась в гостиной их уютного домика в Торонто с чемоданом в руках и заявила, что уходит жить к другому мужчине. Тамара очень тяжело перенесла это событие. Она отказалась уходить вместе с матерью, хоть и была несовершеннолетней. Мать плакала и почти на коленях умоляла дочь, но та осталась жить с

отцом и братом и еще очень долго отказывалась встречаться с матерью.

Остап не был настолько категоричен. Он давно понял, что матери трудно мириться с упрямым, мрачноватым характером отца. Видимо, она недостаточно сильно любила его, если оставила не только мужа, но и детей.

Хуже всего дело обстояло с отцом. От природы не слишком разговорчивый, он окончательно замкнулся в себе, и Остапу пришлось взять на себя все заботы по дому. В редкие минуты откровения седовласый, худой, в одночасье постаревший отец умолял сына никогда не жениться на женщинах, которые значительно моложе его. А лучше вообще оставаться холостяком, посвятив все свои силы любимой работе.

До встречи с Яной эта просьба, почти жизненный наказ отца, не слишком беспокоил Остапа. У него не оставалось времени, а главное желания жениться. Но симпатичная девушка взволновала его чувства и мысли, заставив подумать о будущем. Совместном будущем.

Остап не хотел ошибиться, как это случилось с отцом.

Но разве возможно все предугадать?

Глава 10

— Продолжайте, я вас внимательно слушаю.

Вика сидела в своем кабинете и откровенно скучала под тихий рассказ пожилой женщины. Один лишь факт, что ей приходилось тратить время на пациентку Синички, выводил Викторину из себя. Но в этот раз на необходимости психологической консультации настояла заведующая отделением, и Виктория не решилась на открытую конфронтацию.

К тому же в ее жизнь снова ворвался Эд, и это наполняло все ее существо предвкушением. Она хотела его всегда и везде и уже не надеялась снова заполучить. Хотя «заполучить» применительно к Эду было не совсем подходящим словом. Он жил сам по себе — поступал, как хотел, говорил только тогда, когда не оставалось другого выхода, не привязывался ни к кому и ни к чему, и вряд ли для него существовали хоть какие-то авторитеты.

Но стоило ему появиться рядом, Вика тут же забывала обо всех других мужчинах. Сегодня, когда в больничном коридоре ее перехватил несостоявшийся, почти несостоявшийся, любовник-очкарик и, боязливо оглядываясь по сторонам, начал сбивчиво объяснять, почему вчера проигнорировал назначенное свидание, Вика открыто расхохоталась ему в лицо. Этот парень не догадывался, как ему вчера повезло, что он не попался на глаза Эду.

Вика просто обошла очкарика и даже не пригрозила ему расплатой. Ночь с Эдом сделала ее чересчур мягкосердечной, но не умерила аппетит.

Поддав зевок, Виктория подумала, как замечательно было бы сейчас кувыркаться в кровати — и не только в ней — вместе с Эдом, а не выслушивать старую маразматичку.

— ...одна в огромной квартире.

Вика встрепенулась после этих слов.

— А ну-ка, Тереза... э-э... — она посмотрела на титульный лист истории болезни, — Вацлавна, повторите еще раз последнее предложение.

— Яна, можно тебя на минутку?

Она делала вид, что не слышит и не видит его, в надежде, что парню рано или поздно надоест ее преследовать. С нее вполне хватило вчерашних обвинений. Кстати, весьма несправедливых.

Яна размышляла над его словами первую половину ночи, отыскивая все новые и новые доводы в свою пользу. Их оказалось предостаточно, но уснуть они ей не помогли. Лучше бы она решилась и таки пригласила к себе Остапа, тогда не было бы настолько обидно. Наверное. Хотя, как знать?

Во второй половине бесконечной ночи ей в очередной раз снился прежний ужасный сон, в котором она чувствовала себя жалкой и беспомощной. Давненько он ее не беспокоил.

Яна проснулась с тупой головной болью и в плохом настроении, и сейчас не собиралась больше ничего и никому доказывать. Пусть думает, что хочет.

Синичка ускорила шаг, стараясь оторваться от Дубовского, но тот с упорством одержимого шел за ней. Не бежать же ей от него, в конце концов? Что подумают о них окружающие? Видимо, ей таки придется выслушать от него очередную порцию нравоучений.

Яна остановилась так резко, что Виталик чуть не сбил ее с ног. Он невольно ухватился за нее, чтобы не свалить на пол.

— Извини.

— За что?

Яна удивилась мрачному спокойствию в собственном голосе. Да и своей смелости тоже. Она, конечно же, понимала, за что Виталик извиняется, но ей хотелось услышать это от него.

— За то, что... толкнул.

Пожалуй, растерянным Дубовского она видела впервые. Обычно этот парень казался достаточно уверенным в себе. А тут — ни привычной широкой усмешки, ни смешинки в глазах, ни легкой развязности типа «вот такой я симпатяшка». Только брови хмурит, да бегающие очи в сторону отводит.

Яна подождала еще мгновение, давая возможность парню извиниться за вчерашнее, но Виталик молчал. Тогда она повернулась к нему спиной и отправилась дальше, но уже медленнее, поскольку на них стали оборачиваться коллеги и больные. Синичка же не любила находиться в центре внимания. Дубовский же пытался идти с ней рядом, принаравливаясь к ее шажкам, но продолжал молчать. Этот мужчина начинал ее раздражать.

Он явно планировал сказать что-то еще, но, видимо, не знал, как это сделать, а Яна не собиралась ему помогать. Никто его за язык не тянул. И хотя со вчерашнего вечера ее злость слегка поутихла, прощать Дубовского без извинений и уговоров она не собиралась.

Синичка пыталась выглядеть невозмутимой, но долговязое, большое тело, передвигающееся мелкими рывками, смотрелось комично. Яна внутренне усмехнулась, но на лице сохранила безразличное выражение.

— Я...

«Ну-ну, продолжай, парень. Извиняться — не самое легкое занятие. К тому же подобное косноязычие — торжество справедливости. Не только одним девушкам заикаться в твоём присутствии».

Подобные размышления еще больше подняли Яне настроение. На мгновение она удивилась собственным ехидным мыслям по отношению не к кому-нибудь, а к своему бывшему кумиру, но затем отмахнулась от сомнений в их правильности. Он заслужил их все до единой, и еще многие сверх того.

— Ты...

«Одни местоимения. Где же глаголы, прилагательные?»

Яна снова остановилась. Она смотрела на Виталика с таким видом, словно все происходящее ей порядком наскучило. Девушка даже сложила руки под грудь. У нее в арсенале, конечно, не наблюдалось силиконовых вершин Виктории, но и ее собственная — небольшая, но высокая, явно произвела на этого мужчину должное впечатление. Вот, оказывается, что с женщиной делают обида и злость — она становится уверенной в себе, жесткой и артистичной.

Виталик смотрел на нее с таким откровенным недоумением и почти восхищением, словно видел впервые, и Яне захотелось рассмеяться в ответ на его удивление, но она сдержалась и лишь слегка приподняла брови, намекая на то, что ожидание слишком затянулось.

— Что ты делаешь сегодня вечером? — неожиданно выдал Дубовский, продолжая двигаться взглядом по ее телу. Жаль, что раньше он никогда так на нее не смотрел. Теперь же подобные авансы в его исполнении уже не оказывали на Яну ожидаемого воздействия, хотя и тешили ее самолюбие.

Что он спросил? Ах да. А еще говорят, что непоследовательность — женская черта.

— Охмуряю иностранца.

Она бросила эту фразу Дубовскому в лицо и уже собиралась уйти, но он схватил ее за руку, и ей пришлось остаться на месте.

— Зачем... так? Не думал, что ты такая злопамятная и... вообще.

— Вообще? Это то, что ты забыл сказать мне вчера?

— Я ошибался.

— А мне показалось, что ты говорил именно то, что думал.

— Тебе показалось. Я разозлился, когда увидел тебя с ним.

— Почему?

— Что ты имеешь в виду?

— Почему ты разозлился?

— Ну, как? Ты целовалась с этим пижоном так, что...

— Ты приревновал? Или — что, пожалуй, ближе к истине — тут же вспомнил Викторию и

Родзинского, а затем, долго не раздумывая, сравнил меня с ней?

Виталик смущенно переминался с ноги на ногу, а ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы сдержаться и не перейти на крик. Еще немного, и она превратится в истеричку. Нет уж, дудки.

Яна попыталась незаметно для окружающих отобрать у Дубовского свою руку, но тот не отпускал.

— Я тут подумал. На досуге. Дело не в ней. Не только в ней. Я не собираюсь к ней возвращаться.

— Но и забыть не можешь.

Их взгляды встретились. Мужской взгляд молил ее о понимании. И хотя Яна искренне сочувствовала этому красивому и, в сущности, неплохому парню, но больше не хотела быть лекарем для его болезни под названием «Виктория». Хотя, Виталик, кажется, не собирался этого понимать.

— Могу и забуду. Мне нужна ты. Давай встретимся вечером? Сходим в ресторан или в ночной клуб.

— А ты не планируешь спросить, чего хочу я?

— То есть?

— Вот именно. Ты даже не пытаешься меня понять, узнать, порадовать. Проанализируй свою трогательную, почти душещипательную речь — «я подумал», «я хочу», «я обиделся». Ты даже площадку для встречи выбираешь единолично. А где во всем этом я? Сколько места занимаю? Имею ли право на собственное мнение?

— Со временем ты мне все это расскажешь. Женщины любят поболтать.

— Вот видишь? За многие годы знакомства ты так и не понял, что я не люблю поболтать.

— Но, Яночка...

— Все, с меня достаточно. Я уже устала, а мне сегодня еще дежурить.

Она вырвала руку из его хватки и пошла прочь — как это ни странно, впервые весьма довольная собой. Хотя она почти успокоилась и ее мысли теперь устремлены совсем на другого мужчину, когда Дубовский громко крикнул ей вслед «Я не отступлюсь!», она удовлетворенно улыбнулась.

«Кажется, все спокойно».

Яна обошла почти все отделения, поговорила с медсестрами, осмотрела больных, оставленных под наблюдение дежурного врача. Осталось только приемное отделение, куда она и направлялась, когда услышала возмущенные женские крики. Яна немедленно устремилась на голос.

Медсестра приемного отделения, раскинув руки в стороны и расставив ноги, держала оборону и что-то настойчиво объясняла высокому мужчине в черной кожаной куртке. Он смотрел на

довольно высокую женщину с высоты своего немалого роста ничего не выражающим взглядом и молчал. А когда ее крики ему надоели, он просто отодвинул ее в сторону и направился вглубь — по направлению к Яне.

Не то чтобы она испугалась, но надвигающийся на нее человек выглядел опасным. Яна не заметила бы его в толпе, но сейчас, когда он шел ей навстречу, все необычные мелочи его облика казались особенными.

Рыжеволосый мужчина с бледной кожей, худощавый, но с грацией большой кошки. Точнее кота, потому что не наблюдалось ничего женственного в его движениях и повадках. И взгляде — холодном, прозрачном и ничего не выражающем. От всего этого по телу Яны пробежал холодок, но она не имела права пасовать перед трудностями, во всяком случае, на работе.

— Здравствуйте. Я дежурный врач. Вы по какому вопросу?

Похоже, он собирался пройти мимо нее, даже не взглянув, но ее голос остановил его. Мужчина притормозил и, засунув руки в карманы джинсов, уставился на Яну непроницаемым взглядом.

— Яна Евгеньевна, может, я наряд вызову?

Медсестра уже выглядывала из двери в санпропускник, явно довольная тем, что кто-то другой взял на себя неприятную миссию — выставить несговорчивого мужчину за порог больницы.

Яна отрицательно покачала головой и решила попробовать еще раз.

— Вы пришли кого-то проведать?

Он заскользил глазами-льдинками по ее фигурке, ногам, вернулся к лицу. На крохотный миг Яне показалось, что его губы дрогнули в легкой улыбке, но затем раздался хриплый голос, похожий на скрежет металла.

— Да.

Яна чувствовала себя весьма неуютно под его взглядом, но не отступила.

— Извините, но приемные часы уже закончились. Приходите завтра.

— Завтра.

Он замолчал, раздумывая, и Яна уже решила, что мужчина сейчас развернется и уйдет. Но тот неожиданно быстрым движением, совершенно не вязавшимся с его расслабленной позой, прижал Яну к стене коридора и уставился на ее губы.

— А мне нужно сегодня.

Она должна была испугаться, но не испугалась. Несмотря на то, что его провоцирующий взгляд продолжал изучать ее рот, Яна нашла в себе мужество ответить:

— Сегодня нельзя. У нас режим. Пациенты уже спят.

Что-то мелькнуло в его глазах после ее слов. Возможно, он ожидал, что она начнет умолять его отпустить ее? Или звать на помощь? Но Яна не дрогнула и выдержала назойливое внимание и натиск мужского тела, прижимавшегося к ней не слишком сильно, но достаточно для того, чтобы она не сбежала.

Тогда мужчина приблизился вплотную к ее лицу и прошептал:

— Детка, мне нужна одна старушка. И если ты меня к ней не пропустишь, то...

— То что? Ничего вы со мной не сделаете.

Странно, но Яна на самом деле так думала. Мало того, уверена так же в том, что мужчина ее не поцелует, просто играет с ней.

— Смелая? Или глупая? Или...

— Уходите, пока не приехали патрульные.

— Они так быстро не появляются. У нас еще есть время.

— «Нас» не существует. Уходите, сделайте себе одолжение.

— Ты не дразнишь меня, детка?

После этих слов он прижался к ней сильнее. Она почувствовала прикосновение твердых мужских бедер и громкие, размеренные удары сердца. Он не возбужден. Но все же...

— Уходите. Сейчас же.

Яна сделала попытку оттолкнуть его.

Он оторвался от нее, но не по собственной воле.

— Пошел вон отсюда! И не смей никогда — слышишь? — никогда касаться ее!

Яна впервые видела Остапа в таком состоянии. Его глаза сверкали, как изумруды в свете рампы, а тело выглядело страшно напряженным и готовым в любой момент броситься на ее защиту.

Рыжеволосый мужчина не уступал ему в росте, но выглядел более худым. Хотя черная кожаная куртка вполне могла скрывать его накачанный торс. Несмотря на накаленную остановку, он, как ни странно, стал выглядеть еще более расслабленным и безразличным. Это насторожило Яну. Она уже начала понимать, что это лишь маска, и незнакомец в любой момент может наброситься на соперника. Опасность, исходящая от него стала еще ощутимее.

В коридор высыпал весь дежурный персонал больницы, чтобы поглазеть на происходящее. Яна решила вмешаться, чтобы предотвратить возможную потасовку.

— Остап, оставь его. Он ничего мне не сделал. — Яна взяла его за руку и ласково погладила стиснутый кулак. — А вам лучше уйти, — повернулась она к рыжеволосому мужчине. — Послушайте меня. Приходите завтра. Лучше до восьми вечера.

Мужчина качнулся вперед, и Яна испугалась, что сейчас начнется драка. Но он лишь прищурил глаза, развернулся на пятках и медленно пошел к выходу. Дверь за ним с грохотом захлопнулась.

Глава 11

Все это время глаза Остапа мерцали мрачным пламенем, а уголок рта дергался в неровном ритме. Оказывается, он не настолько сдержанный, каким хочет казаться.

Он крепко сжал ее плечи, но когда заметил, что Яна поморщилась, слегка ослабил хватку.

— Он... с тобой все в порядке?

— Да, конечно.

Он хотел сказать Яне что-то еще, но, посмотрев за ее спину, сдержанно обратился к собравшимся:

— Все работаем. Инцидент исчерпан.

Яна обернулась, но увидела лишь спины медсестер, а Остап уже молча тащил ее за собой по коридору. Она тоже решила ничего не говорить, пока они не придут. Куда-то.

Подходящим местом оказалась ординаторская. Остап тут же запер дверь на ключ.

— Ты вообще думала, когда решила самостоятельно остановить этого... этого...

Его голос звучал весьма категорично. Хотя Яна и понимала, что Остап беспокоится о ней, но все же решила показать, что независима в своих решениях.

— Я только исполняла обязанности дежурного врача.

— Кроме тебя в больнице есть хирург. Позвали бы его.

— Пока бы ему звонили, вводили в курс дела, а затем он спускался из хирургического отделения, этот мужчина успел бы сделать все, что угодно. К тому же, еще неизвестно, не был ли занят хирург на операции.

— Операция закончилась. Я присутствовал на ней.

— Но я же этого не знала.

Они стояли друг против друга очень близко, однако Остап сделал еще один шаг и прижал ее к себе. Яна не стала вырываться. Прижавшись щекой к его груди, она сразу успокоилась. Казалось, в эти минуты с ней не могло случиться ничего плохого.

Остап ласково гладил ее по спине и все еще напряженным голосом шептал в волосы:

— А если бы он сделал тебе больно? Я думал, что пришибу его, когда увидел, как он прижимает тебя к стене.

Яна улыбнулась и украдкой коснулась губами его груди. Ей пришлось по душе его ревность, какими бы объяснениями он ее не маскировал.

— Вокруг толпилось столько людей, что он не мог причинить мне вреда. Разве что... поцеловать.

— И это должно меня успокоить?

У нее вырвался смешок, а Остап подхватил ее на руки и вместе с ней сел на диван. У Яны закружилась голова. От перемещения. От предвкушения.

Их новый поцелуй с привкусом ревности и еще неугасшей ярости очень отличался от

предыдущих и стал для Яны открытием. Первое жесткое прикосновение твердых губ внезапно превратилось в лихорадочное желание обладания.

Яна тут же забыла про скромность. Она целовала Остапа смело, почти отчаянно. Возможно, она действовала не слишком умело, но зато с чувством. И ей это нравилось. А еще состояние эйфории, которого Яна не испытывала ни разу в жизни.

Они, наверное, сошли с ума, причем оба, потому что Яна неожиданно заметила, что ее халат расстегнут, и лифчик — тоже, мужская рука поглаживает чувствительные вершинки, а она не только не возмущается, более того — подбадривает его вздохами и легкими стонами. Он оторвался от ее губ и опустил голову к груди. Яна дернулась и затрепетала в его руках, а он сжал ее в объятиях еще крепче.

— Яна Евгеньевна!

Кто-то стучал в дверь ординаторской и, наверное, не в первый раз. Яна резко вскочила с мужских колен и принялась дрожащими пальцами застегивать бюстгальтер.

Остап тихонько чертыхнулся и приставил указательный палец к ее губам, приказывая молчать. Он поставил ее за шкаф, а сам открыл дверь. Ей только показалось, или в интонации дежурной медсестры действительно слышалось разочарование?

— А... где Яна Евгеньевна? И почему вы закрылись изнутри?

— Думаю, она делает вечерний обход. А я собирался переодеться. Что-то случилось? — Голос Остапа звучал совершенно спокойно, будто не он только что целовал ее губы и... О, Боже! Ей тоже не мешало бы прийти в себя.

— Пациент из девятой палаты требует врача. Я сейчас позвоню ей на мобильный.

Только не это! Ее телефон — в кармане халата, и стоит медсестре набрать номер...

— Я сам ей позвоню. Не тратьте деньги. У вас слишком маленькая зарплата, не так ли?

— Да, маленькая. Такой внимательный доктор. Вы в нашем городе, наверное, совсем одни? Не скучаете?

К этому моменту Яна почти закончила одеваться, но ее пальцы застряли в петле для пуговицы халата. Медсестра флиртовала, самым бессовестным образом!

Она затаила дыхание в ожидании ответа Остапа.

— Не слишком. У меня много работы. Но благодарю за заботу.

Щелкнул замок, и Яна высунула голову из-за шкафа.

— Нас почти поймали с поличным!

— «Почти» не считается.

— Эта медсестра — известная сплетница.

Она попыталась обойти вставшего на ее пути Остапа.

— Яна, — он обнял ее, но девушка попыталась вырваться. Яна Ивановна Синичка пряталась, скрывалась, словно воришка. Непривычное состояние. — Все хорошо. Слышишь?

Она перестала с ним бороться и подняла голову, чтобы видеть глаза.

— Все это, как-то...

— Тебе не понравилось?

— Понравилось. Но, понимаешь, я чувствую себя так, словно делаю что-то...

— Неправильное? Запрещенное?

— Да.

— В следующий раз мы займемся этим у тебя дома. Или у меня. — Он правильно понял ее вопросительный взгляд. — Не сомневайся.

— Ты позволил ей выгнать себя? — Эд невозмутимо доедал пиццу, доставленную курьером, словно речь шла не о нем, будто не его сегодня нагло выставили из больницы. И кто! — Эта глупая гусыня? Никчемная, слабохарактерная пигалица? Уродина?!

— Заткнись. Лучше поешь. Похудеешь от нервотрепки.

Виктория почти задохнулась от возмущения и обиды. Нервотрепка?! Кто бы говорил? У него самого проволока вместо нервов! Сидит спокойный, как удав, когда она не находит себе места.

Ей хотелось сбросить на пол хрустальную вазу с фруктами, но та все равно не разобьется, а Эдду это вряд ли понравится.

Для него же старается! Квартиру ему нашла со старой хозяйкой — почти развалиной. Пожил бы там немного. Гляди, бабка ему квартиру и отписала бы. Родственников на горизонте не видно. Состряпать дарчую в наше время — левое дело. А ты! Если только...

Она заметалась по комнате, кипя от злости, ожидая возможности высказаться. Лишь тогда, когда мужчина дожевал последний кусок, Вика решила задать вопрос:

— Она тебе понравилась? — Эд взял в руки бутылку с коллой и раздражающе медленно сделал несколько глотков. Он никогда не пил спиртного, но Вика не знала, почему. Да и сейчас это не так уж важно. Она понимала, что не стоит дразнить зверя, но не удержалась и спросила: — Сознайся, ну же! Думаешь, я не знаю, что у тебя были другие — до и после, возможно даже во время наших встреч! Хочешь ее? Хочешь?!

Ему потребовался единственный стремительный прыжок, и Вика оказалась прижатой к холодной стене сухопарым мужским телом и рукой, пригвоздившей ее шею.

Тихо, но с ощутимой угрозой в голосе и прищуренном взгляде Эд проговорил ей в губы:

— Я предупреждал, чтобы ты не задавала мне вопросы?

Она кивнула, вернее попыталась — его рука все еще прижимала ее шею к гладкой стене. Вика испугалась и возбудилась. Возможно, последнее и толкнуло ее на безрассудство. Она прошептала:

— Я только хотела помочь. И узнать... что ты чувствуешь. Ты сам рассказал мне о ней.

— Тебе разрешено слушать, а не перечить. — Он почти нежно поглаживал большим пальцем шею Вики, посылая полчища жалящих «муравьев» по ее телу. Она замерла в ожидании. — Надеюсь, ты осознала свою ошибку?

Вика снова кивнула, ощущая, как его колено больно вклинивается между ее ног, свободная рука распахивает атласный халатик и забирается внутрь — туда, где она уже горячая, влажная ожидала него. Виктория всхлипнула, признавая власть этого мужчины, ухватилась за его рубашку, как за якорь, и расставила пошире ноги.

Раздался звук разъезжающейся «молнии». Сейчас она не может думать. Завтра. Все завтра.

Остап ушел в хирургию сразу же после их разговора. Его вызвали на очередную операцию. У Яны под утро появилась возможность вздремнуть, но она была слишком взбудоражена, чтобы уснуть.

Дождавшись семи часов, Синичка отправилась на утренний обход. Она внесла дополнения в листки назначений, выпила в ординаторской крепкий кофе, спустилась в приемное отделение, чтобы измерить давление водителям больничных автомобилей и выдать им разрешение на выезд.

Стоило ей показаться в терапевтическом отделении, она сразу поняла — что-то не так. Медсестры и нянечки при приближении Яны тотчас начинали шептаться, затем умолкали, а потом либо расходились в разные стороны, либо принимались бесцельно перекидывать вещи с места на место. Одни смотрели на нее с болезненным интересом, другие с сочувствием, некоторые с осуждением. Последнее беспокоило особенно сильно.

Что произошло? У кого спросить?

Разъяснение последовало с неожиданной стороны.

Клавдия Сергеевна не стала убегать от нее, как от чумной. Она сама подошла к Яне и пригласила ее в свой кабинет. Заведующая указала девушке на свободный стул, а когда Яна села, сочувственно похлопала ее по руке.

— Мне очень жаль, Яна, что сплетни коснулись именно вас. Я уже провела беседу с несколькими «источниками», точнее с «перевалочными пунктами», но, сами понимаете, разговоры остановить нельзя. Будем надеяться, что они утихнут достаточно быстро.

— Я не слишком хорошо понимаю, о чем речь, поэтому...

— Детка, я вас не виню. Вы — молоды, свободны и имеете право на личную жизнь. Но будет лучше, если впредь станете... назначать свидания за пределами больницы.

Какой стыд! Только бы мама не узнала!

Оказывается, это очень больно, когда тебя обвиняют в подобных вещах. Особенно, когда сама ты до сих пор...

Кто это сделал? Ведь никто не видел их наедине с Остапом в ординаторской. Наверное, дежурная медсестра расстаралась. Больше никому.

Что же сказать? Как она теперь посмотрит на всех... Всех!

— Извините, Клавдия Сергеевна. Это больше не повторится.

Яна с трудом подняла глаза на немолодую женщину и увидела улыбку на ее лице.

— Девочка совсем. Неиспорченная и наивная. Если вам очень хочется, это должно повториться. Я обязательно поговорю с Дубовским. Он виновен в таком положении вещей гораздо больше вас.

Виталик?! При чем здесь он?

Яна уже собиралась возразить заведующей, но в последнее мгновение сдержалась. Кто-то распускал сплетни не о вчерашнем событии.

Она думала, что хуже быть уже не может, но ошиблась.

Остап. Если... Когда до него дойдут сплетни, кому он поверит?

Глава 12

Он уже не помнил, когда в последний настолько сильно мечтал выспаться. Желание упасть на подушку — любую, а можно обойтись и без нее — с каждой минутой становилось все более навязчивым. В Торонто он уже давно отправился бы домой отдыхать, но здесь — не Канада.

После ночного дежурства и изнуряющих многочасовых операций Остап наскоро выпил кофе из автомата и пошел проводить прооперированных пациентов. Кажется, для волнения не было причин, но какое-то тягучее ощущение тревоги не оставляло его. Наверное, это усталость, решил он.

Остап посмотрел на часы. В полдень он должен встретиться с профессором Гришаком, продемонстрировать оборудование, готовность к проведению операций на сердце. У него оставалось несколько часов для сна. Если, конечно, удастся уснуть. Но больше всего ему хотелось увидеть Яну, удостовериться, что с ней все в порядке, просто сказать ей пару слов, заглянуть в глаза.

Они почти столкнулись в дверях перехода между отделениями. Он поддержал ее, чтобы девушка не упала, и позволил себе на мгновение обнять ее, вдохнуть знакомый запах, и лишь потом нехотя отпустил. Она сама ухватила его за руки и торопливо зашептала:

— Нам нужно поговорить. Срочно. — Яна огляделась по сторонам. — Не здесь.

Рабочий день был в самом разгаре. Мимо них сновали пациенты и медперсонал. За пару минут их уже успели пару раз толкнуть, как в центре рыночной площади, поэтому Остап не удивился просьбе Яны. Единственное, что его волновало — беспокойство на ее хорошеньком личике.

— Что-то случилось? — Возможно, пока он оперировал, произошло еще что-то, или... — Вернулся тот мужчина? Рыжий?

— Рыжий? Нет! Не в этом дело.

— Тогда что?

— Я не могу говорить об этом при свидетелях. — Она задумалась на мгновение, а в душе

Остапа разлилась нежность. Яна выглядела такой милой и незащищенной, как первые весенние цветы или маленькие птички. Синичка. Видимо, он непроизвольно улыбнулся, потому что девушка нахмурилась. — Остап, все очень серьезно. Честно говоря, мне не до смеха. Давай выйдем во двор. Только... по-отдельности. Не сердись. Я потом все тебе объясню.

Странно. Почему они не могут спуститься во двор вместе, как коллеги? Но в этот миг затрезвонил телефон. Звонил Гришак. В напряженном графике профессора появилось «окно», и он сообщил ему, что будет в операционной через час. Остап вздохнул.

— Яночка, извини, но нам придется поговорить позже. У меня срочная встреча.

— Пойми, это очень важно!

Он видел, что девушка взволнована, но не мог отказать Гришаку.

— Тогда давай поговорим здесь или в ординаторской. У меня есть пара минут.

— Слишком людно.

— Да что случилось? Тебя кто-то обидел?

— Да. Нет. Не в этом дело.

— Через час, возможно, два часа я освобожусь. Столько времени это может подождать? — Яна смотрела на него с таким несчастным взглядом, что он готов был позвонить Гришаку и отменить встречу. — Ладно, я перенесу осмотр операционной еще на час. Или на то время, когда профессору будет удобно.

— Профессору... Нет, не звони. Разговор может подождать.

— Ты уверена?

— Да. Иди.

Он сделал несколько шагов в сторону операционной и оглянулся — Яна стояла на том же месте и смотрела ему вслед. Остапу захотелось вернуться, но она, видимо, почувствовала его колебания, сделала над собой усилие, улыбнулась и махнула рукой. Он улыбнулся в ответ.

Что может случиться за несколько часов?

Яна смотрела, как Остап быстрым шагом удаляется в сторону хирургического отделения, и жалела, что не сказала ему обо всем тут же. Не хотелось, чтобы и о них ходили подобные сплетни. Тогда ей точно не отвертеться от имиджа легкомысленной девицы. Да и Остап может пострадать, и как следствие, отвернуться от нее.

Почему все это свалилось именно на нее? У Яны и врагов то настоящих никогда не наблюдалось. Хотя, Виктория... Нет, зачем ей это?

Яна шла по коридору, пытаясь разобраться, кому еще выгодно наводить на нее тень, когда мужская рука крепко обхватила ее за талию и увлекла в маленькую пустующую палату.

— Ты с ума сошел, Виталик! Отпусти сейчас же! Разве ты не слышал...

— Знаю я, знаю, — он тянул ее к окну, не отпуская, а Яна пыталась вырваться из его хватки. — Да не брыкайся ты. Я только поговорить хочу.

— Поговорить?! После всей той грязи, что на меня сегодня вылили, ты увлекаешь меня в уединенное место, чтобы поговорить? Я не собираюсь ничего обсуждать, особенно с тобой!

— Грязь?! Ты считаешь, что встречаться со мной — это грязь! Я кто с меня глаз не спускал несколько лет! Забыла уже?

— Иди к лешему! — Ей удалось оттолкнуть Дубовского и перевести дыхание. — Помню я все. Но мы не спали вместе!

— Кому это знать, как не мне. Хотя я не против. А давай переспим, и тогда не будет так обидно.

— Дурак! Как ты можешь?

— Не только могу, я очень даже хочу. Не веришь?

Он снова притянул ее к себе. Яна на мгновение застыла от потрясения, Виталик, действительно ее хотел. Представив себя вместе с ним, а через мгновение — осуждающий взгляд Остапа, Яна начала вырваться и колотить Дубовского по груди кулаками.

— Отпусти сейчас же! Я не хочу! Понял? Не хочу!

Он прижал Яну к себе еще крепче, а вместе с ней и ее ставшие беспомощными руки.

— Успокойся! Я тебя не трону! Успокойся! — Она перестала вырваться и разрыдалась, прижавшись щекой к халату на его груди. — Глупое дитя. Я ж не насильник.

Остап еще раз осмотрел операционную.

Он все приготовил, разложил, предусмотрительно поставив на видном месте главное, чтобы не задерживать профессора.

Через несколько дней состоится первая операция на сердце в этом городе. Ему будут ассистировать лучшие хирурги, но основная ответственность, вне всякого сомнения, лежит на нем. Теперь, когда оборудование установлено, его основной задачей будет не только успешно проведенная операция, но и обучение других хирургов. В этом деле важен каждый нюанс.

— Вы так сосредоточены, доктор. Вам идет.

Остап обернулся. В дверях операционной стояла незнакомая женщина — белокурая и симпатичная.

— Спасибо. Извините, что не знаю вашего имени.

Незнакомка удивленно приподняла бровь и улыбнулась.

— Для вас — просто Виктория. Специалист по людским душам. — Наверное, замешательство таки отразилось на его лице, потому что женщина рассмеялась и объяснила. — Психолог.

— Понятно. Тогда, просто Остап.

— Я знаю. Джон Родзинский очень много рассказывал о вас и вашем таланте. Странно, что мы до сих пор ни разу не поговорили. — Женщина сделала несколько шагов, обойдя операционный стол, и остановилась прямо перед ним. — Вблизи вы еще привлекательнее.

Остап нахмурился. Новая знакомая выглядела очаровательно и вела себя весьма любезно — даже слишком, но не привлекала его. Возможно, всех женщин он теперь сравнивал с Яной, хотя и понимал, что таких, как она, не много.

Он понял, что в ответ женщина ждет дежурный комплимент, но они не на светском мероприятии. На работе Остап не привык фамиллярничать с коллегами. За редким исключением.

— Вы по делу? Извините, но я немного занят — ожидаю профессора Гришака.

— О, прошу прощения. Я проходила мимо, и мне показалось, что вы скучаете. Хотя, в нашей больнице это вряд ли возможно. Вы уже слышали новость дня о докторе Синичке? Нет? Тогда не стану разносить сплетни. Тем более что злые языки могут напридумывать всякого.

Яна? Она хотела поговорить с ним, сообщить что-то.

Остап сорвался с места и помчался в терапевтическое отделение. Он слышал, как Виктория что-то кричит ему вслед, но не обернулся. У него оставалось слишком мало времени до прихода профессора.

Не найдя Яну в ординаторской, Остап принялся открывать дверь каждой палаты на своем пути. Распахнув последнюю в левом ряду, он замер, а потом быстро закрыл ее. Картина, которую он увидел, уже запечатлелась в его мозгу. Молодой хирург прижимал к себе Яну, а ее голова покоилась на его груди.

Остапу потребовалось несколько секунд, чтобы в голове перестали громыхать барабаны ревности.

— Все это, как-то...

— Тебе не понравилось?

— Понравилось. Но, понимаешь, я чувствую себя так, словно делаю что-то...

— Неправильное? Запрещенное?

— Да.

Нет, легкомысленная девушка никогда так не скажет.

Остап осторожно приоткрыл дверь. Яна уткнулась лицом в халат мужчины, а ее плечи вздрагивали.

Плачет. Что же делать? Не врываться же. Почему он ее не выслушал, когда она просила об этом?

Остап тихо прикрыл дверь. Он обернулся, чтобы идти — его уже, наверное, ждал профессор, но наткнулся на знакомую мрачную физиономию.

— Удираешь? Как же ты быстро сдался, доктор.

— Кажется, Сергей?

— Он самый. А еще я друг — настоящий и не такой восприимчивый к сплетням, как некоторые иностранцы.

— Значит так, друг. Сейчас я очень тороплюсь. Меня ждет профессор Гришак. Надеюсь, ты его знаешь. — Дожившись кивка, Остап продолжил. — А ты зайдешь в эту палату и успокоишь ее. Как друг. Я доверяю тебе больше, чем тому, другому.

Услышав, как стукнула дверь, Яна резко отпрянула от Виталика. Она чувствовала себя, будто в прострации. Неожиданное появление Сергея вывело ее из странного состояния.

Вороной с разбегу толкнул Виталика в плечо и резко выдохнул:

— Идиот! Совсем мыслить разучился?!

Дубовский, видимо от неожиданности, на мгновение потерял равновесие, но отреагировал на внезапное нападение очень быстро, придвинувшись к Сергею вплотную.

— Выбирай выражения. Я могу и ответить. Не словами. Если ты заметил, люди разговаривают и в свидетелях не нуждаются.

— Разговаривают они. Нашли место! А если бы вошел не я, а кто-то другой?

Сергей скосил на нее взгляд, но Яна решила не оправдываться. Что это изменит? Она даже не спросила, а скорее констатировала факт:

— Ты уже слышал.

— Секрет перестал быть секретом.

— Но мы не... — Если ей тяжело обсуждать создавшуюся ситуацию с другом, что говорить о других? — ...не встречались. Если даже ты поверил, то я не знаю, что дальше делать. Может уволиться?

Сергей притянул ее к себе, игнорируя протесты Виталика, и обнял за плечи.

— Только попробуй. Это ты виноват.

Он ткнул пальцем в Дубовского.

— Я, конечно, не ангел, но обвинять меня в том, чего не делал, не позволю.

— Джентльмен уступает место даме. Значит, прикажешь, Яне отдуться?

— Нужно найти того, кто треплется и не думает.

— Думаю, что как раз наоборот — преследует какую-то цель, поэтому и треплется. Но ты тоже хорош! Зачем Яну сюда притащил? Думаю, что после ушата грязи, вылитого на нее, она встреч с тобой не искала.

— Я только хотел поговорить. Кроме тебя, нас никто вместе не видел.

— Ты уверен? А может, все-таки видел? К примеру, некий хирург из Торонто.

— Боже! — Сердце Яны подпрыгнуло, а затем затрепыхалось. — Он должен был показывать Гришаку операционную.

— Возможно, но я застал его под этой дверью.

— Он... — Рассердился? Расстроился? Разочаровался? Убедился?! — Он что-нибудь сказал?

— Ян, разбирайся-ка ты со своим парнем сама.

Она очень сомневалась, что после всего произошедшего может называть Остапа своим парнем, но не хотела допрашивать Сергея при Виталике. Разговор стал слишком личным для обсуждения втроем.

— Парень! — фыркнул Дубовский. — Что же он не зашел? Не поколотил меня? Слабо?

— Мечтаешь о драке? Это я могу организовать. — Вороной задвинул Яну за спину. — Не вмешивайся. Пусть сами разберутся. Достаточно тех сплетен, что уже летают коридорами больницы.

— А ты кто такой, чтобы мне мораль читать? Сам к ней клинья разве не подбивал?

Яна развернулась и направилась к выходу. У нее не осталось сил разнимать спорщиков.

— Ты куда? — опомнился Виталик, когда она уже открыла дверь.

— Работать. Меня пациенты заждались. И... спасибо, Сережа.

— Я ничего особенного не сделал. — Вороной пожал плечами. — Ты держись. Ладно? Все наладится.

— Наверное.

Глава 13

Виктория ушла домой довольной. Все удалось. Почти. Ненавистная Синичка опозорена. Во всяком случае, о ней еще долго будут судачить по углам.

Давно нужно было сделать что-то подобное. Когда-то Вика убедилась на собственном опыте в действенности такого способа решения проблем. Отголосков скандала очень трудно избежать. Не случайно ее саму отец отправил в этот городишко. Только «ссылка» Виктории утихомирила сплетниц.

Конечно, она рассчитывала на большой резонанс. Так бы и случилось, если бы не вмешалась заведующая. Ничего, она придумает что-то еще, более действенное. Жаль, не удалось заинтересовать Остапа. Но, наверное, это и к лучшему. Если бы Эд узнал, что она флиртует с другим... Страшно подумать, что бы тогда произошло.

Вика не стала звонить в дверь. Возможно, Эд спит. Если он, конечно, дома. Этот мужчина редко делился с ней планами.

Она нашла его на кухне. Эд в цветастом фартуке, который ей подарила соседка, что-то готовил на газовой плите. От удивления Виктория потеряла дар речи. Но пока она пыталась придумать,

что сказать, запах жареной рыбы ударил ей в нос, и она тот час помчалась в туалет.

Ее вырвало несколько раз. Она стояла, сгорбившись над унитазом и держась рукой за стену, а подбежавший Эд поддерживал ей голову. Когда позывы прекратились, Вика побрела в ванную, буркнув по дороге:

— Спасибо.

Как унижительно! Он впервые видел ее в таком состоянии.

Растрепанная, с расплывшейся по лицу косметикой женщина, смотревшая на нее из зеркала, выглядела ужасно, почти жалко.

Она умылась и прополоскала рот. Кое-как пригладив волосы, Вика отправилась в спальню и открыла окно. Дышать стало легче.

Скорее почувствовав, чем услышав шаги, она поняла, что Эд стоит у нее за спиной, но не предпринимает попыток прикоснуться.

— Какой срок?

Она тяжело сглотнула, услышав подобное предположение, и резко обернулась.

— Ты что? Не может быть! Я уверена, что это вчерашняя пицца. Она мне сразу не понравилась.

— Пицца, говоришь. — Эд медленно, не спуская с нее немигающего взгляда, снял фартук и приподнял рукой ее подбородок. — Когда были последние месячные?

Этого еще не хватало — обсуждать с Эдом женский цикл!

Вика попробовала отвернуться, но мужчина лишь крепче сжал пальцы. Она пыталась думать, но не могла вспомнить, когда в последний раз пользовалась тампонами.

— Не помню. — Эд нахмурился. — Эд, это не имеет значения. Я на таблетках.

— Можешь выбросить свои таблетки. Ты не умеешь их пить. У моей матери было шестеро детей. Я — старший. Понимаешь, что это значит?

— Господи! Шестеро?! А отец? — При этих словах мужчина напрягся, и Вика пожалела о своем любопытстве. Эд впервые вспомнил о матери, и она забыла, что не должна задавать вопросы. — Извини, пожалуйста. Это от неожиданности.

— О беременных женщинах мне известно все. Поэтому даже не сомневайся — ты в положении.

Отец ее убьет. В этот раз точно. Существует только две возможности избежать этого — выйти замуж или сделать аборт. Если замуж... Кто же отец ребенка?

Эд отпадает, слишком мало времени прошло. Окулист? Конечно, можно залететь после одного раза, но это вряд ли. К тому же тот эпизод тоже случился не так давно. Родзинский или Вик? Кто-то из них. Можно ли заставить их жениться? Вик ее игнорирует, а Джон в Канаде, к тому же он женат. Лучше бы это был Эд. Как же все несправедливо!

— Что же делать? Эд, дорогой, может это, все-таки, отравление?

Некоторое время он буравил ее своими прозрачными глазами, а затем процедил сквозь зубы:

— Ладно, давай купим тест. Я видел аптеку за углом.

— Сейчас сбегаяю.

— Нет уж. Я сам.

Он натянул куртку на голый торс и вышел из дому, захватив с собой ключ. Вика недоуменно уставилась на дверь.

Эд ее запер? Зачем?

Оставшееся до конца рабочего дня время Яна десятой дорогой обходила Виталика. Да и Сергея тоже. Она больше не могла обсуждать сплетни, все еще вспыхивающие при ее появлении. Синичка либо делала вид, что не слышит перешептывания за своей спиной, либо буравила особо ехидных прямым взглядом. Как ни странно, это вызывало смущение на их лицах, и Яна поняла, что выбрала правильную тактику.

Она больше не мучилась вопросами «Кто это сделал?» и «За что ей все это?». Усталость и злость преобладали в ее настроении, когда она шла к выходу из больницы.

Остап так и не пришел. Ну и пусть! Если он так легко от нее отказался, значит он ее не заслуживает.

Попрощавшись с медсестрой приемного отделения, Яна вышла за дверь и вдохнула полной грудью прохладный воздух. Вот чего ей не хватало.

— Сколько можно работать? — Мужская рука подхватила ее под локоть и прижала к высокому телу. — Я замерз, пока ждал.

— Кто бы говорил! К тому же тебя никто не заставлял торчать на холоде. Шел бы в свою гостиницу или еще куда-нибудь.

Яна попыталась вырваться, все еще обижаясь, но не тут то было. Остап, видимо, предвидел такое развитие событий и с легкой усмешкой на губах, потянул ее дальше. Ей пришлось почти бежать за ним.

— Не хочу в гостиницу.

Он сказал это почти весело, чем еще больше раздражил Яну.

— Мне это не интересно.

Синичка себя не узнавала. Еще несколько часов назад она беспокоилась, как воспримет Остап неприятные известия, а сейчас язвит.

— Совсем? Обиделась.

— А ты как думал? Неужели тебе все равно? Между прочим, Сережа мне все рассказал — что ты видел меня с Дубовским.

— И что?

— Как что? Если бы я увидела тебя с другой женщиной, то я...

— Продолжай.

Кажется, он насмехается над ней. И она считала его чуть ли не идеалом!

Яна выдернула руку и толкнула Остапа в грудь.

— Ты — непробиваемый, твердолобый, заикленный на работе и... равнодушный. Я думала, что нравлюсь тебе, а оказалось, что... что...

Он снова сделал это — поцеловал, прерывая поток слов накопившейся за день обиды. Ее руки оказались прижатыми к телу, и Яна не могла вырваться, если бы захотела. Но хотела ли? Пожалуй, все же нет. Ей слишком нравились прикосновения этого мужчины.

Поцелуй стал мягче лишь тогда, когда она приоткрыла рот. Яна почти забыла, что стоит посреди улицы, на глазах у прохожих и наслаждается прикосновениями мужских губ. Нежно лаская ее рот, Остап прошептал:

— Ты мне нравишься, очень. Я совершенно не хочу задумываться о том, что было до вчерашнего вечера. У каждого человека есть прошлое. Если тот парень или кто-то другой нравился тебе когда-то, это не значит, что я должен напоминать об этом всю оставшуюся жизнь и закатывать сцены ревности. Ты хотела, чтобы я с ним подрался?

— Нет, но... Ты понял, что только что сказал?

Яна словно выплыла из тумана, когда поняла смысл его слов.

— Вообще-то, рядом с тобой я не слишком хорошо соображаю. А что?

— Наверное, мне показалось. — Остап снова начал ее целовать. Яна довольно вздохнула и лениво пожаловалась:

— Обо мне снова будут болтать.

— Нет, мы уже за воротами больницы.

— Лучше бы дома.

— А что нам мешает?

Он посмотрел ей в глаза, и Яна поняла, что теперь ее очередь на что-то решиться. Она покачала головой и улыбнулась.

— Больше ничего.

К тому моменту, как в замке повернулся ключ, она уже приняла решение. Вика почти не сомневалась — Эд согласится, что это лучший выход из создавшегося положения. Но вначале ей хотелось выяснить кое-что другое.

— Зачем ты меня запер? А если бы мне стало плохо?

— Я отсутствовал всего пятнадцать минут.

— Ты не ответил.

— Кажется, ты кое-что забыла...

— Да помню я, помню. Но... Ты думал, что я побегу к отцу ребенка?

— Смешно.

— Поверь, мне не до смеха.

— Уверен, ты не знаешь, кто отец.

— Откуда ты... — Вика остановилась, не договорив. Ее всегда пугал тот факт, что Эд словно видел ее насквозь. — Поэтому ты не спросил об этом?

— Мне надоели вопросы. Я отвечу только на первый и на этом все. Я запер тебя потому, что на твоём лбу написано — ты готова сделать аборт.

Шокированная Вика даже не возразила. Она подошла к нему и забрала тест. Эд ждал под дверью, пока она возилась с белой пластинкой, и некоторое время молча смотрел на две яркие полоски.

— Завтра ты отправишься к врачу.

— Да, я тоже считаю, что аборт — единственный выход.

— Если ты убьешь еще одного ребенка, я придушу тебя собственными руками.

Глава 14

Едва дыша, Вика прислонилась к стене. У нее кружилась голова.

— Ты знаешь?

— О нашем ребенке? — Она кивнула, испуганно заглядывая в прозрачные глаза. — Знаю.

Невыразительный голос ни на миг не обманул Викторию. Шепотом, будто кто-то мог их подслушать, она спросила:

— Откуда?

— Твой отец сообщил.

— Папа? Ты виделся с моим отцом?

Совершенно невероятная новость, но Вика ни на минуту не усомнилась, что Эд не лжет.

— Кукла, он не оставил мне выбора. Твой папочка навестил меня в тюрьме уже после того, как вынесли приговор.

— Я не знала.

— Ты просила его о помощи для меня?

— Я пробовала, но не думала...

— Боялась, он расскажет, что ты залетела?

— Понимаешь... — Она заметила, как у Эда сузились глаза, и поэтому решила не рисковать и сознаться. — Да, я боялась. Ты не хотел его.

— Не хотел.

Что-то похожее на обреченность прозвучало в его голосе. Впервые Вика ощутила к нему жалость. Пусть на мгновение, но чувство возникло.

— У меня не осталось выбора.

— Твой папаша сказал, что обменял моего ребенка на адвоката. Я только потом понял, что это значит, но уже ничего не мог поделать.

Вика тяжело сглотнула. Она поняла, что Эд предпочел бы оставить ребенка. Наверное, он ее ненавидит.

Что же сказать? Как объяснить, что она делала выбор, будучи глупой девчонкой.

— Я...

Эд отвернулся и направился в комнату. Она пошла за ним, мучительно размышляя, что придумать в свое оправдание.

Мужчина резко притормозил и повернулся к ней. Схватил за плечи.

— Завтра ты встанешь на учет в поликлинике. Бросишь курить и будешь есть только то, что положено беременным.

— Эд, ты не понимаешь. Я не могу пойти к врачу.

— Это еще почему?

— Явиться на прием к гинекологу — равносильно сообщению в местной газете, что Виктория Спинель беременна от неизвестного мужчины. Даже если промолчит врач и медсестра, сидящая на приеме, есть еще медицинские карточки и администраторы. Здесь все медработники знакомы между собой. Папа обязательно узнает.

— Через несколько месяцев все заметят твой живот.

— Не будет этого, если я сделаю... то, что нужно.

— Я уже сказал...

Она умоляюще схватила его за плечи. Эд нахмурился, и Вика опустила руки.

— Но это не твой ребенок!

— Он — твой. Ты же чертов доктор и должна понимать — еще один аборт, и следующая беременность окажется под большим вопросом.

Вика никогда еще не видела Эда таким. Его глаза сверкали, как полярный лед, а тонкие губы вытянулись в нитку.

Неужели беспокоится о ней?

Это предположение казалось настолько невыносимым, что Виктория потрясенно замолчала, не зная, что сказать.

Момент прошел. Лицо Эдда снова стало непроницаемым. Он отпустил ее и отошел к окну.

Вика присела на диван, вытащила из тумбочки пилочку и начала нервно приводить в порядок ногти.

Допустим, она оставит этого ребенка. Отец рано или поздно узнает об этом. Что тогда?

Вика не знала, как он отреагирует. Скорее всего, расвиревет. Возможно, лишит ее содержания. Как она будет жить? На зарплату?

— Эд, я боюсь.

— Все боятся.

— А если у меня не получится?

— Научишься.

— Тебе легко говорить. Мне будет трудно одной с ребенком. Мы с мамой какое-то время жили вдвоем. Это тяжело.

— Ты не одна.

Вика посмотрела на худую, слегка сутулившуюся спину и не рискнула уточнить, что он имел в виду.

Яна пропустила Остапа и закрыла дверь на ключ.

Ей не верилось, что она привела в дом мужчину, который уже не в первый раз намекал на возможные близкие отношения. Странно, но ей не казалось, что она поступает легкомысленно, глупо или неправильно.

Возбуждение, предвкушение, волнение — все это бурлило в ее крови, но не беспокойство. Она — взрослая женщина и, наконец, хочет почувствовать себя привлекательной, желанной, если не любимой. Яна понимала, что их отношения с Остапом слишком хрупкие, а она чересчур неопытна, чтобы взять инициативу в свои руки. Яна надеялась на этого мужчину и верила, что он не обидит ее.

Девушка поняла, что он настроен решительно, и не собиралась откладывать неизбежное. Без слов понятно, что они оба стремятся к одному и тому же. Неизвестно, что подарит им новый день. Непредвиденная работа, новые сплетни, срочный отъезд — все могло произойти. Яна поняла, что больше не хочет осторожничать. Это должно случиться сегодня. Она вошла в комнату вслед за Остапом, повесив на вешалку пальто рядом с мужской курткой.

Он осматривался, останавливая взгляд на деталях — огромном книжном шкафу, уставленному цветами подоконнике, вышитых картинах на стенах, стареньком телевизоре в углу. Яна попробовала посмотреть на обстановку глазами Остапа. Скромно. Но разве это главное?

Он обернулся к ней и улыбнулся:

— Совсем, как в моей старой квартире — здесь, в этом городе.

— Мои родители не слишком много зарабатывали. А у наших врачей, сам знаешь, какая зарплата.

Он обнял ее и прижал к себе.

— Мне все нравится.

— Будешь ужинать?

— Ты меня накормишь?

— Сейчас разогрею что-нибудь.

— Я пошутил. Если ты не голодна, я бы подождал.

Зеленые глаза стали бездонными, и у Яны перехватило дыхание.

— Я не хочу есть.

Остап пригладил ей волосы, взял в ладони лицо и нежно приласкал большими пальцами скулы. Она вздохнула и опустила взгляд на его губы. Он улыбнулся и приблизил к ней лицо. Яна закрыла глаза.

Он поцеловал уголки ее губ, медленно прихватил нижнюю губу, затем верхнюю. Яна почувствовала напряжение внизу живота и придвинулась ближе. Мягкие движения мужского рта кружили ей голову, а ладони, движущиеся вниз по рукам, вызывали дрожь во всем теле. Остап коснулся ладонями ее спины, провел несколько раз вверх и вниз, затем неспешно опустил их ниже, сжал мягкие округлости. Потом поцелуй стал глубоким, и Яна перестала следить за мужскими действиями.

Желание постепенно наполняло каждую клеточку ее тела, заставляя вибрировать мышцы и голосовые связки. Казалось, поцелуй длился бесконечно, и когда Остап отстранился, Яна поняла, что ее не держат ноги. Мужчина подхватил ее на руки и отнес на диван, усадил на колени.

Остап раздевал ее так же медленно, как и целовал, и ей это нравилось. Яна чувствовала себя в безопасности. Он снова отстранился, чтобы снять рубашку. Только теперь она заметила, что осталась лишь в юбке и трусиках, и робко прикрыла грудь. Он бросил рубашку на пол, взял ее за руки и положил их себе на плечи.

— Не прячься от меня. Ты очень красивая.

— Правда?

— Не сомневайся.

Она беспокоилась, что у нее маленькая грудь, лишь несколько мгновений. Яна забыла об этом, когда горячие губы обхватили напрягшуюся плоть. Яна снова прикрыла глаза, перебирая волосы на темной голове. Когда его рука приподняла юбку и погладила по оставшемуся без колготок бедру, она лишь всхлипнула, невольно раздвигая ноги.

Остап поднял затуманенный взгляд и тихо спросил:

— Ты готова? — Она кивнула, не доверяя голосу. — И никаких сомнений?

Яна снова кивнула и погладила Остапа по лицу.

Он подхватил ее на руки и понес в спальню.

Остап видел, что, несмотря на решительный кивок, Яна волнуется, и как можно бережнее положил ее на кровать, зажег торшер.

Он больше не мог противиться влечению, которое с каждым днем, мгновением становилось все сильнее. И болезненнее. Остап не помнил, когда в последний раз настолько сильно хотел женщину. Наверное, это происходило еще в юности, во время первых опытов с близостью. Со временем секс перестал вызывать у него восторженное ожидание и превратился в обычные жизненные эпизоды, хотя и весьма приятные. Когда он нуждался в разрядке, то отправлялся к женщине. Ни одна из них не жаловалась на его умения. Остап и сам знал, что неплох в постели. Но сегодня...

Рядом с Яной ему хотелось выглядеть суперменом, самым лучшим любовником, чтобы она не мечтала о других мужчинах и никогда не сожалела, что приняла его, доверилась ему.

Остап наклонился к девушке и поцеловал, едва коснувшись губ, затем провел руками по ключицам, груди, животу, бедрам, снимая по пути остатки одежды. Яна смотрела на него, слегка приоткрыв губы. Ему снова захотелось ее поцеловать, но прежде он быстро избавился от того, что ему мешало. Глаза Яны мгновенно расширились, она подавила судорожный вздох, но Остап все равно услышал. Он уже встречал подобную реакцию, поэтому, не давая ей возможности задуматься над увиденным, лег рядом и прошептал:

— Мы прекрасно подойдем друг другу.

— Я не боюсь. Только...

— Все получится. Обещаю.

— Я верю тебе.

Господи, еще ни одна женщина не говорила ему таких слов!

Взволнованный, он снова завладел ее губами, наслаждаясь их мягкостью и податливостью тела, слегка подрагивающего под его руками, ласкающими, знакомящимися. Ее нежность вызывала в его душе ответную нежность, но мужская суть требовала своего.

«Терпение!» — уговаривал себя Остап, поглаживая шелковистую кожу живота, внутренней поверхности бедер, упругие завитки. Палец осторожно пробрался в жар. Яна вздрогнула.

Он понял, что взорвется, если сейчас же не овладеет ею, но сделал над собой усилие и продолжил движение, не отрываясь от соблазнительных губ. Яна обняла его за шею и начала выгибаться навстречу руке. Еще несколько коротких и одновременно долгих мгновений, и она вдавила пальцы в его спину, забившись в судорогах, глухо и коротко вздыхая. Остап наслаждался этими звуками и прекрасным, раздумявшимся женским лицом.

Ему не хотелось покидать Яну даже на мгновение, но он заставил себя сделать это. Он должен

позаботиться о ее безопасности. Остап медленно раздвинул подрагивающие ноги и лег сверху. Помогая себе руками, он сделал попытку войти в расплавленный мед. Затем еще одну.

Яна закусила губу и открыла огромные серые глаза, в которых плескалась тревога. Он догадался.

— Я первый?

Она кивнула и провела языком по распухшим губам. Остап сомневался лишь мгновение.

Он потерял свой знаменитый самоконтроль, настолько сильно желал ее. Яна доверилась ему. Почему он все еще думает?

Остап согнул ее ноги в коленях, облегчая доступ, и сделал резкий выпад, глубоко вклиниваясь в девичье тело. Он почувствовал, как напряглась Яна, задышала часто-часто, пытаясь избавиться от боли. Остап не двигался, хотя пот струился по его шее, капая на вздымающуюся грудь. Когда он понял, что больше не выдержит, Яна обвила его ногами.

— Пожалуйста, продолжай.

Он причинил ей боль, а она просит его продолжить. Его первая девственница оказалась смелой девушкой. Она будет принадлежать только ему.

— Держись.

Яна послушно обняла руками его спину и прижалась настолько плотно, что Остап мог бы подняться вместе с ней. Но на этот раз он взлетел к небесам в одиночестве, а хрупкая женщина наблюдала за ним, ласково поглаживая по плечам.

Остап едва нашел в себе силы скатиться с нее, чтобы избавиться от тяжести. Затем прижал к себе и потянул за одеяло, чтобы прикрыть их разгоряченные тела.

— Остап.

— Да?

— Мне...

— Извини. В первый раз всегда неприятно.

— Я не об этом. Мне понравилось.

— Возможно сначала.

— Все. Конечно, вначале особенно, но потом... Ты был такой красивый, одухотворенный.

Остап не сумел сдержать смешок.

— Ты произнесла мои слова.

— Понятно. Значит, так не принято.

— Можешь говорить все, что хочешь. Не важно, как принято. Мы будем сами устанавливать правила. Или вообще обходиться без них.

— Мне это нравится.

— А мне нравишься ты — так сильно, что я забываю обо всем, когда ты рядом. Особенно вот так — совсем близко.

Остап отвел с ее смущенного лица пряди разметавшихся волос и поцеловал — на этот раз нежно, едва касаясь истерзанных губ. Прижал к себе и почувствовал, что снова хочет стать с ней единым целым. Оказывается, он становится ненасытным, когда рядом с ним — любимая женщина.

Любимая.

Остапу понравилось повторять это слово. Пока мысленно, но начало положено.

Его ласки становились все более дерзкими, когда затрезвонил сотовый.

Отец. Остап решил игнорировать звонок, сосредоточившись на упругих полушариях. Мелодия закончилась, но спустя несколько мгновений заиграла снова.

— Может что-то важное?

— Это отец. Он всегда звонит по вечерам.

— Тем более. Наверное, он беспокоится?

Остап нехотя поднялся и потянулся за телефоном.

— Слушаю.

— Где ты, сынок?

— Я занят, папа. Позвоню тебе утром.

— Ты с женщиной?

Остап почувствовал в голосе отца осуждение и тотчас представил, как тот недовольно качает седой головой. Он не собирался лгать — даже в угоду родителю.

— Да.

— Надеюсь, это не серьезно?

— Очень серьезно.

В трубке повисло молчание. Остап ждал, хотя и знал, что ничего приятного не услышит.

— Неужели ты забыл? Женщины — зло.

— Мы поговорим об этом в другой раз. Спокойной ночи, папа.

— Я не засну.

— Прими снотворное. Не мне тебя учить — ты сам врач.

— Это не поможет.

— Тем не менее. Я позвоню завтра.

Он выключил телефон и поставил его на прикроватную тумбочку. Обернувшись к Яне, он поцеловал ее и, шепнув «Я сейчас вернусь», скрылся в ванной. Ему нужно было избавиться от презерватива. Буквально через пару минут он вернулся, забрался под одеяло и обнял ее, устроив голову Яны на своей груди.

В ее глазах читался вопрос, поэтому Остап не удивился, когда она спросила:

— Вы поссорились? Из-за меня?

— Ты ни при чем. Это старые проблемы. Давай немного поспим — сколько удастся. Завтра на работу.

— Попытка — не пытка.

— Не уверен. — Остап коснулся губами ее макушки. — Спи. Я буду тебя охранять.

Он почувствовал, как Яна улыбнулась и сразу расслабилась, задремав.

Глава 15

Яна, не оборачиваясь к тумбочке, искала рукой трезвонящий будильник, а нащупала теплую кожу, покрытую жесткими волосками. Остап.

Он сам выключил будильник, пока девушка решила повернуться и встретиться с ним взглядом. Трудно сказать, что она собиралась рассмотреть в глубине его глаз, но то, что увидела, ей понравилось. Яна не знала, что он о ней думает, но смотрел Остап так, будто они едва-едва оказались в кровати вместе, и все те мгновения близости, которые они пережили, еще впереди. Хотя, возможно, все это она придумала, и Остап вовсе не так уж горит желанием снова заняться любовью с неумехой.

В любом случае, это произошло. Ей остается надеяться на лучшее.

Этой ночью она стала женщиной. Яна знала, что рано или поздно это случится, но все равно чувствовала — что-то в ней изменилось окончательно и бесповоротно. Она просто чувствовала себя другой. Казалось, в ней поселилось новое знание. Яна немного беспокоилась по этому поводу — не вчера, а много раньше, когда задумывалась о таких вещах. К счастью, все оказалось гораздо лучше, чем она себе представляла. Ей понравилась близость с Остапом, несмотря на неизбежную боль. Ведь в следующий раз ее не будет.

Яна покраснела, когда поняла, какой оборот приняли ее мысли. Ей хотелось повторения. И не пару раз, а множество — ночей, дней, месяцев, лет, когда они будут не только заниматься любовью, а делиться всем, что случилось с ними за день или еще должно произойти. Ее настолько потрясло это открытие, что Яна тут же заерзала в объятиях Остапа.

— Ты как?

Его хриплый со сна голос звучал очень сексуально.

— Хорошо. Что ты хочешь на завтрак?

— Не помню, когда в последний раз мне кто-то готовил завтрак.

— А мама?

— Она с нами не живет. У нее новая семья.

— Ты говорил, что у тебя есть сестра.

— Есть, но она намного младше меня и ужасная соня. Я сам готовил ей завтраки.

— Ты умеешь готовить?

— Ничего особенного. Самое элементарное.

— Не каждый врач — мужчина согласится стоять у плиты. Как правило, времени на это у них нет.

— Мой папа именно такой. — При воспоминании об отце на лбу Остапа появилась вертикальная складка, но уже спустя мгновение он улыбнулся и поцеловал ее — очень ласково, почти целомудренно, а затем с недовольным вздохом отстранился.

— Как мне не хочется остаться с тобой в этой кровати навсегда, но мы должны подняться, если не хотим опоздать на работу.

Яна смутилась и заторопилась, делая попытку подняться:

— Уже бегу.

Вместо того чтобы отпустить ее, Остап подмял Яну под себя и начал целовать. У нее закружилась голова от вспыхнувшего желания. Девушка обняла его за шею и позволила себе забыться еще на несколько минут. Благо, что будильник заведен с приличным запасом.

Губы Остапа переместились на ее грудь, и ей удалось выдохнуть:

— Ты можешь остаться без завтрака.

Остап оторвался от нее лишь для того, чтобы произнести:

— Черт с ним. Выпью кофе в больнице.

Понимая, что не может ему отказать, да и не хочет этого делать, Яна пересилила себя и спросила:

— У тебя есть еще один презерватив?

— Два. Купил в аптеке, пока вчера дожидался тебя. Извини меня за самонадеянность. Только... Может побаливать.

В ответ Яна лишь прижала к своей груди его голову и зарылась пальцами в мягкие волосы. Глупо конечно, но она обрадовалась, что Остап не носит с собой презервативы постоянно. Это позволило ей чувствовать себя особенной.

— Не страшно. Просто, сегодня у меня дежурство.

Остап забросил на себя ее ногу, проник в нее осторожно, но глубоко, и пробормотал:

— Умница, что предупредила. Не знаю, как бы я дожился до завтрашнего дня. — Он сделал несколько медленных движений и погладил ее бедро. — Сейчас облачусь в броню. Хочется быть еще немного ближе к тебе. Ты такая нежная.

Яна рассмеялась, но после очередного выпада застонала:

— Кажется, еще ближе уже невозможно.

— Если постараться...

Яна чувствовала, как кожа на ее лице и груди горит от выросшей за ночь щетины, знала, что они могут опоздать на работу, но ее это не волновало. Она чувствовала себя счастливой, отдаваясь этому мужчине.

Вику рвало целое утро. Она еле успела добежать до туалета.

Вместо того чтобы заниматься утренним сексом с Эдом, Виктория провела это время над унитазом. Она проклинала всех, кто приходил на ум, пока ее выворачивало чуть ли не наизнанку.

Она обожала, когда по утрам Эд наваливался на нее и наполнял собой без подготовки, не спрашивая разрешения, разрывая ее ночную сорочку, если она имела неосторожность лечь рядом одетой. Сегодня же, стоило ей пошевелиться, как к горлу подкатил противный комок. Заметив, как она вскочила с кровати, Эд промолчал, поэтому она не знала, о чем он подумал. В данную минуту у него вряд ли появится настроение заниматься с ней сексом, когда она такая бледная, почти зеленая, с синими кругами вокруг глаз, если ее зеркало в ванной комнате не врет. Вика умылась, почистила зубы, пригладила волосы и отправилась в спальню.

Кровать оказалась застеленной. Эд отсутствовал.

Еще плохо соображая, Виктория поправила наспех наброшенный атласный халатик. Она вздрогнула и резко обернулась, когда за спиной прозвучал знакомый голос:

— Осторожнее на поворотах.

— Это от неожиданности. Пришла, а тебя нет.

Она посмотрела в прозрачные глаза и не стала продолжать. Эд не любил говорить о своем поведении.

— Чай заварен. Я нашел в буфете галетное печенье.

Эд заварил чай?!

От неожиданности Вика пробормотала:

— Предпочитаю кофе.

Она уже пожалела о своих словах, когда он сказал:

— В твоей ситуации лучше пить чай. Да и ребенку кофе не на пользу. Я ухожу.

Только теперь она обратила внимание, что Эд успел надеть куртку. Ее испугало его «Ухожу», и

она осторожно пробормотала ему вслед:

— Ты... — «Вернешься?» — надолго?

— Вернусь. И не советую дразнить меня абортom.

Дверь закрылась, и Виктория поплелась на кухню.

Она поняла, что становится зависимой от Эда, но не имела ни сил, ни желания что-то менять.

Они чуть не опоздали на традиционную «пятиминутку» перед началом рабочего дня. Бежали всю дорогу, держась за руки, но у самого входа в больницу Остап остановился, поправил воротник ее пальто и тихо спросил:

— Зайдем вместе, или ты предпочитаешь не афишировать наши отношения?

Яна почувствовала, как зарделись ее щеки при слове «отношения». Она понимала, что вопрос возник после ее вчерашней реакции на сплетни. Колебания продлились всего мгновение. Она взяла мужчину под руку и потянула за собой.

— Позже разберемся.

Ввалившись в зал заседаний, запыхавшиеся и счастливые, они поняли, что свободных мест нет. Им придется стоять на глазах у всей честной компании. Как ни странно, Яну это обстоятельство совсем не обеспокоило. Она заметила, что Сергей и Дубовский заняли для нее место — единственное свободное кресло в зале. Вороной уже заметил ее и бросил хмурый взгляд из-под бровей. Виталик же махнул ей рукой, предлагая присоединиться, но Яна отрицательно покачала головой. Дубовский тут же что-то шепнул Сергею на ухо, и тот кивнул, но больше не оборачивался. Виталик же продолжал периодически коситься в их сторону.

Яна понимала, что ей предстоят расспросы, и надеялась, что до того времени придумает, что сказать. Остап не мог не заметить этот немой разговор и шепнул ей на ухо:

— Ты уверена? Может, все же сядешь рядом с... друзьями?

Ей не хотелось оставлять его ни на мгновение, но возможно он...

— Послушай, может, ты не хочешь, чтобы нас видели вместе? Ты уже два раза об этом спросил.

— Господи, нет! Даже не думай! Этой ночью ты стала моей. Понимаешь, что это значит?

— Что?

Яна с нетерпением ждала ответа. Она догадывалась, что подразумевал Остап, но хотела услышать это от него. Одно дело гадать, совсем другое — знать наверняка, чтобы не принимать желаемое за действительное.

— Я буду рядом, несмотря ни на что. Во всяком случае, постараюсь. Но мысленно не покину тебя ни на час.

— Это клятва?

Она попыталась добавить толику легкомыслия в интонацию, чтобы вопрос прозвучал не

слишком серьезно, но ее голос предательски дрогнул.

— Можешь считать и так. Это мое самое большое желание.

Яна не знала, что ответить. Ей хотелось сказать, что это и ее желание тоже, но она сдержалась.

Они подпирали стенку возле самой двери. Стояли рядышком, настолько близко, насколько это позволяли приличия. Остап незаметно обнимал ее за талию и рисовал кончиками пальцев круги, оставляя на коже горячие следы. Дежурный врач уже начал докладывать о прошедшей ночи, но Яна все время отвлекалась, вспоминая собственные ощущения, ожидаемые и все равно неожиданные. Еще ее очень интересовало, как все это произойдет в следующий раз.

Яна посмотрела на мужчину рядом с собой, и он тут же повернул к ней голову. Легкая улыбка на красивых губах, подаривших ей незабываемое наслаждение, словно обещала — в следующий раз будет еще лучше.

— Ты потеряла мозги, Яна.

Остап ушел в хирургию, а две ее «тени» остались, и, очевидно, собирались испортить настроение.

Ха! Не тут то было!

— Возможно. Ты их нашел?

— Мне не до шуток. — Сергей остановил ее возле окна и не давал возможности уйти, удерживая в плену руку. — Тебе тоже нужно отнестись к происходящему серьезней. Забыла, как вчера рыдала?

— Кстати, на моей груди, — вставил своих пять копеек Виталик, отрезая ей путь с другой стороны.

Вороной неприязненно зыркнул в его сторону и прошипел:

— Дуб, уйди от греха подальше. Ты свою миссию вчера перевыполнил.

— Никуда не пойду. Мне тоже интересно.

Сергей закатил глаза, но продолжил, уже обращаясь к Яне:

— Так что?

— Я ничего не забыла.

— И...

— Что?

— Хватит юлить! Зачем ты... заигрываешь с этим «заграничным» на глазах у всех?

— Никто кроме тебя не обратил внимания. Все смотрели на главврача.

— Я обратил, — обронил Виталик.

— Вот видишь? Нас уже двое.

Не так уж часто Дубовский и Вороной объединяют свои усилия. Нужно же такому случиться, что именно в этом вопросе у них царило единодушие.

— Не нужно было устраивать представление на весь зал с зазываем в свой тесный кружок, тогда никто не посмотрел бы в нашу сторону.

Яна злилась, что друг вмешивается в ее личные дела — да еще настолько откровенно. Лишь мысль о том, что он беспокоился о ней, вчера и сегодня, понукала ее сдержаться и не высказаться более резко.

— Нас?!

— И насколько вы близки?

Именно эти два, произнесенные дуэтом возмутительных вопроса, стали для Яны последней каплей в ее огромной чаше терпения.

— Не ваше дело! Уйди с дороги!

Она выдернула пальцы из руки Вороного, толкнула Виталика и решительной походкой направилась в свое отделение. Больше всего ее возмущал тот факт, что двое взрослых мужчин считают ее неспособной на поступок, видят в ней лишь неприспособленную к жизни девочку, за которую можно принимать решения.

С нее достаточно. Она теперь женщина, и сама себе госпожа.

— Ворон, они переспали. Точно тебе говорю.

Сергей смотрел вслед удаляющейся Яне. Хотелось надеяться, что этого не случилось, но все говорило об обратном.

— Не ори.

— И что мы будем делать?

Лично ему хотелось материться, но он сказал то, что должен был:

— Она — взрослая. Ни один из нас не удосужился ее заполучить. Мы не имеем права вмешиваться.

Яна исчезла из виду, а Дубовский встал перед ним, засунув руки в карманы униформы.

— Мы — ее друзья и должны о ней заботиться.

— Ты вчера уже позаботился.

— Но в постель не укладывал.

— Может, она добровольно легла. Ты не подумал? Между прочим, восемнадцать ей

исполнилось уже давно.

— Все равно мне это не нравится. Надо бы потолковать с этим парнем. А что, если он поиграет с ней и бросит?

— Не пойму, чего ты хочешь — чтобы он оставил ее в покое или наоборот?

— Я хочу знать е его планах. Ты со мной?

— С тобой, а то еще подеретесь. Яне как раз этого и не хватало.

Сергей вспомнил лицо Остапа — вчера, когда он застал его перед дверью, и сегодня, когда он смотрел на нее в коференцзале. Создавалось впечатление, что этот парень настроен серьезно, но услышать хоть что-то от него самого тоже неплохо.

Сергей вздохнул. Он понял, что Яна влюбилась — на этот раз по-настоящему. Что же, он всегда знал, что эта девушка не для него.

Глава 16

Виктория брела по коридору больницы не в самом лучшем расположении духа. И дело даже не в утренних недомоганиях и дневной слабости. В последнее время неуверенность стала ее постоянным спутником.

Она не знала, чего ожидать от Эда, и это заставляло ее нервничать. Он не посвящал ее в свои планы, уходил и возвращался, когда считал нужным. Ей оставалось надеяться только на то, что он не исчезнет из ее жизни без предупреждения, когда ничего нельзя будет предпринять. Даже если она не сможет его удержать, то попробует хотя бы к этому подготовиться. Вику устраивало все, даже те странные отношения, которые между ними сложились, лишь бы Эд был рядом — молча ел за одним столом, смотрел телевизор, спал рядышком и в какой-то мере нуждался в ней, пусть даже называл это чувство лишь похотью. А Вика в свою очередь нуждалась в нем.

Беременность не добавляла ей хорошего настроения. Да и кто бы радовался на ее месте? Носить неизвестно чьего ребенка — не самая захватывающая перспектива. Безусловно, она сама виновата, что так получилось. Само признание этого факта свидетельствовало о том, насколько сильно она изменилась за последнее время. Но это Вику совсем не окрыляло, лишь еще больше погружало в уныние. Скука, прежняя «подружка», надоевшая ей до тошноты, теперь казалась благодатью. Хотя, она ни за что не променяла бы на нее постоянное противостояние с Эдом.

Если бы не он, она избавилась бы от ребенка в тот же день, как узнала о его существовании. Виктория и сейчас сомневалась, правильно ли — не то слово — рационально ли она поступила, не настаивая на аборте. Она не могла не думать о том, что с ней станет, если Эд уйдет.

Одинокое материнство могло оказаться бременем для любой женщины, а для Вики это ночной кошмар. Она знала о нем не понаслышке. Ее мать испытала на себе все прелести такого состояния, но ей хотя бы помогал настоящий отец Виктории. Во всяком случае, материально.

А на что может рассчитывать она? На презрение отца? Его отказ обеспечивать ее? Что самое страшное, он может заставить ее отдать ребенка в приют. Эта мысль оказалась для Вики особенно болезненной. Несмотря на то, что отцом малыша точно не являлся Эд — чего бы ей хотелось больше всего, ребенок уже принадлежит ей. Пожалуй, это ее единственная

настоящая собственность. Странное для нее чувство.

Итак, к чему она пришла?

Все очень просто и одновременно сложно. Ей нужно удержать Эда любой ценой. Несмотря на то, что он никогда не объяснял свои решения и поступки, Виктория подсознательно чувствовала, что Эд поможет ей заботиться о малыше, как-то поддержит ее. Иначе, зачем ему настаивать на том, чтобы она отказалась от мыслей об аборте? Не из мести же?

Вика еще раз обдумала эту причину и отбросила ее, решив, что Эд не стал бы мстить. Во всяком случае, не ей. Даже он понимает, что Вике очень повезло, что после первого аборта она снова сумела забеременеть. Ее вдохновило это предположение, и она слегка повеселела.

На пятиминутку она сознательно опоздала. Ей вовсе не хотелось, чтобы кто-то заметил синяки вокруг ее глаз. Она, конечно, приложила максимум усилий, чтобы выглядеть сногшибательно, но вблизи при желании можно было рассмотреть следы постоянной усталости. Вика боялась думать о том, во что превратится ее фигура через три-четыре месяца. Сейчас она надеялась лишь на то, что токсикоз не станет досаждать ей слишком долго.

Издав заметив неизменную троицу, вызывающую оскомину на ее зубах, Виктория почти забыла о своих проблемах. Она замедлила шаги, а потом и вовсе остановилась — у окна в десяти шагах, пытаясь разобрать обрывки фраз довольно бурного выяснения отношений. Когда Синичка растолкала мужчин и устремилась прочь, Вика почти дошла до точки кипения.

Неужели все ее усилия скомпрометировать до противности приличную докторшу, а заодно и Виталика, ни к чему не привели? Вчера вся больница судачила только о них, а сегодня эти двое снова беседуют — пусть даже ссорятся — на глазах у всех и даже не смущаются! Она-то думала, что Синичка от стыда если не уволится, то забьется в самый дальний угол или в отпуск уйдет. Так нет же, бесстыдница, как ни в чем не бывало, фигурирует перед всем персоналом рядом с двумя красавчиками и выглядит при этом лучше, чем обычно.

Скрипнув от злости зубами, Вика заставила себя подождать, пока парни двинутся прочь. Она пошла за ними, пытаясь догадаться, куда они направляются. Мужчины свернули в хирургическое отделение. Виктория уже подумала, что ничего интересного больше не произойдет, когда парочка остановилась рядом с иностранцем — еще одной ее неудачей. С решительными лицами защитники Синички начали наскакивать на него, словно петухи. Особенно Виталик. Остап же по большей части молчал.

Неужели, все эти страсти из-за мисс Невзрачности? Невиданная несправедливость! Она должна положить этому конец.

Решив, что они сами напросились, Вика пошла в наступление. Она подплыла к троице с самой соблазнительной улыбкой из своего арсенала.

— Здравствуйте!

Мужчины поздоровались и замолчали, явно желая, чтобы она ушла. А зря. Вика еще не все сказала.

— Чудесный день, не правда ли?

Остап кивнул, Вороной нахмурился, а Виталик спросил прямо:

— Ты что-то хотела, Виктория? Если нет, извини, но у нас мужской разговор.

«Значит, мужской? Ладно».

— Не имею ни малейших сомнений, что все вы — мужчины. — Вика сосредоточила свое внимание на Остапе. Что-то ей подсказывало, что именно он должен услышать то, что она придумала. — Да и как можно? — На несколько мгновений она перевела взгляд на Виталика, а затем снова посмотрела на Остапа. — Ведь один из вас скоро станет отцом.

Заметив, как вытянулись мужские лица, Вика со злорадным удовольствием развернулась и ушла. Она предвкушала бурный разговор, возможно, даже драку, когда каждый из них начнет выяснять, от кого может быть беременной Синичка. И не важно, что Виктория все это сочинила. Она уже убедилась, что ложь порой вызывает более бурный эффект, чем правда. Вика сожалела только об одном — что не может при этом присутствовать.

— Привет.

Услышав знакомый голос, задумчиво шедшая по коридору Яна подняла голову.

Перед ней стоял рыжеволосый мужчина. Засунув руки в карманы джинсов, он привалился плечом к стене рядом с ординаторской и наблюдал за ней слегка насмешливым взглядом. Синичка тотчас вспомнила предыдущее дежурство, начавшееся со скандала в приемном отделении.

— Здравствуйте. Ну, как? На это раз удалось поведать знакомую?

— Запомнила, значит.

— Это у меня профессиональное. Да и встреча произошла... неординарно.

Не каждый день ее прижимают к стенам незнакомые посетители. Да и знакомые тоже.

Мужчина улыбнулся краешком губ.

— Наверное. Вот, послушался совета одной маленькой докторши и пришел пораньше. В общем, проведаль.

— Понятно. Ждете кого-то?

— Тебя. — Он заметил ее недоуменный взгляд и продолжил. — Не пугайся. Просто шел мимо и увидел, как ты летаешь по больнице. Дай, думаю, поговорю, расспрошу кое о ком.

— Спрашивайте.

— Тереза Вацлавна. Что с ней?

Вот теперь Яна по-настоящему удивилась. До сих пор пожилой женщиной никто не интересовался и даже не навещал.

— Вы — родственник?

— Нет.

— Тогда...

— Не гадай, детка. Я — ее постоялец.

— Давно?

Мужчина достал из кармана сотовый и посмотрел на дисплей. Яна успела заметить на его запястье замысловатую татуировку.

— Пол часа.

— Понятно. У Терезы Вацлавны серьезные проблемы с сердцем. Она очень нуждается в присмотре, но...

— Не такого парня, как я. Это ты хотела сказать?

— Теперь вы пытаетесь угадать. И ошибаетесь. Я вас не знаю, чтобы делать какие-то умозаключения. Остается надеяться, что вы будете внимательны к хозяйке. Я правильно поняла? Вы собираетесь жить у нее?

— Правильно. Я присмотрю за ней. Обещаю.

Во время разговора мужчина не спускал с Яны странных глаз. Когда наступила пауза, этот взгляд стал ее тяготить. Она даже предположить не могла, о чем думает этот человек. К тому же девушка не знала, как можно прокомментировать подобное обещание. Счастье, что на этот раз он не пытался распускать руки. Яна кашлянула и засобиралась.

— Ну, мне пора. Всего доброго.

Мужчина посмотрел ей за спину, а затем в упор.

— Беги. А то твой парень уже «наточил» кулаки.

Яна оглянулась. К ним торопливо приближается Остап. Однозначно, новой стычки между этими двумя она не хотела.

— Да, вам, и правда, лучше уйти.

Мужчина лениво оттолкнулся от стены и сделал несколько шагов вдоль коридора. Затем повернулся в пол оборота и протяжно бросил:

— Меня зовут Эдом. Это я так, на всякий случай.

— Яна Евгеньевна, — автоматически пробормотала Яна, надеясь, что мужчина уйдет раньше, чем подойдет Остап.

— Я запомню.

Эд ушел, но она не смотрела ему вслед. Ее больше занимал Остап — серьезный и даже нахмуренный, он провожал недовольным взглядом высокую фигуру в кожаной куртке. Она не могла понять, чего в нем было больше — ревности или опасения за нее?

Странно, что он до сих пор не понял — ее совсем не интересуют другие мужчины. Больше не интересуют, поправила себя Яна. К тому же Эд вовсе не выглядел агрессивным. Во всяком

случае, в этот раз. Да и беседовали они у всех на виду.

Какой бы не была причина, заставившая Остапа примчаться к ней, Яна чувствовала себя невероятно польщенной, а еще влюбленной. Поэтому она улыбнулась навстречу любимому, и сразу заметила, как на его лбу разгладились складки.

— Как ты?

Остап огляделся по сторонам и ограничился тем, что взял ее за руку.

— Немного устала. А в остальном... Все в порядке. Особенно теперь, когда ты рядом.

Мужчина прошелся взглядом по ее лицу, остановился на губах и тяжело сглотнул.

— В ординаторской кто-то есть?

— Не думаю.

Что-то в его голосе заставило ее задрожать. Остап дернул дверь, заглянул внутрь, сделал шаг в пустую комнату и потянул за собой Яну.

Он прижал ее спиной к двери, и опалил губы поцелуем. Сквозь шум пульса в ушах Яна слышала, как щелкнул в замке ключ. Эта мысль появилась и исчезла — без раздумий о последствиях. В этот миг девушке казалось, что нет ничего важнее этого жаркого касания губ. Все ее чувства, желания сосредоточились в центре волшебного действия — такого скупого по площади и безграничного по сути и ощущениям. Магия движений губ и языков завораживала до такой степени, что Яна потерялась в ее совершенстве. Девушку мучила настоящая жажда и желание — никогда не отрываться от ее источника.

Но им все же пришлось разорвать связь — вдохнуть воздух. Пользуясь этим, Остап горячо прошептал:

— Весь день об этом мечтал. А ты?

— Да. Да.

Ненасытные губы опустились на ее шею, и Яна почти с благодарностью склонила голову на бок. Она не понимала, как жила без этого так долго, и теперь не хотела терять ни одного мгновения.

Горячие мужские руки жадно провели по ее груди и опустились ниже, на бедра. Подтянули кверху халат и обхватили ягодицы. Пальцы нежно пробрались в жаждущую глубину, замерли на несколько нестерпимых мгновений, а затем задвигались, сразу найдя нужный ритм. Некоторое время в комнате раздавалось лишь их громкое дыхание. Затем Яна содрогнулась в первом пароксизме, и Остап снова поймал ее губы.

Она повисла на нем, совершенно обессиленная, но счастливая. Теперь девушка точно знала, что больше чем Остапу, не доверяла в своей жизни никому. Только этому мужчине она могла позволить прикоснуться к себе так, как он хотел, как она хотела. Только ему могла рассказать все. Только с ним чувствовала себя раскованной и свободной.

Но ее губы пока лишь беззвучно шевелились на его плече, повторяя важные слова. Она хотела, чтобы он первым признался ей в любви, и готовилась подождать — сколько хватит терпения.

Остап поправил на ней одежду и отнес на диван.

— Посиди здесь немного. — Он коснулся пальцами ее щеки и погладил пламенеющую кожу большим пальцем. — Румянец тебе к лицу.

Яна расчесала пальцами волосы и смущенно потупилась.

— Похожа на распутницу?

Остап улыбнулся и легко щелкнул ее по носу.

— На очень красивую женщину, которая только что занималась любовью. Хочешь кофе?

— О, нет! Мне и так горячо. Лучше воды.

Остап подошел к буфету, налил в стакан воду из бутылки с краном и включил кофеварку.

— А я не откажусь.

Яна с удовольствием наблюдала, как он передвигается по комнате. В то время как она чувствовала себя растрепанной, хотя и удовлетворенной, Остап выглядел собранным и почти спокойным. Он подал ей стакан с водой и невозмутимо повернул ключ в замке, открывая дверь. Мгновенно вспомнив, что они только что проделывали возле нее, Яна кашлянула.

— Я хотела спросить... Ты ведь не... Ну, ты понимаешь.

— Не страшно. Выживу. Будет не слишком удобно, если нас застанут в самый разгар.

— Да уж, — приснула Яна и снова покраснела.

— Надеюсь, ты ни о чем не жалеешь?

Остап сел у стола, видимо, стараясь держаться от нее подальше. Яна прекрасно его понимала. Ее руки сами тянулись к нему.

— Нет.

Он окинул ее удовлетворенным взглядом и спросил:

— Тогда... вернемся к нашим баранам. Что хотел от тебя этот рыжий?

— Всего лишь поговорить. Об одной моей пациентке.

— Он не слишком похож на заботливого родственника.

— Согласна. Да он и не родственник вовсе. Квартиросъемщик.

— Пациентка — старушка?

— Да. Одинокая и больная.

— Выглядит подозрительно.

— Да, я тоже так подумала, но...

— Что?

— Мне кажется, он не станет ее обижать.

Остап задумчиво постучал пальцами по крышке стола, подошел к автомату и налил в кружку кофе.

— Будем надеяться, что твоя интуиция не подведет.

Глава 17

Вика вышла из душевой кабинки и завернулась в толстый синий банный халат, который обычно надевал Эд, и посмотрела на себя в слегка запотевшее зеркало. Белокурые волосы завились с тугие пружинки, но у Вики не осталось сил сушить их феном. Она решила, что накрутит волосы на бигуди, и вышла из ванной.

Из кухни доносились ставшие привычными звуки. Эд что-то готовил. Обычно он подрумянивал мясо или овощи на сковороде, а потом засовывал их в духовку. Его кулинарные способности стали для нее не только настоящим открытием, но и приятным сюрпризом. Именно сейчас ей меньше всего хотелось питаться в ресторанах, а сама она совсем не умела готовить.

Вика остановилась в дверях кухни и некоторое время с удовольствием наблюдала за тем, как мужчина ловко переворачивает деревянной лопаточкой куски мяса. Даже это простое действие выглядело весьма соблазнительно в исполнении Эда.

Он не обернулся, но Вика не сомневалась, что он знает о ее присутствии. Она подошла к нему сзади и обняла за талию.

— Сядь за стол. Масло сильно брызжется. Обожжет.

— У меня толстый халат. Ты давно пришел?

— Нет.

Ей хотелось узнать, где он пропадал, но Вика не рискнула спрашивать. Захочет, сам скажет.

— Вкусно пахнет.

— Через тридцать минут будем ужинать.

— Хоть вечером нормально поем. Утром кусок в горло не лезет.

Эд промолчал, и Вика отправилась в спальню. Достала из тумбочки крупные бигуди и начала накручивать на них мокрые пряди.

Она думала о том, что сегодняшний вечер уж слишком походил на семейную идиллию. Но странным было не это, а то, что ей, ярой противнице постоянных отношений, все это нравилось. Ужин в узком кругу без особенных изысков и флирта, толстый халат на ней, скрывающий соблазнительные формы, но притягивающий взгляд Эда не меньше, чем невесомые шелковые вещицы, даже молчание Эда — Вика уже не представляла своей жизни без всего этого. Интересно, как отреагирует Эд на бигуди?

В дверь позвонили, но Вика продолжила свое занятие. Эд — это одно, но показаться остальным в таком виде она пока не готова. Тихий разговор в коридоре оказался на удивление долгим.

Потом в проеме двери появился Эд и уставился на нее, молча буравя взглядом.

Вика посмотрела на него в зеркало и спросила:

— Счетчик проверяют?

— Нет.

— Тогда... кто пришел?

— А ты кого-то ждала?

— Нет.

— Уверена?

Вика повернулась к Эду, лихорадочно пытаясь сообразить, кто бы мог заявиться к ней домой, к тому же на ночь глядя. Неужели очкарик-окулист решился снова изменить своей невесте? Больше она никого не приглашала.

— Уверена.

Эд посмотрел на ее волосы и усмехнулся.

— Но тебе придется встретить гостя. Он настаивает и не хочет убраться отсюда, хоть я и настаивал.

Вика чертыхнулась, бросила недовольный взгляд в зеркало и отправилась в прихожую, недоумевая и странно беспокоясь. Ей пришлось протиснуться мимо Эдда, и впервые его вид ее по-настоящему испугал.

У двери стоял Вик. Он выглядел задумчивым, неуверенным и растерянным.

Господи, зачем он пришел? Что ему нужно? Она точно помнила, что не приглашала его. Да и зачем? Теперь у нее есть Эд.

— Виталий? Какой сюрприз! — Вика поправила бигуди и запахнула на груди халат. Она выглядела не слишком привлекательно, но тут же решила, что в подобной ситуации это и к лучшему. — Что-то произошло?

— Извини, что поздно. Но твой брат сказал, что ты еще не спишь.

Вика оглянулась на Эда.

Брат?! Это еще что за новости? И что ей теперь делать? Подыграть?

— Не сплю, как видишь. — Как же ей объяснить присутствие Вика в ее квартире? — Кстати, Эд, познакомься. Это мой сослуживец и...

Друг? Просто сослуживец не станет навещать психолога так поздно без особых причин. Только если ему нужна срочная психологическая помощь. Возможно, так и есть.

Вика уже открыла рот, чтобы произнести слово «товарищ», когда вмешался Эд:

— ...и отец твоего ребенка. Он уже сознался.

— Что? Я не...

Вика смотрела в узкие, как щелочки, глаза Эда, и с ужасом вспоминала, как утром сообщила троице спорящих парней о мнимой беременности Синички. Но Виктория и подумать не могла, что Вик решит, будто она говорит о себе. И о нем.

Какое чудовищное недоразумение!

— Вика, извини, если я не во время, но мне хотелось узнать, как... ну... как ты, ребенок...

Очень даже не во время. И никогда не будет.

Эд развернулся и скрылся в гостиной, оставляя их с Виталиком наедине.

— Со мной все в полном порядке. Ты зря пришел.

— Я понимаю. Ты сердисься. Мы так некрасиво расстались. Но я готов...

Что он говорит? К чему все это?

Вика прислушивалась к шуму, доносившемуся из гостиной, и придумывала, как выпроводить Дубовского. Она понимала, что кроме всего прочего ей предстоит разговор с Эдом. Она должна все ему объяснить и немедленно.

— Я ничего от тебя не требую.

— Но я могу... жениться.

— Что?!

Совсем рехнулся! Зачем он ей нужен?

Чем же занят Эд? И главное, что он думает?

— У ребенка должно быть имя.

— Имя можно дать и без брака. В наше время это не обязательно, — ответила Вика и подошла к двери. — Я теперь тебе лучше уйти. Поговорим в другой раз.

— Понимаю. Тебе нужно подумать.

— Вот именно. — Она вытолкала Вика за дверь. — Увидимся завтра на работе.

— Ладно. Ты действительно хорошо себя чувствуешь? Что-то ты бледновата.

Вика почувствовала, что сейчас упадет в обморок от подозрений, если ей сейчас же не удастся попасть в гостиную.

— Я уже сказала, что в полном порядке.

Она закрыла дверь перед носом у Дубовского и поспешила в Эду. Они столкнулись в дверях вожделенной комнаты. Эд держал в руках рюкзак. У Вики потемнело в глазах.

— Ты куда?

— Это мое личное дело.

Он подошел к вешалке, натянул на ноги ботинки и набросил куртку.

Эд покидал ее. Может ей, действительно упасть в обморок? Но если он твердо решил уйти, такая мелочь вряд ли его остановит.

— Я тебя не отпущу!

Она слышала истеричные нотки в своем голосе, но ничего не могла с этим поделать.

— Интересно, каким образом? — Пока Вика продумывала варианты, он открыл дверь. — Хватит лгать. Вижу, о тебе есть кому позаботиться.

Ненавидя саму себя, Вика повисла на его руке.

— Он не отец! Клянусь!

— Парень думает иначе. Значит, у него есть для этого основания.

— Ты ревнуешь, признайся!

— Не смей меня. Ты же умная женщина.

— Ты тоже не жил монахом.

— Не в этом суть. Ты сделала свой выбор, когда дала парню надежду.

— Я ничего ему не давала! Речь шла не обо мне!

— Мне надоели твои интриги. Отойди в сторону сама, я не хочу навредить ребенку.

— Тогда не уходи. — Вика чувствовала, как Эд ускользает от нее. Она задрожала, сдерживая слезы. — Мне плохо.

— Больше думай о ребенке. И помни, я слежу за тобой.

Вика заставила себя отцепить руки от куртки и отступить на шаг.

— Ты... далеко?

— Ночевать на вокзале не буду.

Эд ушел. Она не помнила, сколько времени простояла, глядя на закрытую дверь.

Как ей теперь жить?

Она влюбилась.

Яна в этом не сомневалась. Да и времени для подобной ерунды, как размышления, у нее не осталось. Они с Остапом если не работали, то практически не разлучались. Да и в больнице умудрялись видаться довольно часто. К тому же Остап старался координировать их ночные

дежурства. В результате почти все ночи они проводили вместе. На работе — в беседах и взаимопомощи, а дома — в одной постели, отдыхая и занимаясь любовью.

За неделю они стали настолько близки, что Яна уже не представляла своей жизни без этого мужчины, такого серьезного на людях, но нежного и страстного наедине. Почти не существовало темы, которую они не могли бы обсудить, и формы, которую бы не выбрали для единения тел. Яна не предполагала, что можно испытывать подобные чувства к мужчине. Она не поверила бы никому, если бы услышала о подобных отношениях, но с ней это происходило изо дня в день, переставая выглядеть нереальным.

Ее увлечение Дубовским казалось теперь далеким и детским. Яна удивлялась, что так долго не замечала очевидного: Виталик — не тот, кто ей нужен, и никогда не сможет им стать. Теперь, когда она узнала Остапа, всех остальных мужчин она сравнивала с ним.

Иногда, сквозь туман счастья пробивались и другие мысли, не такие розовые. За все это время Остап ни разу не намекнул на свои дальнейшие планы, а Яна намеренно игнорировала эту тему. Пожалуй, это был единственный вопрос, который они не обсуждали.

Яна понимала, что дом Остапа — за океаном. Именно там его ждут родные и работа. Скорее всего, после завершения проекта он отправится туда. Вопрос в том, будет ли тогда в его жизни место для нее, Яны? Предложит ли он поехать вместе с ним? Нужна ли она Остапу в далекой стране?

Эти вопросы казались слишком болезненными и далекими, чтобы Яна решилась обдумывать и, тем более, задавать их. Сейчас и здесь они просто любили друг друга, хоть и не произносили это слово вслух. Она решилась на эти отношения сама. Никто ее не принуждал. Значит, и отвечать за последствия станет лично, не впутывая в них Остапа.

В тот день он предупредил ее, что после работы забежит в гостиницу за нужными вещами и корреспонденцией, которая продолжала приходиться ему на прежний адрес. Яна не хотела возвращаться домой одна и поэтому предложила зайти за ним.

В пять часов она постучала в дверь его номера, не решившись просто нажать на ручку. Яне пришлось подождать, пока ей откроют.

Худощавая женщина в халате и с влажными темными волосами удивленно смотрела на нее и молчала, видимо ожидая, что гостя начнет говорить первой. Яна еще раз сверилась с цифрами на двери и робко поинтересовалась:

— Остап... здесь?

— Он вышел. Сейчас придет. Проходите.

Яна неохотно вошла в номер и только тогда поняла, кто перед ней.

— Хелена?

Женщина устроилась в кресле, махнула рукой в сторону дивана и только тогда произнесла:

— Да. Мы знакомы?

Яна не стала садиться и почему-то не сомневалась, что Хелена знает, кто перед ней, но все же представилась.

— Я работаю вместе... в местной больнице. Зовите меня Яной.

Тонкие губы дрогнули в легкой улыбке, но девушку слегка зазнобило.

Где же Остап? И что эта женщина делает в его номере?

— Очень приятно. Зачем вам Остап?

Яна хотела сказать, что это личное дело, но почему-то передумала.

— У меня есть для него сообщение.

— Можете сказать мне. Я ему передам.

Акцент заграничной гостьи уже начал ее порядком раздражать. Возможно, поэтому ответ Яны прозвучал резковато даже для ее слуха.

— Я буду говорить с ним лично.

— Ну-ну, не стоит так волноваться. Я подумала, что вы торопитесь, и только поэтому предложила помощь. Ведь мы с Остапом — не чужие.

— Нет?

Ее голос дрогнул, и Яна почувствовала себя глупо. Нужно было сразу развернуться и уйти. А теперь...

— Мы помолвлены. Мой отец — его работодатель, поэтому для Остапа это очень выгодный брак. Мы должны пожениться, когда он вернется домой.

Пол зашатался под ногами у Яны. Она понимала, что должна уйти, но, ненавидя себя, все же спросила:

— А если он передумал?

Женщина прищурила глаза и смерила Яну недобрым взглядом.

— Как это?

— Бывает же так: собирался человек жениться на одной женщине, а потом неожиданно встретил другую и полю... передумал.

— Вы рассуждаете или на что-то намекаете?

Яне не хватило смелости сказать правду.

— Рассуждаю.

— Так вот — Остап женится на мне в любом случае.

— Но почему?

— В противном случае мой отец уволит его. С плохими рекомендациями. И он не сможет найти себе другую работу, во всяком случае, по специальности.

— Господи!

— А что вы так расстроились? Кажется, мы с вами рассуждали абстрактно, не так ли?

— Да, конечно. Мне пора.

Яна сорвалась с места и помчалась к двери.

— Вы куда? А как же сообщение для Остапа?

— Я потом ему скажу. Позже. А еще лучше позвоню. Да, передайте ему, что я перезвоню.

Глава 18

Голодный и злой Остап стукнул дверью кабинета главного администратора гостиницы. Ему захотелось выругаться вслух, когда тот в очередной раз повторил «Ничего не могу для вас сделать». Он едва сдержался.

Воспитание, черт бы его побрал!

Разве так бывает, что во всем городе нет свободных мест? За десяток лет ничего не изменилось. И деньги боятся взять и помочь не хотят, бюрократы несчастные.

Остап попросил самый лучший номер, раз уж не нашлось ничего дешевле, но тщедушный человечек в дорогом костюме лишь сокрушенно качал головой, повторяя: «Велосипедные гонки, понимаете ли. Чемпионат страны. Мест нет». Дураку понятно, что велосипедисты не заняли все гостиницы города, а фанаты этого вида спорта не снимают самые дорогие номера.

Ему во что бы то ни стало нужно где-то поселить Хелену — желательно, как можно дальше от его собственного номера. Она в очередной раз его удивила. Неприятно. Нагрязнить в гости за тридевять земель, заранее не предупредив?! Раньше она себе такого не позволяла. Что же случилось на этот раз?

Он торопливо закрывал сумку с вещами, за которыми собственно и пришел, когда женщина постучалась в дверь. Остапу едва хватило такта не выставить ее за дверь. Хелена объяснила свой приезд спонтанным решением, поэтому гостиничный номер она, естественно, не забронировала.

По ее словам, мама уже достаточно оправилась после родов, ей успешно помогает няня, и Хелена получила возможность лично проследить за успехами Остапа здесь. В каждом предложении, которое она произносила, неизменно повторялось два словосочетания «нам с тобой» и «папа интересуется». С каждым словом Остапу все больше казалось, что на его шею ласково надевают ошейник обязательств и пытаются пристегнуть к нему поводок.

Тем не менее, выгнать Хелену он не мог, как и поселиться вместе с ней. Поэтому он отправился вниз — к портье, затем к администратору. Тот кому-то звонил, сопровождая свои действия неизменной улыбкой и жестами сожаления. Тогда Остап предложил ему деньги, но мужчина лишь отрицательно замахал руками, хотя глазки за стеклами очков алчно блеснули и забегали. Либо Остап предложил мало, либо свободных комнат действительно не оказалось, либо случилось что-то еще, чего он не учитывал. Так или иначе, ему придется оставить дочь шефа в своем номере.

Остап взглянул на часы и помчался к себе. Вот-вот должна появиться Яна, и ему не хотелось,

чтобы она застала в его номере постороннюю женщину, даже если это всего лишь старая подруга.

Дело даже не в том, что пребывание здесь Хелены выглядело двусмысленно. Хотя и в этом — тоже, но лишь во вторую очередь. Остап не хотел, чтобы Яна расстроилась, а это обязательно произойдет, если она увидит в его апартаментах другую. Он не сомневался в этом.

Остап с первых минут знакомства понял, насколько Яна ранима, неуверенна в себе, хотя причин для этого он не видел. Очаровательная, милая, разумная девушка оказалась очень отзывчивой не только в жизненных ситуациях, но и в любви. Каждое мгновение их близости походило на дыхание — такое же естественное, как и необходимое.

Он и сам не знал, почему до сих пор не признался ей в своих чувствах. Возможно, по старой привычке держать мысли при себе, или потому, что все случилось слишком быстро. Как бы там ни было, Остап больше не представлял своей жизни без Яны. Он не знал, как все устроится, но не сомневался, что это обязательно произойдет.

Сейчас же ему хотелось видеть на милом лице счастливую улыбку и как можно чаще. Каждое новое расставание давалось ему все труднее, поэтому Остап так торопился, собираясь в их маленький уединенный мирок. Появление нежданной гостьи вывело его из себя.

Он вошел в номер и хмуро уставился на Хелену.

Его ждал неожиданный и, правду сказать, неприятный сюрприз. За то время, пока он отсутствовал, Хелена устроилась по-домашнему, приняла душ и нарядилась в легкомысленный розовый халатик. А ведь он лишь просил ее присесть и подождать новостей. Своеволие женщины разозлило его еще больше. Не хватало еще, чтобы Яна встретила ее здесь в таком виде.

Он невольно обернулся на дверь.

— Ждешь кого-то?

Остап решил, что лучше сразу все расставить по местам.

— Да. Яна должна зайти. — Неожиданно что-то заподозрив, он поинтересовался: — Кто-то приходил? Симпатичная сероглазая девушка.

— Симпатичная? — Хелена сидела в кресле и потягивала апельсиновый сок из высокого стакана. — Ты с кем-то встречаешься?

— Да.

— Давно?

— Это важно?

— Наверное, нет. А как же я?

Он понимал, о чем говорит Хелена. Трудно было не догадаться. Ее авансы перед его отъездом из Торонто говорили сами за себя. Несмотря на это, Остап решил дать ей шанс уйти от этого разговора — в память об их дружбе.

— Ты о чем?

— О нас — тебе и мне. Я надеялась...

— Хелена.

— Я знаю, как меня зовут. Мне казалось, ты понимаешь, что мы должны быть вместе. Уверена, отец ничего не имеет против. Ты ему нравишься. Он тебе доверяет. Вот, прислал сюда...

— Он отправил меня в этот город, потому что я здесь жил и хорошо знаком с местными особенностями.

— Ты понимаешь, что речь не об этом. — Она отставила в сторону стакан, поднялась и направилась к Остапу, глядя прямо в глаза. — Я хочу стать твоей женой. Неужели это не понятно? Ты должен был заметить!

Он напрягся, когда Хелена положила руку ему на грудь. Прикосновение его раздражало, как и поведение женщины.

— Заметить и хотеть того же — разные вещи. Я не давал тебе никаких обещаний.

Он взял тонкие пальцы и осторожно оторвал их от себя, затем отпустил холодную руку и отступил на шаг. Хелена сжала губы в узкую полоску. В ее глазах полыхнул гнев, а рот искривила усмешка.

— Эта Яна — твоя любовница?

— Она — не твоя забота, Хелена.

Остап бросил очередной взгляд на дверь, а затем на часы. Яна явно опаздывала, и это его беспокоило.

— Не моя. — Хелена вдруг отступила и сложила руки на груди. На ее лице появилось странное выражение. Он ожидал новых вопросов о Яне, но женщина удивила его, спросив о другом: — Ты договорился о номере для меня?

— Нет. И в других гостиницах тоже нет свободных номеров.

— Что ты намерен делать?

Вопрос прозвучал странно. Что-то делать должен был не он, а Хелена. Казалось, что она даже не удивилась, что гостиницы переполнены, но Остап понимал, что вынужден заняться ее устройством лично.

— Сегодня ты останешься здесь. Завтра я попробую найти что-то подходящее. — В конце концов, гонки не длятся вечно, и свободные номера появятся. — Кстати, ты так и не сказала, как долго здесь пробудешь.

— Это зависит от многих обстоятельств.

Остап понял, что Хелена не собирается ничего объяснять, кивнул, взял сумку и направился к выходу.

— Увидимся завтра. В больнице.

— Ты куда?

Остап обернулся и поймал удивленный взгляд. Видимо, она надеялась, что он останется здесь на ночь.

— Обо мне не беспокойся. Я найду, где переночевать.

— Ну-ну.

Остап ушел. Ему некогда было анализировать необычное, если не вызывающее поведение Хелены. Его беспокоило, что до сих пор не появилась Яна. Он достал сотовый и набрал ее номер.

В ушах гулко звучали удары сердца. Или это всего лишь шаги по мощеным дорожкам парка?

Яна остановилась. Она поняла, что запыхалась, торопясь к своему дому.

Естественно. Куда же еще? Знакомый маршрут, торимый ею каждый день уже много лет, она могла пробежать с закрытыми глазами — к месту, которое с детства было ей самым родным. Маленький уютный мирок, в котором она пряталась от всех невзгод. Сегодня же...

Яна присела на ближайшую свободную лавочку, неожиданно сообразив, что домой идти нельзя. В первую очередь Остап будет искать ее именно там. Конечно, можно его не впускать. Сделать вид, что квартира пуста. А если она не сможет так поступить? Даже сейчас руки сами тянутся к телефону, чтобы набрать его номер.

Вместо этого Яна выключила сотовый вовсе. Передышка, вот в чем она сейчас нуждалась. Слишком быстро между ними все случилось, и у нее не осталось времени, чтобы подумать. Да и думать совсем не хотелось. Зачем раскладывать жизнь по полочкам, когда все настолько хорошо, что не верится? Когда душа радуется от обычного прикосновения, взгляда, мысли. Господи, неужели, все закончилось?

Хотелось плакать, но Яна сдержала слезы.

Нет, не сможет она стоять по другую сторону двери и ждать, пока Остап уйдет. Скорее всего, откроет, впустит. И что тогда?

Яна вспомнила холодную улыбку Хелены, когда та делилась с ней планами и угрозами. Все сказанное прозвучало убедительно. Только сердце не хотело смириться с тем, что Остап утаил от нее предстоящую свадьбу, не верилось в это и точка. Не в его характере темнить. Лишнего он не скажет, но и встречаться с другой перед свадьбой не станет. А если и станет, то лишь потому, что передумал жениться. Почему она настолько верила в него, Яна и сама не знала. Глупо, но тут уж ничего не поделаешь.

Не это беспокоило ее сейчас. Во всяком случае, о себе ей думать в данный момент не хотелось. Работа, которую Остап ценит выше всего остального, возможно, больше личного счастья, может оказаться под угрозой, если Хелена пожалуется отцу. И не так уж важно, какие аргументы для этого она использует — брачные планы или мнимые просчеты в порученном деле. Женщина явно нацелилась, во что бы то ни стало, добиться своего и видит в ней помеху. Иначе, зачем истратила столько времени и слов на столь незначительную особу? Интересно, что она рассказала Остапу о появлении соперницы? И сообщила ли хоть что-то?

Впервые в жизни Яне предстояло решать не только за себя. Конечно, проще свалить все проблемы на голову Остапу. Только правильно ли? Если Хелена солгала, лишь ради одной

только справедливости он может послать ее подальше. Только последствия этого поступка могут быть для него катастрофичными. Значит, именно ей, Яне, нужно побеспокоиться о его будущем. Только как это сделать, она пока не знала. Ясно одно, ночевать ей придется в другом месте.

Блиzkих подруг у нее не было. Возможно, впервые в жизни она пожалела об этом. Родственники жили в других городах. С родительской дачи она не успеет утром вовремя приехать на работу. Кто же остается?

Возле маленького особняка в пригороде Яну встретил яростный собачий лай. Она растерянно осмотрелась по сторонам, не зная, как лучше поступить — удирать со всех ног или ждать, пока выйдут хозяева и угомонят сторожа. Неужели придется возвращаться на троллейбусную остановку, к тому же конечную?

Она уже готовилась бежать, когда из-за дома появился Сергей. Узнав нарушительницу спокойствия, он тотчас начал застегивать теплую клетчатую рубаху на груди, из-под которой виднелась цветная военизированная майка. Она совсем забыла, что Вороной на несколько лет старше ее, и поступил в университет после службы в армии.

Сергей остановился за калиткой, почесал затылок и, прищурив глаза, спросил:

— Ты чего здесь делаешь?

Ничего не скажешь, прямой вопрос. И как ей на него ответить?

— Можно... войти?

Подумав мгновение, Вороной наконец-то отворил калитку и пропустил Яну во двор.

— Ты постой тут минутку. Когда Лайка перестанет шуметь, можешь смело заходить в дом.

— Так собака действительно лайка? Или это кличка?

— Катюха так решила.

«Ну что же, исчерпывающее объяснение», — подумала Яна, ожидая, пока стихнет лай, а еще сомневаясь, стоит ли входить. Она пришла сюда впервые, хоть они и дружили много лет, к тому же настроение Сергея оставляло желать лучшего.

Яна вздохнула и, решившись, закрыла за собой калитку. Пока она семенила по вымощенной дорожке вдоль стены дома, то успела заметить, что двор почти пуст, если не считать одинокого куста сирени.

Вороной ждал ее у большой собачьей будки. Между его ботинками торчал черный нос и виднелся голубой глаз, смотревший на нее настороженно.

— Значит, все-таки порода.

— И кличка тоже. Заходи, не заперто. А то эта бестия просочится в щель, если захочет. Все собираюсь построить вольер, но, сама знаешь, какая у меня работа.

Яна кивнула и вдруг подумала, что Сергей может быть чем-то занят. Или кем-то. Ведь он мужчина холостой, и у него должна быть личная жизнь. Если так, то она только войдет и

скажет ему, что пришла по делам, а затем быстро смоется. В общем, придумает что-то.

Юркнув в дверь, Яна едва не упала, наткнувшись в темноте на девочку. Она обхватила маленькое тельце руками, чтобы случайно не толкнуть.

— Ты кто?

Темные глазенки смотрели настороженно и хмуро.

— Яна. А ты — Катя. Я тебя знаю. Твой папа очень часто о тебе рассказывает.

Она уже привыкла к полутьме и заметила, что девочка очень похожа на отца. Такие же черные волосы, только заплетенные в две косички, и взгляд, немного колючий, но внимательный.

— Снимай туфли и надевай тапки. Вешалка — на стене. — Скомандовала маленькая хозяйшюшка и отправилась в комнату, не оборачиваясь.

Яна сделала так, как ей велели, и последовала за Катей. Девочка ждала ее посреди гостиной, скрестив руки на груди — четырехлетний сердитый ангел.

— Можно сесть?

Яна топталась у входа, не зная, как ей поступить. Она еще с Сергеем не объяснилась, а его дочь уже смотрит на нее подозрительно.

Комната оказалась просторной, чистой и достаточно уютной. Никаких вышитых салфеток, маленьких безделушек и цветов, но на стенах висело несколько акварелей.

— Садись на диван. — Катя подождала, пока она устроится, и спросила в лоб. — Ты зачем пришла?

Яна кашлянула.

— В гости.

— Вечером?

Кажется, посетители здесь появляются не часто. Да и женщин Вороной сюда однозначно не водит. Во всяком случае, не тогда, когда дочь дома. Зря она беспокоилась — по этому поводу.

— Так получилось. Извини.

В комнате появился Сергей и скомандовал:

— Хватит доставать тетю Яну. Отправляйся в свою комнату, Катерина. — Девочка явно не собиралась уступать. Она продолжала стоять в центре комнаты и исподлобья буравила взглядом Яну. — Мне выключить телевизор?

Угроза подействовала. Девочка взглянула на отца, как на предателя, и молча, но с достоинством королевы покинула гостиную.

— Кажется, я ей не понравилась, — смущено пробормотала Яна, пока Сергей занимал место дочери. Кстати, взгляд, которым он смерил ее, тоже весьма походил на Катин. — Ты мне не рад?

Сергей явно смутился после прямого вопроса, что-то пробормотал, прошелся по комнате и, наконец, устроился в кресле напротив.

— Почему не рад?

— Не знаю. Мне так кажется.

Это оказалось труднее, чем она думала — прийти в дом к неженатому другу-мужчине. Особенно, когда он ведет себя подобным образом.

— Просто ты появилась внезапно, вот я и растерялся. Что-то случилось?

— Понимаешь... — Слова давались ей с трудом. — Я могу у тебя переночевать?

Если бы она так сильно не смущалась, то расхохоталась бы, настолько комичным стало выражение мужского лица.

— Перено... — Сергей вытер ладонью лоб, словно стряхнул пот, и продолжил: — Погоди, я не понял. А что случилось с твоей квартирой?

— Сережа, я тебя редко о чем-то прошу. Верно?

— Ну, да. Если честно, вообще не помню, чтобы такое случилось. Так, по мелочам.

— Тогда, пожалуйста, не спрашивай меня ни о чем. Просто укажи где, и я там лягу. Могу даже на чердаке или веранде. Только там, наверное, холодно.

— Так не лето еще. — Он уперся локтями в колени и подбородком в ладони. — Свободная комната есть. Это не проблема. Только...

— Что?

— Вы поссорились?

Она не стала уточнять, с кем. Просто ответила:

— Нет.

Вороной хмыкнул, встал и направился к двери.

— Ужинать будешь?

— Ты умеешь готовить?

— Я отец-одиночка. Мне положено.

В исполнении Сергея эти слова прозвучали так гордо, что у Яны даже не возникло желания его пожалеть.

— Ты — замечательный отец. Я с удовольствием что-нибудь съем. Признаться, не помню, когда жевала в последний раз. Только Катя...

Сергей обернулся.

— Что с ней не так?

— Она сердится на меня.

Вороной махнул рукой и пропустил Яну вперед.

— Не бери в голову. Соседка пугает ее новой мамой, вот она и устраивает допрос всем, кто здесь появляется. Но не продавать же из-за этого дом?

— Хороший дом.

— А то!

Они поужинали втроем. Мясное рагу оказалось вполне съедобным. За столом Катя разговорилась и уже не смотрела на Яну с подозрением, да и Вороной тоже. Он стал больше походить на мужчину, которого она знала. Когда девочка отправилась спать, Сергей налил гостю кофе, а сам куда-то ушел.

Покинув кухню, Яна нашла его в одной из комнат, где он раскладывал диван. Сергей не обернулся, хотя точно заметил ее, потому что спросил:

— Постелешь себе сама? Белье и плед в комод.

— Конечно. Спасибо.

— Не за что. — Вороной выпрямился и направился к ней. Точнее к выходу, но Яна еще не отступила от двери. Сергей остановился рядом и посмотрел ей в глаза. — Уверена, что не хочешь поговорить?

— Уверена. Возможно, как-нибудь.

— Понятно. Ты только не обижайся на меня за такой прием.

— Даже не думала.

— Думала. Понимаешь, это не очень хорошо, что ты сюда пришла. Для тебя. Если кто-то узнает... В общем, я не хочу, чтобы тебе снова перемывали косточки.

— Мне больше не к кому пойти. Не к Виталику же.

— Это точно. Лучше здесь, под моим присмотром.

Сергей улыбнулся, и Яна невольно засмотрелась на его губы. Они были совсем другими, совершенно не похожими на губы Остапа. Нижняя губа полнее, и уголки изгибались кверху. Она вздрогнула и подняла глаза, когда Вороной заговорил.

— Он тебя целовал?

— Кто?

Яна покраснела от мысли, что Сергей застал ее за таким занятием, как изучение формы мужских губ. Хуже — сравнением.

— Значит, Дуб тоже пробовал?

— Что?!

Кажется, к концу дня она способна произнести только местоимения.

— Это.

Сергей наклонился и прижался к ее приоткрытому от удивления рту.

Глава 19

Яна впервые не пошла на пятиминутку.

После того, как Сергей посадил ее в такси, чтобы она не опоздала на работу, а сам повел Катю в детсад, Яна отправилась домой — переодеться и подумать. Словно ночи ей было мало!

Смотреть Сергею в глаза после вчерашнего поцелуя оказалось непросто — от неожиданности, растерянности, смущения, неловкости. Бог знает, чего еще, но больше всего — после слов, которыми он закончил этот эксперимент.

«Думаю, что это то, что тебе сейчас нужно».

Задержавшись на миг, чтобы посмотреть ей в глаза, Вороной ушел в свою комнату, а она так и не решилась спросить, что он имел в виду.

Натянув одеяло на нос, Яна пыталась разобраться, что она ощутила, когда теплые, однозначно опытные мужские губы целовали ее. Не агрессивно, как Виталик, не искушающе — страстно, как Остап. «Ласково» — вот подходящее слово.

И что же она? Ей понравилось. Такой поцелуй не мог не понравиться. Она не ответила на него, хотя и почувствовала нежность к мужчине, касавшегося ее таким образом, но не более того. Сердце не зашло от радости. Ноги не подкосились от предвкушения. В животе не запорхали бабочки от зарождавшегося желания.

Возможно, он понял все по ее лицу и поэтому покинул, произнеся замысловатую фразу? Нет, она не хотела, чтобы он остался. Ни в коем случае! Яна отказала бы ему, если бы он просил или настаивал. Хотя, она плохо представляла себе Вороного в роли соблазнителя — не потому, что он не достаточно привлекателен. Если совсем уж честно, он ей даже нравился — но не так сильно, чтобы она потеряла голову. Неужели он равнодушен к ней настолько, что готов рискнуть годами дружбы?

Как бы там ни было, по ее мнению в его поступках отсутствовала логика. Она не понимала, чего он добивался этим поцелуем. Возможно... Нелепая мысль, но все же... Что, если Сергей хотел, чтобы она сравнила, разобралась в своих чувствах? Тогда последняя фраза приобретала какой-то смысл.

Яна перевернулась на живот и обняла подушку. Она вспомнила об Остапе.

Что он сейчас делает? Злится или беспокоится? Возможно и то, и другое вместе. Ей очень не хватало его сейчас. Хотелось прижаться к его сухопарому, сильному телу, положить руку на грудь — на то место, где бьется сердце, и уснуть под мерный стук. Или любить его — так, чтобы он почувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Забылась Яна под утро, а теперь оказалась в еще большем смятении, чем вчера. Если Остап уже посчитал ее легкомысленной или трусливой, то сегодня она сама почувствовала себя такой.

Первым, кого она встретила в больнице, оказался Виталик. Он почти прошел мимо нее с мрачным выражением лица. Опомнился Дубовский в шаге за ее спиной и спросил:

— Ты почему опоздала? Ворон чуть дыру в стуле не протер, все оборачивался на дверь.

Яна неожиданно для себя разозлилась.

— Ну, опоздала. И что? Я — обычный человек, со своими недостатками и слабостями.

— Эй, ты чего? Что-то случилось? — Он взял ее за локоть и повернул к себе. — Я тебя не виню. Ну, опоздала и опоздала. Зачем так нервничать?

— Никто не нервничает. Вообще-то, это ты меня остановил.

Дубовский сдвинул медицинскую шапочку на затылок и нахмурился.

— Вы что, поссорились?

«Они что, сговорились?»

— Нет! — крикнула Яна и дернулась, чтобы уйти, но Виталик не торопился ее отпустить.

— Почему-то я тебе не верю.

— Дело твое. Отойди, мне нужно работать.

— Мое. Поэтому я и спрашиваю.

— Отстань от нее, Дуб.

Рядом появился Сергей, и на какой-то миг Яне показалось, что время вернулось на несколько недель назад, когда эти двое выясняли из-за нее отношения, Остап еще не приехал, а она не знала, каково оно — любить по-настоящему. И главное, Хелена еще не внесла сумятицу в ее мысли и жизнь.

Обманываться ей пришлось не долго. Дуб неожиданно махнул рукой и ушел, а Сергей потянул ее к окну. Яна поняла, что рано или поздно им придется объясниться и начала первой.

— Серез, я заехала домой, поэтому опоздала.

— Могла предупредить.

— Зачем? Я же пришла, а ты мне не сторож.

— После вчерашнего...

— Ты о поцелуе?

— Не только о нем. Хотя ты и приехала в мой дом сама, я чувствую себя ответственным — во всяком случае, за твое удачное возвращение.

— Не стоит. Ты прав, я пришла к тебе сама.

— Это мне решать — стоит или нет. Спрашиваю еще раз: уверена, что не хочешь мне ничего рассказать?

Яна замаялась, раздумывая, но, в конце концов, покачала головой.

— Нет. Но у меня есть вопрос.

— Ладно. Давай.

— Правда ли, что... ну, в других странах, наших людей легко уволить без рекомендаций, а потом они... не могут устроиться снова?

Сергей посмотрел на кончики своих туфель, а потом ей в глаза.

— Это твой заграничный дружок так сказал?

— Нет, — пискнула Яна и прикусила нижнюю губу.

Вороной приподнял брови, подумал, а затем спросил:

— А с ним ты об этом говорила? — Яна отрицательно покачала головой. — А, может, стоит поговорить? А то, чувствую, сейчас мне достанется.

До Яны не сразу дошел смысл сказанного. Когда же пришло понимание, она резко обернулась и увидела Остапа. Он решительно шел в их сторону. Ей стало трудно дышать.

— Сереж, ты можешь меня снова поцеловать?

— Могу. Даже хочу. Но не буду. Разбирайтесь лучше сами.

«Сергей прав, — мысленно говорила себе Яна, наблюдая, как приближается Остап, видя следы бессонной ночи на красивом лице. — А я — нет. Господи, как же я виновата перед ним, а теперь и перед Сергеем. Нечестивый тянул меня за язык, когда я заикнулась о поцелуе».

Она не заметила, когда ушел Вороной, потому что Остап уже стоял рядом, вглядываясь в ее лицо, словно старался что-то отыскать. Хотя, тут не было нужды в особенной прозорливости. Ее виноватое лицо говорило само за себя. Она знала это, как табличку умножения.

— Привет.

— Здравствуй.

Они произносили обычные, ничего не значащие слова, но внутри у Яны душа будто рвалась на части. Если Остап чувствовал то же самое, то ему должно быть очень больно.

— Ты... как? Я не видел тебя на пятиминутке и... беспокоился.

Раньше он никогда не запинался в ее присутствии.

— В порядке. Почти. — Яна заметила, как сжались его губы, и торопливо спросила: — А ты? Где ты ночевал?

Едва слова сорвались с ее губ, Яна тотчас прижала к ним ладонь. Вряд ли она имеет право интересоваться этим.

Взгляд Остапа недвусмысленно свидетельствовал о том, что тот едва сдерживается. Яна уже не

сомневалась в этом. А если и так, то сила, с которой он ухватился за ее руку и потащил за собой, рассеяла последние сомнения. Яна ни разу не видела его в подобном состоянии, но поняла, что мужчина ужасно зол.

Что же, если ему хочется высказаться, она совсем не против. Возможно, даже заслужила. Или нет, если все сказанное Хеленой правда. А может полуправда? И что тогда? Почему она не поговорила с ним вчера?

Остап завел ее в кабинет старшей медсестры хирургического отделения и попросил пожилую женщину оставить их наедине. Та молча, без комментариев и любопытных взглядов, покинула помещение.

— Почему здесь?

Яна присела на кушетку и сложила руки на коленях, не зная, куда их девать. Больше всего ей хотелось обвить ими шею любимого, прижаться к нему и забыть события прошедших суток. Если бы Остап согласился. К сожалению, он вряд ли собирался нежничать.

— А где, по-твоему? Во всяком случае, здесь мы можем поговорить спокойно.

— Да. Спокойно.

— Дьявольщина! Яна, где ты была?

Мужской голос дрогнул где-то на середине фразы. Яна знала, что будет трудно, но чтобы настолько... Она обязана сказать правду.

— У Сергея.

— Где?!

— Я ночевала в доме Вороного. — Остап промолчал, но его лицо говорило за него. Яна поторопилась добавить. — Ничего не случилось!

Мгновения тишины, последовавшие после этих слов, показались ей вечностью. Не в силах выдержать напряжение, Яна поднялась и подошла к Остапу. Она обняла его, сомкнув ладони за спиной, и прижалась щекой к груди.

Его сердце колотилось, как сумасшедшее. Он ее не оттолкнул, но руки так и остались висеть вдоль тела, словно плети. Яне стало страшно, что он может прямо сейчас развернуться и уйти. Она подняла глаза и взглянула на напряженный подбородок, затем в глаза. Он не смотрел на нее, предпочитая окно.

— Ничего. Слышишь?

Поцелуй не в счет, ведь он для нее ничего не значил.

Она думала, что не дождетя от него слов, когда Остап произнес:

— Тогда зачем пошла? Если хочешь сделать паузу, только скажи.

Он все еще не смотрел на нее, и Яна повернула к себе его голову, сжав ладонями лицо.

— Не в этом дело. Не нужна мне пауза, но подумать действительно хотелось.

Его губы дрогнули, когда он тихо сказал:

— Я ждал. С ума сошел. Соседей поднял. Никто ничего не знал.

— Прости.

— Я помчался в больницу, думал, что тебя срочно вызвали по какому-то делу. Здесь все только пожимали плечами.

— Я виновата.

— Что, черт возьми, с твоим телефоном!

— Я его выключила, — пролепетала Яна, мучительно сожалея о том, что не доверилась Остапу.

Его лицо исказила гримаса, когда он спросил:

— Что я такого сделал? За что ты меня так...

Обидела? Унизила? Оскорбила?

Она не знала, что он имел в виду, но поднялась на цыпочки и поцеловала его в губы коротким поцелуем.

— Нет! Господи, нет! Я не хотела ничего такого!

Значит, Хелена умолчала о ее визите. Не сказала ни слова, иначе он реагировал бы по-другому. Получается, что она подыграла сопернице. Если Остап оставит ее, то только по ее вине.

Его руки медленно поднялись и провели по ее спине, остановившись на талии. Но в его словах слышалась горечь.

— Что тогда? Должна же быть какая-то причина.

Яна опустила глаза, упершись взглядом в кадык.

— Я поговорила с Хеленой.

— Понятно. Дальше.

— Она сказала, что... — Яне пришлось перевести дух, чтобы продолжить. — Что вы собираетесь пожениться.

Она почувствовала, как напрягся Остап, и заставила себя посмотреть ему в глаза. Он хмурился.

— Хелена? Она такое сказала? Именно такими словами? Возможно, ты неправильно поняла?

— Она изъяснялась очень доступно.

— И ты поверила ей.

Это был не вопрос. Он констатировал факт. Да и как иначе? Ее слово против слова Хелены.

— Не совсем.

— Если так, почему не дождалась? Ладно, это можно понять. Почему убежала из дома? Разве я тебя обманывал? Хоть раз?

— Нет. — Но и не посвящал в свои планы. Хотя этого она не могла ему сказать. — Хелена оказалась очень убедительной, поэтому я решила все обдумать.

— Яна, милая, — он обхватил ладонями ее лицо, — в этой ситуации не может быть убедительных аргументов. Я не обещал Хелене жениться. Вот единственная правда.

Разве не это она хотела услышать? Не это ли заставило ее вчера скрываться? Почему же тогда не спадает тяжесть с ее сердца?

— Хелена пообещала, что ее отец уволит тебя, если ты не женишься на ней.

Яна видела, как Остап замер, удивленный, даже пораженный этой новостью. Он не сразу нашелся со словами.

— Послушай, Хелена может говорить, что угодно. Хотя я не ожидал от нее ничего подобного. Сейчас не время говорить о Хелене. Важно другое, ты не доверилась мне. Не дала возможности оправдаться.

— Сейчас даю.

— Да, но вчера я понял одну вещь.

Ей вдруг показалось, что она замерзает, хотя теплые руки Остапа продолжали держать ее лицо в плену. Она заставила себя спросить.

— Какую?

— Все произошло слишком быстро, во всяком случае, для тебя. Ты мало знаешь меня и так же мало доверяешь.

Да что же это такое?! Неужели, все?!

— Я верю тебе!

— Очень на это надеюсь. Но пока нам рано жить вместе. Эту ночь я спал здесь, в больнице. Главврач разрешил мне пожить в изоляторе, пока Хелена в городе.

— Остап...

— Подожди, дай договорить. — Казалось, он задыхается, так тяжело вздымалась его грудь, а руки продолжали нежно поглаживать ее скулы. — Мы будем ходить на свидания, как положено. Разговаривать. Любить друг друга. Бог свидетель, я не могу от этого отказаться! Но ночевать я у тебя не стану — пока ты не научишься мне доверять. Слышишь?

У нее в горле стоял ком, но она умудрилась выговорить:

— Слышу. И сколько это будет... тянуться?

— Пока ты не решишь, что готова стать моей спутницей — во всех смыслах этого слова, довериться полностью. И работа не должна иметь к этому никакого отношения. Ты... согласна?

Слезы вскипели на ее глазах, но Яна понимала, что могло быть хуже, и кивнула.

Возможно, он прав. Все случилось слишком быстро.

Глава 20

Старый двухэтажный дом, наверное, потонет в тени, когда старые яблони украсят цветы и листья. Потом землю укроют гниющие плоды, и осы не дадут спокойно пройти.

Взглянув на окна, Вика не заметила ни единого движения за старыми рамами. Она брезгливо толкнула скрипящую входную дверь и подумала, что здание, в котором находится ее квартира, сохранилось значительно лучше.

Взяв больничный, она неделю провела дома. На работу идти не хотелось. Ее внешний вид и признание в беременности убедили участкового врача, что она нуждается в домашнем режиме и спокойствии. Мысль о том, чтобы отключить все телефоны, пару раз мелькала в ее уставшем мозге. Она не сделала этого по единственной причине — надеялась, что позвонит Эд, но тот не давал о себе знать.

Вместо него ей пришлось уверять мать, что у нее обычная простуда, и лишь поэтому она сидит дома. Соседка-доносчица расстаралась. Удивительно, что склочница до сих пор не доложила родителям об Эде. Хотя, вполне возможно, что наябедничала, но те решили помалкивать и подождать с разборками. Если они об этом не заговаривают, то ей тем более не стоит торопиться и подставляться.

Звонил Вик. За пару минут он так надоел ей дурацкими советами, что она бросила трубку.

Он, видите ли, беспокоится! Если бы не его убогое благородство, она жила бы вместе с Эдом, не тужила. Во всяком случае, до тех пор, пока не стала бы походить на бочонок, но до этого еще несколько месяцев. А теперь...

Ей надоело реветь, смотреть глупые сериалы, где все заканчивалось свадьбой, есть ресторанную еду, которую ей доставляли на дом, и валяться — в кровати или на диване. После нескольких дней мрачного бездействия Вика ужаснулась, увидев себя в зеркале. В это день она привела себя в порядок и впервые вышла в люди. Виктория прошла лишь до магазина, но эта маленькая прогулка привела ее в необходимый тонус.

На следующий день она пришла в больницу, но не для того, чтобы работать. Вика порылась в архиве и нашла историю болезни одной пациентки и переписала ее адрес.

Дом, в котором предположительно живет Эд, казался старым, почти ветхим. Правда, лестничные пролеты поражали шириной, хотя перила и нуждались в покраске. Поднимаясь на второй этаж, Вика поняла, что в этом доме всего лишь восемь квартир, и что они достаточно велики, как и обещала старушенция.

Все это она замечала краем глаза, волнуясь перед возможной встречей. Вика не знала, в каком настроении встретит ее Эд, не закроет ли дверь перед носом. Он не из тех, кто терпит вмешательство в свою жизнь. Вика понимала, что ее приход тоже относится к этой категории, но больше не могла выносить неизвестность.

Она позвонила в нужную дверь и уставилась перед собой, даже чуть выше, чтобы посмотреть прямо в глаза. Вика боялась, что это единственная возможность застать Эда врасплох и что-то разглядеть, пока он не натянул на лицо маску.

«Хотя, вряд ли он встречает гостей, заранее не подготовившись», — успела подумать Вика, когда дверь отворилась. Она угадала с адресом.

Светлые серые глаза прищурились, и девушка торопливо произнесла:

— Я только спросить.

Любимая фраза «стоящих в очереди» прозвучала глуповато, но Вика слишком нервничала, чтобы беспокоиться о пустяках.

К ее облегчению, Эд отошел в сторону, давая ей возможность войти. Из просторной, почти пустой прихожей вело пять дверей. Одна из них была распахнута, и Вика подумала, что именно в этой комнате Эд и живет. Она быстренько направилась туда, пока он ее не остановил. Вика решила, что не уйдет без разговора.

Ей удалось без лишних разговоров прорваться в относительно небольшую, светлую комнату с окнами на проезжую часть. Эд мог наблюдать за ней из окна. Оставалось лишь догадываться, видел ли он, как она медлила у входа.

Она повернулась к нему, не зная, с чего начать. Засунув руки в карманы потрепанных джинсов, Эд прислонился к дверному косяку и наблюдал за ней непроницаемым взглядом. Вику раздражало, что он до сих пор не сказал ни слова. Более того, она ужасно беспокоилась по этому поводу, но выбирать не приходилось. Она сама к нему пришла.

— Я узнала адрес в архиве больницы.

Эд кивнул.

— Неплохая комнатка.

Он пожал плечами.

— Ты... — Думал обо мне? Узнавал, как я? — ...как?

— Живу. — Наконец-то! — В консультацию ходила?

Она рано радовалась. Кажется, как женщина, она его больше не интересуется.

— В консультацию?! — Вика взорвалась. — Можно подумать, что ты ждешь наследника. И я для тебя, как... как...

— Как?

— Свиноматка!

Она забыла, насколько быстро он передвигается. Через мгновение Вика оказалась прижатой к свободной стене поджарым телом — спина, ягодицы и даже руки, плененные цепкими пальцами.

Чудовищное возбуждение накатило на нее волной. Она задышала часто и коротко, как спринтер, и уставилась на мужской рот.

— Ты так думаешь?

— Да. — Тонкие губы приблизились вплотную. — Не знаю.

Жесткий поцелуй смял ее рот. Головокружение грозило обмороком, но Вика яростно ответила на нападение.

Ее плащ сполз по рукам и куда-то упал. Она пробралась руками под трикотаж мужской футболки, царапая кожу. Эд дернул ее блузку вверх, не расстегивая, а лифчик книзу, освобождая тяжелую грудь.

Он оставил в покое ее губы, чтобы опалить дыханием грудь. Поцелуй, похожий на укусы, вызвал ее стон. Эд потянул зубами за вершинку, а Вика, теряя последние крохи контроля, добралась до застежки джинсов.

Она поняла, что ее юбка на талии, когда длинные пальцы впились в ее ягодицы. Вика потянула «молнию» вниз. Он приподнял ее ногу, сдвигая в сторону узкую полоску кружев между ног. Она сдвинула джинсы.

Эд посмотрел в ее глаза, впился поцелуем в губы и заполнил собой, будто прожигая насквозь.

Блаженная усталость заставила ее повиснуть на руках Эда. Она чувствовала на коже шеи его постепенно успокаивающееся горячее дыхание и улыбалась.

Вику распирало от удовлетворения, даже счастья. За последние несколько минут — или часов — ее сомнения почти улеглись. Виктория снова поверила в то, что Эд не так уж безразличен к ней, как хочет показать. Она нужна ему хотя бы для секса — потрясающего и безоглядного, без запретов и предрассудков.

В конце концов, этот парень должен поверить, причем безоговорочно, что только с ней он может получить такие ощущения, какие испытал сегодня. Вика ни минуты не сомневалась, что угодила ему. Не имела права, если хотела удержать его рядом. Любой ценой.

Она повернула голову и коснулась губами мужской щеки.

Эд дернул головой, отпустил ее ногу и отодвинулся. Вика невольно потянулась за ним, но уже спустя мгновение снова оперлась о стену.

Все верно, нежности он не терпел. Зря она его поцеловала.

Поправляя белье и одежду, она старалась не думать о возникшем отчуждении — и это после такой близости! Отмахиваясь от неприятных предчувствий, Вика размышляла о том, что правильно сделала, выбрав чулки. Колготки не удалось бы спасти, а идти домой с голыми ногами ей не улыбалось.

Молчание затянулось. Виктория услышала звук застегивающейся «молнии» и подняла глаза. Сидя на диване, Эд натягивал носки. Он не смотрел в ее сторону, и это взбесило Вику. Она и раньше не отличалась спокойным нравом, но теперь срывалась по всякому поводу и без него. Вика пыталась удержаться от резких слов, но, казалось, кто-то подначивает ее со стороны.

— Это все? А я бы продолжила.

— С тебя хватит.

— Это мне решать! — выпалила она, но тут же пожалела об этом. Вика, как никто другой,

знала, что с Эдом нельзя разговаривать в подобном тоне.

Он смерил ее тяжелым взглядом и хмыкнул.

— Продолжаешь чувствовать себя свиноматкой?

Неужели, она это сказала? Вика почти смутилась.

— Нет.

— Уже легче.

— Кому?

— Всем. Кстати, тебе пора.

Вика чуть не задохнулась от возмущения: «Он ее выгоняет!»

— И не собираюсь!

Эд начал шнуровать кроссовки.

— Послушай, Кукла, ты получила то, за чем пришла. А теперь проваливай. Мне нужно идти на работу. Я и так задержался из-за тебя.

Где-то в глубине ее тела зародилась паника и снежным комом принялась завоевывать новые территории, сметая по пути уверенность и надежду.

— Я еще не все сказала! И откуда тебе знать, почему я пришла?

— Значит, перепихнуться не хотела? Ладно, больше не буду приставать.

— Почему ты все перекручиваешь? Я... хотела, но и поговорить — тоже.

Эд поднялся и взял куртку, лежавшую на спинке стула.

— Пошли. Расскажешь по дороге.

Он подошел к ней, поднял плащ и набросил на ее плечи. Какое-то мгновение она упиралась, но Эд подтолкнул ее к выходу.

Едва сдерживая слезы обиды, она на ходу натянула на себя плащ и застегнула пуговицы.

Пренебрежение Эда больно ранило ее самолюбие. Вика чувствовала себя использованной и брошенной, но не собиралась показывать это виновнику своего подавленного состояния.

Они вместе вышли на лестничную площадку. Эд закрыл дверь на ключ и начал спускаться вниз, будто она не стояла рядом. Вика поплелась за ним, понимая, что капризничать в ее положении смешно. Она проглотила ком в горле и спросила:

— А где хозяйка?

— У соседки.

— И как она? Строгая?

— Нормальная. Это все, что ты хотела узнать?

— Нет.

Они вышли из подъезда и направились вдоль дорожки, ведущей к проезжей части — вместе, но не касаясь друг друга.

— Кукла, я не шучу. Мне, действительно пора. Выгонят, а работу найти трудно.

Она решилась.

— Эд, возвращайся ко мне.

— Ты же хотела, чтобы я съехал. Папочка расстроится, денежки лишит.

— Мне все равно. Правда.

Она скатилась до унижительных просьб, но и жить без Эда не хотела. Привыкла к нему, наверное. А он, гад, издевается. Ну и пусть! Только бы вернулся.

У дороги Эд остановился и повернулся к ней лицом, слегка нависая.

— Зато мне не все равно. Я остаюсь здесь.

— А я?

Вика чувствовала, как дрожат ее губы, и больно сжала их.

— А ты... заходи в гости, когда снова приспичит. Только позвони заранее, чтобы хозяйку не испугать. У нее сердце больное.

— Негодяй!

— Ты давно это знала. И еще... — Эд усмехнулся краешком губ. — Шла бы и ты работать. Людям помогать. Сколько можно дома валяться? Ребенку нужен свежий воздух и движение.

Она хотела крикнуть что-то очень обидное, чтобы заставить его страдать так сильно, как мучается сейчас она сама, но Эд развернулся и ушел, не попрощавшись.

Глава 21

Первая операция прошла удачно. Остап чувствовал себя почти счастливым.

Пожилому больному с многолетней стенокардией через специальный катетер Остап ввел два стента в суженные сердечные сосуды. Присутствующие коллеги и студенты с неподдельным интересом наблюдали за операцией на мониторах. Не каждому из них приходилось видеть подобное вживую. По окончании процедуры они поздравили пациента и Остапа. Все надеялись, что осложнений не будет, и последующие вмешательства не понадобятся. Через день-два мужчина сможет покинуть клинику и забыть о постоянных болях в сердце.

Чтобы не мешать больному, они всей гурьбой перебрались в ординаторскую. Главврач произнес традиционную пафосную речь, поздравив всех с тем, что и до их провинциального городка добралась цивилизация. Профессор высказался по этому поводу более конструктивно, а заведующий отделением тут же назначил молодых хирургов, которых Остап должен обучить.

Некоторое время операции будут проводиться бесплатно — благодаря гуманитарным материалам, но затем пациентам придется надеяться только на свои финансовые возможности.

В этом обсуждении Остап участия не принимал. Впереди ему предстояло ознакомить местных врачей еще с несколькими видами хирургических вмешательств, но сегодня он не хотел об этом думать.

Он видел Яну только мельком перед операцией. Она пожала ему руку и пожелала удачи. Остап нехотя отпустил маленькую теплую ладошку. Ему хотелось ее поцеловать, но, оглянувшись по сторонам, понял, что сейчас не время — слишком много свидетелей, а он обещал ее не компрометировать.

Во время операции Остап по выработанной привычке выбросил из головы все, что мешало работе. Он не замечал ни десятков глаз, ни приглушенный гул разговоров, сосредоточившись на собственных движениях и экране. От точности, с которой Остап выполнял манипуляции, зависел успех и, возможно, прогноз. Но позже, после окончания операции, он отыскал в толпе милое лицо. Яна встала на цыпочки, чтобы он ее заметил, и радостно улыбнулась. Он улыбнулся в ответ, а на сердце сразу потеплело.

К сожалению, поговорить им не удалось. Для обсуждения в ординаторской собрались только хирурги, да еще Хелена. Она следовала за ним по пятам, раздражая неоправданно настойчивым вниманием. Женщина вела себя так, будто без нее операция просто не состоялась бы.

Остапу пришлось настоять на том, чтобы она не маячила у него за спиной, а ждала вместе со всеми у мониторов. Хелена недовольно дернула плечом, но не стала пререкаться. В ординаторской же она намеренно стояла рядом и в какой-то миг даже взяла его под руку. Он отстранился и специально предоставил ей слово, чтобы получить возможность уйти. Ему хотелось видеть рядом совсем другую женщину, и Остап отправился ее искать.

Пока он обходил кабинеты и палаты, которые обычно посещала Яна, мысли о Хелене не оставляли его. Она очень изменилась. Стала назойливой и капризной.

В первое мгновение он опешил, когда Яна повторила ему слова бывшей подруги. Хотя он высказался достаточно ясно, когда оставлял Хелену в гостинице, Остап понял, что еще одного откровенного разговора не избежать. И это в лучшем случае.

Непонятно, зачем она вообще приехала. Родзинский ни разу не упоминал о предстоящей инспекции. Возможно, хотел сделать это без предупреждения? Ни разу прежде он не усомнился в своем сотруднике. Что же произошло на этот раз? Или это — лишь прихоть Хелены?

Остапа не оставляло ощущение, что кто-то приложил руку к ее приезду. Кто-то, кто не хотел, чтобы между ним и Яной произошло что-то более серьезное, чем обычная интрижка.

Неизвестный опоздал, поскольку то, что он чувствовал к Яне, давно перешло порог увлечения. Да, он предоставил ей возможность выбирать — как цивилизованный мужчина, каким он себя считал до последнего времени. Для себя Остап уже давно считал девушку своей. Единственная уступка, на которую он оказался готов — дать ей время, чтобы она поняла: они должны быть вместе.

Собственническое чувство, совершенно новое для него, удивляло Остапа, но он не хотел с ним бороться. Он слышал о подобном, но никогда не думал, что это случится с ним. Конечно,

женитьба входила в его планы — далекие настолько, что он не тратил на них времени. Ни одна из предыдущих подруг не задевала его сердца. Остап надеялся, что в нужный момент, когда он созреет для постоянных отношений, найдется прагматичная, умная женщина, с которой будет легко ужиться, и которая с пониманием отнесется к его работе. Дружеские отношения и совместимость в постели — вот и все чувства, которых он ожидал от такого союза. Наверное, так бы все и произошло, если бы он не вернулся в родной город.

Теперь эти рассуждения казались ему смешными. Он собирался прожить жизнь без любви, довольствуясь ее подобием. Глупец!

Юная, очаровательная, немного наивная Яна — девочка с отчаянной страстью и великодушием отдававшая ему и не требовавшая ничего, кроме искренности, покорила его легко и изящно, завладела его сердцем, не приложив к этому никаких усилий. Когда-то он думал, что невинность женщины — предрассудок, пережиток старых времен. Он действительно так считал, но когда первым прошел путь, по которому никто не хаживал до него, он почувствовал, как соединились не только их тела, но и души.

Именно поэтому последние события он перенес особенно тяжело. Каждое мгновение их разговора после той бессонной ночи, когда он не знал, где она, что с ней, Остап боялся сорваться и наговорить того, о чем будет сожалеть. Еще больше он беспокоился о том, что Яна решила оставить его, выбрала того, кого знает лучше и дольше.

Кажется, все обошлось, но какая-то напряженность осталась. Легкая, почти незаметная — во взглядах, в невысказанных словах, в прикосновениях. С тех пор они ни разу не занимались любовью — и не потому, что Остап этого не хотел. Что-то удерживало его от предложения. Возможно, он ждал какого-то знака от Яны? Трудно сказать.

Он не нашел ее, зато увидел Сергея Вороного, основной источник его раздражения в последнее время, если не считать Хелену. Тот стоял на балконе и курил. Остап уже прошел мимо, но затем поддался порыву и вернулся, вышел на балкон.

Стал рядом. Облокотился о перила. Посмотрел вдаль, ничего не видя, думая, с чего начать.

Да какая разница, с чего?

— Легкие не жаль?

Сергей пожал плечами.

— В армии втянулся, а теперь... Может и брошу. Будешь?

Вороной похлопал по оттопыренному карману.

— Нет.

— И не пьешь?

— Нет. Плохо переношу алкоголь.

— Мужик без вредных привычек? Могут не понять.

Остап в свою очередь дернул плечом.

— Мне все равно.

— Хозяин — барин.

Молчание затянулось, а Остап хотел найти Яну. Хотя... поговорить все равно нужно.

— Помнишь, я как-то сказал, что доверяю тебе?

— Было. И что?

— Так вот: я соврал.

Сергей хмыкнул.

— Ревнуешь?

— Какой догадливый. А что бы чувствовал ты, окажись на моем месте?

— Я не против.

— Не нарывайся. Я могу и физически воздействовать, если есть за что. Так как — есть за что или?...

Он повернул голову к Сергею и уперся в непроницаемый взгляд. Кулаки заныли, и Остап сильнее сжал перила. Врезать хотелось независимо от ответа — просто за то, что она побежала к нему, когда должна была дожидаться его, Остапа.

— Ты говорил с ней?

— Сам знаешь.

— Мне добавить нечего.

Напряжение висело в воздухе, как грозовая туча. Казалось, вот-вот сверкнет молния. Остап заставил себя сдержаться.

— Ладно.

— Не веришь ей?

— Ей — верю. Тебе — нет.

Сергей медленно улыбнулся.

— Правильно делаешь.

Остап чертыхнулся и вытянул из кармана Сергея сигареты. Достал одну, повертел в руках, затем засунул обратно в пачку и протянул ее Вороному.

— Одного не понимаю: если она тебе так нравится, почему ты с ней не встречался? Ведь не встречался?

— Нет. Она вообще ни с кем не встречалась. — Остап посмотрел на Вороного, заинтересовавшись. Он еще многого не знал о Яне, но очень хотел узнать. Сергей погасил сигарету и бросил окурочек в консервную банку, намеренно поставленную для таких целей в углу балкона. Бросил на Остапа загадочный взгляд. — Ты не в курсе?

— Нет.

— Необычная девушка, наша Синичка. Несовременная.

— Я заметил. Но она очень красивая.

Сергей тихо рассмеялся.

— Ты что, и правда ее любишь?

— Станный вопрос. А ты разве нет?

— Я? — Сергей замолчал, раздумывая, а затем заговорил о другом. — Я уже был женат. У меня есть дочь.

— И что из этого? Боишься полюбить снова? Или Яна не захотела встречаться с бывшим женатиком?

— Я ее не спрашивал. Трусил, наверное. Мне всегда казалось, что она не для меня. А потом... Потом нелегкая принесла тебя. Вот и вся история.

— Очень на это надеюсь.

— Ревнуешь.

— Знаешь, я рад, что это заметно. Потому что я не намерен ее отпускать.

Сергей облокотился на перила и с интересом посмотрел на него.

— А она это знает?

Остап замялся. Ведь он собирался быть джентльменом и даже предложил ей выбор, хотя уже знал, что не отдаст ее никому.

— Надеюсь, она догадалась. А если нет...то скоро поймет.

— Тогда, зачем ты говоришь это мне? Тренируешься?

— Это чтобы ты понял, что она — моя.

— Раз уж у нас такой откровенный разговор, тогда ты тоже должен знать: если у меня появится шанс, я не стану отказываться. А если ты ее обидишь...

— Это наше с ней дело.

— Я предупредил.

— Я тоже.

Они снова уставились на что-то впереди, возможно, на мокрые крыши больничных гаражей, котельню, старый сад, думая о своем, возможно, об одном и том же, когда Сергей вдруг сказал:

— Ты — хороший хирург.

— Спасибо. А почему тебя нет в списках? Не хочешь научиться?

— Хочу, но слишком много желающих, а я не люблю навязываться. Галя, моя бывшая, вечно ругала меня за... как это она говорила?... Безынициативность. Слово какое выбрала!

— Где она?

— За границей. Деньги зарабатывает.

— Понятно. Приходи. Я тебя научу.

— Подкуп?

Остап ухмыльнулся.

— Типа того.

— Тебя за язык никто не тянул.

— Тут ты меня поймал. — Неожиданно между ними возникло что-то вроде перемирия, и Остап решил это использовать. — Кстати, куда здесь можно отправиться с девушкой? Точнее, с такой девушкой, как Яна?

В Торонто женщин, с которыми он встречался, Остап водил в ресторан. Большого от него не ожидали. Но Яна не походила ни на одну из тех, кто появлялся и исчезал из его жизни, не оставляя заметного следа. Да и было их не так уж много.

— Честно?

— Желательно.

— Сам не знаю. Только...

— Ну, давай, договаривай, раз начал.

— Моя бывшая в таких случаях говорила, что женщине все равно, куда идти, если с ней парень, который ей нравится. Сам понимаешь, ручаться за то, что это истина, не могу. И вообще не знаю, зачем я тебе помогаю? Старею, наверное.

— Не беспокойся, я тебя не выдам. Спасибо за совет.

— Нечего меня благодарить. Я еще не сошел с дистанции.

— Учту.

Глава 22

Яна несла из приемного покоя медицинскую карту только что поступившего больного, когда в дверях появился знакомый рыжеволосый парень. Он хмуро осматривался по сторонам, явно не зная, к кому обратиться. Вначале она заметила лишь яркую голову, возвышавшуюся над всеми остальными. Только когда толпа расступилась, девушка увидела на его руках женщину. Она удивленно моргнула, пытаясь ее рассмотреть.

В этот миг парень встретился с Яной глазами и решительно повернул в ее сторону. С нарастающей тревогой она бросилась ему навстречу. Ее опасения оправдались. Женщиной оказалась Тереза Вацлавна.

Не теряя времени, Яна громко крикнула, уверенная, что ее услышат:

— Каталку, срочно!

Эд осторожно уложил свою ношу на горизонтальную поверхность, а Яна ухватилась за узловатую, с синими венами руку, проверяя пульс. Редкий. Подняла веки, вглядываясь в зрачки. Затем скомандовала санитарам, чтобы женщину везли в реанимацию.

— Пришел с работы, а она лежит. — Эд вышагивал рядом с каталкой, не отставая, будто везли близкого человека. — Я вызвал «Скорую», но такси приехало раньше. Я... Она... Что...

— Пока ничего не могу сказать. — Яна тронула его за рукав. — Главное, что она жива. В ее возрасте — это уже немало. Как она чувствовала себя в последнее время?

Возможно, это был странный вопрос такому человеку, как Эд, но она нуждалась в подробностях. Он ограничился коротким замечанием:

— Не жаловалась.

Эд зашел вслед за каталкой в широкий больничный лифт, и Яне не хватило духу сказать ему, что в реанимационное отделение пускают только родственников. В небольшом коридорчике перед дверью блока она предложила ему подождать на низеньком диванчике, одиноко стоявшем у стены.

За дверью их уже ждали. Пациентку тотчас подключили к монитору. На экране поползли кривые линии, фиксируя жизненные функции. Яна стояла рядом с другими врачами, слыша то, что уже видела сама. «Полная блокада сердца».

Это могло случиться в любой момент, поэтому Яна постоянно беспокоилась, что Тереза Вацлавна живет одна. Счастье, что в сложный момент рядом оказался постоялец.

Она почувствовала нежное рукопожатие и повернула голову. Остап. Яна на мгновение прижалась к нему плечом. Он наклонил голову и тихо объяснил:

— Мне сказали, что ты здесь. Что произошло?

— Эд... Постоялец застал ее без сознания и привез сюда.

— Я видел его у входа. Думаешь, это не он...

— Нет.

Яна ни на минуту не усомнилась, что переживания Эда искренние. Остап кивнул, и она порадовалась, что он не стал спорить. Сейчас не это было важным.

Некоторое время врачи лихорадочно спорили по поводу тактики лечения. Возраст пациентки и состояние ее сердца вызвали сомнения в благоприятном исходе. Время убегало, как песок сквозь пальцы, оставляя отчаяние. Яна снова ухватила за руку Остапа в неосознанных поисках поддержки. Он сжал ее ладонь, и она тотчас почувствовала себя увереннее.

Обсуждение все длилось и длилось, и когда казалось, что оно окончательно зашло в тупик, высказался Остап:

— Предлагаю временную эндокардиальную стимуляцию.

— Хорошо бы, — дежурный реаниматолог развел руками. — Но кто это сделает? К тому же у нас нет необходимого оборудования.

— У меня есть. Я привез одноразовые стерильные наборы и наружный стимулятор. Если ритм не возобновится и не будет противопоказаний, позже поставим постоянный. — Остап говорил спокойно и уверенно, и Яна верила, что у него обязательно все получится. — Рядом есть операционная?

— Есть, но ее нужно подготовить.

— Готовьте, а я сейчас принесу все необходимое. Больную оставьте на каталке.

Несколько напряженных секунд после его ухода присутствующие молчали, а затем дежурный врач развел руками.

— Все равно другого выхода нет. Двадцать ударов в минуту — слишком мало. А может быть еще хуже. Не дай Бог.

Второй раз за этот день Остап на ее глазах практически спасал жизнь человеку. Яна осталась, чтобы видеть все своими глазами — и чтобы просто быть рядом. Сергей тоже пришел и стоял возле нее, молча наблюдая.

Она видела точно рассчитанные, филигранные движения, любовалась ими и ощущала гордость за умения и несомненный талант любимого. Когда все закончилось, он отыскал ее взглядом, как в предыдущий раз, и улыбнулся, довольный. Значит, все прошло удачно. Результат его работы сразу заметили на мониторе.

— А он ничего, твой парень.

Яна улыбнулась, не спуская глаз с Остапа.

— Еще лучше.

Сергей хмыкнул, а Яна вдруг вспомнила о другом человеке, который тоже беспокоился.

Эд поднял голову, когда она вышла из реанимационного отделения. Его взгляд по-прежнему казался непроницаемым, но Яна уже не сомневалась, что это лишь видимость спокойствия. Он ничего не спросил, лишь встал. Яна невольно взяла его за руку.

— Операция прошла успешно.

— Операция?

Эд нахмурился, и Яна попыталась как-то объяснить ему, что произошло.

— Ее сердце вдруг начало сокращаться слишком медленно, чтобы организм получал кислород в достаточном количестве. Терезу Вацлавну с помощью специального устройства подключили к прибору, который помогает ее сердцу работать.

— Аккумулятор сел?

— Что?

Эд улыбнулся уголком рта.

— Я механик по профессии.

Яна улыбнулась в ответ.

— Да, что-то такое.

— И что дальше?

— Вам лучше пойти домой. Тереза Вацлавна останется здесь на какое-то время. Приходите завтра.

— А ты... Как найти тебя?

Яна растерянно моргнула, не совсем понимая, к чему он клонит, и пролепетала:

— В смысле?

— В прямом. — Только теперь она осознала, что Эд так и не отпустил ее руку. Яна попыталась незаметно ее отобрать, но парень лишь сильнее сжал тонкие пальцы. — Я приду завтра, и ты мне все расскажешь. Про хозяйку.

— Вы можете поинтересоваться здесь.

Яну почему-то смущал немигающий мужской взгляд, и она в очередной раз выдернула пальцы из его ладони, смягчив этот жест улыбкой.

— Я не слишком умею разговаривать, сама видишь. А к тебе уже почти привык. В каком отделении ты работаешь?

Почему ей вдруг показалось, что Эд испытывает к ней интерес? Он просто хочет поговорить о своей хозяйке с единственной знакомой в этой больнице. Смешно и глупо скрывать, где ее можно найти. Любой в этой больнице сообщит ему это.

— В терапевтическом. Но завтра я работаю только до четырех. Во всяком случае, надеюсь на это. Всякое случается. Как сегодня, к примеру.

В этот миг из блока вышел Остап и остановился рядом. Яна обрадовалась его появлению. Вроде ничего особенного и не случилось, но она чувствовала какую-то неловкость. Вдруг ощутила себя уязвимой наедине с Эдом.

Тот удостоил Остапа лишь коротким взглядом, засунул руки в карманы джинсов и кивнул:

— Я найду тебя.

Даже Яна ощутила, что фраза прозвучала несколько странно. Что же тогда подумал Остап?

— Кстати, это хирург, который оперировал Терезу Вацлавну.

— Остап Дорош.

Он протянул Эду руку, и тот пожал ее через короткое, но заметное мгновение. Этот человек явно не страдал не только общительностью, но и доверием.

— Эд. — Парень уже повернулся, чтобы уйти, но напоследок выдал. — Встретимся завтра.

Остап смотрел на звезды — далекие и холодные, если разглядывать их вот так, из окна ординаторской. Он предпочел бы видеть, как мерцают огоньки в глазах Яны, когда она охвачена желанием, но сегодня им не удалось добраться до постели.

Он потерся щекой о ее шелковистые волосы, и вздохнул.

— Я планировал пригласить тебя в ресторан.

— Да? В какой?

Нежные губы шевельнулись, обдавая теплым дыханием его шею. Он прижал ее к себе крепче, обнимая руками за талию.

— А куда бы ты хотела?

— Не знаю. В любой. Но сегодня уже поздно. Да и ты устал.

— Ну, не так чтоб очень. Жаль, что не могу доказать тебе это прямо сейчас.

— Мы можем поехать ко мне.

Он почувствовал, что Яна улыбается, и, скорее всего, краснеет. Его сердце наполнилось нежностью. А ведь он думал, что не способен на такие чувства. Просто стоять рядом с ней, вот так близко, уже казалось счастьем, настолько удивительным, насколько и непривычным.

Все давно разошлись. Дежурный врач, Татьяна Николаевна, отправилась на обход тяжелых пациентов. Хотя, если судить по лукавому взгляду пожилой женщины, она, вероятнее всего, намеренно оставила их одних. В просторной комнате царил полумрак, но они не зажигали свет.

Что если махнуть рукой на благие намерения и провести с ней ночь?

Остап вздохнул.

— Как же романтическое свидание? Мне так хочется за тобой поухаживать, побаловать вниманием. Еще подумаешь, что меня интересует только постель.

Его руки самовольно поднялись чуть выше, скользя по стройному телу. Большие пальцы приласкали мягкие холмики под тонкой тканью халата. Он понимал, что она ощущает его желание, настолько близко они стояли, но не отстранился. Остап никогда не скрывал этого и не собирался делать это теперь.

Яна вздохнула и прошептала:

— А разве не интересует?

Он тихо рассмеялся.

— Интересует, но не только это.

Яна на миг задержала дыхание и спросила:

— А что еще?

— Все. Все, что касается тебя. Ты никогда не рассказывала мне о родителях? Кто они?

— Обычные люди.

— Они не могут быть обычными, когда у них такая замечательная дочь.

Девушка рассмеялась, уткнувшись лицом в его грудь. Остап снова пожалел, что они сейчас в больнице, а не в уютной квартирке Яны. Но нет худа без добра. Взамен они получили возможность поговорить.

— Лесть, вот что это.

— Вовсе нет. Я действительно так думаю. Никогда не встречал таких, как ты.

Яна подняла голову и испытующе посмотрела в его глаза.

— Правда?

Он взял милое лицо в ладони и коснулся губ — легко, сдерживаясь изо всех сил.

— Истинная. — Диван стоял слишком близко. Остап всеми силами старался отвлечься от этого знания, особенно в тот миг, когда ее огромные глаза слегка затуманились, а рот приоткрылся, словно ожидал нового поцелуя. — Кем они работают, папа и мама доктора Синички?

— Учителя на пенсии. Отец преподавал математику, а мама географию.

— И никаких медицинских династий? Может бабушка или дедушка, тетя, в конце концов.

— Нет. У нас в роду нет других врачей. А у тебя?

— Мой отец работал хирургом, а мать — медсестрой.

— А теперь?

— Папа на пенсии. А мама с нами не живет. У нее другая семья.

— Жаль.

Яна приложила ладонь к его щеке. Остап повернул голову и поцеловал ее.

— Наверное, но это случилось пять лет назад. Я привык.

Он рассказывал о проблемах в своей семье, вспоминал, как переживал мамин уход и папину депрессию, но теперь это казалось таким далеким, словно случилось в прошлой жизни. Наверное, он на самом деле смирился со всем, но ни за что не хотел бы, чтобы и с ним произошло нечто похожее. Он ни за что не отпустит женщину, которую любит.

— Если я правильно запомнила, у тебя есть сестра.

— Мара. Точнее Тамара. Да, она в этом году заканчивает школу. Сорванец, а не девчонка. Не представляю себе, как отец с ней справляется, пока я здесь.

Он почувствовал, что после этих слов Яна слегка напряглась, и не сразу понял, в чем причина.

Пока она не спросила:

— Как долго ты пробудешь здесь?

Прямой вопрос требовал прямого ответа. Но прежде он тоже хотел кое-что узнать.

— Ты поедешь со мной в Торонто?

Он видел, как расширились ее глаза, чувствовал, как дрогнула рука, прижатая к его груди, и ждал. Ни разу в жизни он так не волновался. Возможно, сейчас решалась его судьба.

Оба вздрогнули, когда распахнулась дверь ординаторской. Они даже не успели отстраниться друг от друга, когда щелкнул выключатель, и комнату залил свет ламп дневного освещения.

Хелена смерила их взглядом и поджала губы.

— Остап, не ожидала от тебя такого... такого. Развратничаете прямо на рабочем месте.

Яна покраснела и смущенно заерзала в его объятиях, и он неохотно отпустил ее.

— Почему ты не в гостинице, Хелена?

— Я здесь с инспекцией. Прихожу, когда хочу.

— И что ты сейчас инспектируешь? Мою личную жизнь?

Остап еле сдерживался. Каждое новое слово давалось ему с трудом. Он боялся сорваться и нагругить. Хелена его окончательно достала.

— Личную жизнь? Не смей меня! Личная жизнь врача из уважаемой канадской клиники не может быть связана с этой...

— Хелена, сейчас же извинись!

— Перед кем? Не вижу здесь никого, перед кем стоило бы извиняться.

Яна сорвалась с места, но Остап удержал ее.

— Мне лучше уйти.

— Нет. Уйдет Хелена.

— Что?! И не подумаю!

Хелена вздернула подбородок, всем своим видом выражая намерение остаться.

Яна вырвалась и помчалась к двери. Остап бросился за ней.

— погоди. Не уходи, пожалуйста. Не сейчас.

— Я не собираюсь это слушать.

Он чувствовал, как дрожит голос этой девочки, и как в нем поднимается с трудом контролируемое желание ударить Хелену. Такого с ним еще не бывало. Бить женщину он считал последним делом.

Остап нуждался во времени, чтобы успокоиться, но и отпустить Яну в таком состоянии он не мог. Он предпринял еще одну попытку.

— Ты не ответила на мой вопрос!

Эти слова ее остановили. Он тотчас понял, что выбрал самый неудачный аргумент. Яна смерила взглядом Хелену, а затем повернулась к нему.

— Все зависит от тебя. Не уверена, что ты сам к этому готов.

Глава 23

Остап на какой-то миг замешкался, испытывая боль от резких слов и слыша такую же боль в голосе Яны.

Проходя мимо Хелены, он бросил гневный взгляд в ее сторону. Она ухватила за него, останавливая. Остап отодвинулся, но не ушел, как намеревался.

Пожалуй, пришло время объясниться раз и навсегда, чтобы не осталось никаких недомолвок и ложных надежд. С Яной он объяснится позже. Ей все равно придется вернуться в ординаторскую за одеждой. Возможно, все к лучшему. Она успеет немного успокоиться.

Понимая, что все может быть с точностью до противоположного, Остап зло поинтересовался:

— Чего ты добиваешься, Хелена?

— Неужели непонятно? Я уже говорила тебе вчера. Честно призналась.

— И я ответил тебе. Тоже честно. Зачем ты закатила эту сцену? Обидела замечательную девушку.

От природы бледная кожа Хелены побелела еще сильнее, когда она взвизгнула:

— Замечательная! Не наблюдаю ничего такого. Даже близкого к этому! Ни лица, ни фигуры, ничего привлекательного! — Женщина задыхалась, выплевывая злые слова, а Остап еле сдерживался, чтобы не схватить ее за плечи и трясти, пока она не перестанет орать. — Я бы попыталась понять, если бы она оказалась красавицей. А так... Мисс Невыразительность! И еще Бесстыдство!

Остап смотрел на женщину, которую несколько непростых лет в чужой стране считал своим другом. Ей, единственной из знакомых, он доверял. Не полностью, но все же достаточно для того, чтобы рассказать о проблемах — семейных или профессиональных. Все остальные делились для него на коллег и любовниц. Он ошибся, когда думал, что не интересуется ее как сексуальный партнер или потенциальный супруг.

Как разговаривать с оскорбленной, пусть и ненамеренно, женщиной, объяснить, что они не могут быть вместе? Как защитить от ее мести свою избранницу? Что в таких случаях помогает лучше — угрозы, игнорирование или уговоры?

Остап не мог даже предположить, что ему когда-либо придется решать такие вопросы. Он сделал над собой усилие и сбавил тон.

— Яна не заслужила подобных слов — ни от кого. Если ты успокоишься, то сама это поймешь. Ты же умная женщина, Хелена. Не ожидал от тебя такого...

— А вот я ждала. Годы! Надеялась, что тебе наскучат временные связи, что ты захочешь настоящего женского внимания, домашнего очага, понимающего человека рядом. А в результате... — На впалых щеках Хелены появились два красных пятна, словно ее охватила лихорадка. — Мое место заняла какая-то малявка. Место, которое я выстрадала, заслужила, как никто другой!

Отчаяние на женском лице скорее ужасало, чем трогало. Остап не подозревал, как сильно Хелена одержима им.

— Послушай, ты заслуживаешь лучшей участи. Любящего мужчину. Я же не могу дать тебе этого.

— Я не хочу другого. Мне нужен ты. Я уверена, что со временем ты бы смог...

— Нет. — Он не хотел обнадеживать Хелену. Он не сомневался, что никогда не сумеет ее полюбить. Теперь, когда он знал, что это такое, то не мог, не хотел соглашаться на меньшее. Остап понимал, что женщине больно это слышать, но снова повторил: — Нет. Этого никогда не будет. Извини.

В глазах Хелены блеснули слезы. Казалось, исчерпаны все аргументы. Она всхлипнула и шагнула к нему. Он отступил назад.

В сердце Остапа шевельнулась жалость, но он не разрешил себе утешать бывшую подругу, касаться ее. Подумал, что это только ухудшит дело. Хелена может увидеть в невинном, дружеском жесте вовсе не то, что есть на самом деле. Да и Яна тоже, если застанет их за разговором по душам.

— Ты передумаешь.

— Хелена...

— Ты обязательно передумаешь, когда вернешься домой. К семье.

— Я пока не собираюсь возвращаться. У меня здесь...

— Звонил твой отец, а потом сестра.

— Тебе? Но почему... — Остап достал из кармана сотовый и тихо чертыхнулся. — Разрядился.

— Конечно. Тебе же некогда. Ты занят девчонкой.

Он перебил ее, не желая начинать все сначала:

— Что произошло?

— Твой отец заболел. Сердце.

«Ложь».

Эта мысль оказалась первой, что пришла ему в голову. Остап даже тряхнул головой, чтобы прийти в себя. Его отцу в этот момент может быть по-настоящему плохо, а он из-за недоверия к Хелене сомневается в этом. Старший Дорош никогда не жаловался на здоровье, но все бывает в первый раз. Тем более что отец уже давно не молод.

— Он в больнице? Состояние тяжелое?

— В больнице. Больше ничего не знаю. Слишком торопилась к тебе, чтобы расспросить подробнее.

В женском голосе звучали обида и осуждение, но Остап сделал вид, что не заметил этого.

— Дай мне свой телефон.

— Ты мне не доверяешь?

Ему хотелось признаться, что так оно и есть, но сказал он другое:

— Я хочу позвонить сестре.

Хелена протянула ему сотовый. Он действительно нашел во входных звонках номер Мары и нажал кнопку вызова.

Сестра не плакала, хотя и говорила с напряжением в голосе. А еще в нем ощущался едва уловимый страх. Ничего удивительного. Брат, на которого она привыкла полагаться, работал далеко от дома, а отец — заболел. Девочка оказалась предоставлена сама себе, уже достаточно большая, чтобы понимать все возможные последствия, но еще ребенок, когда дело касалось практической стороны вопроса. Зная о ее непростых отношениях с матерью, Остап сомневался, что Мара обратится к ней за помощью. Из разговора он понял, что сестра не собирается возвращаться в безлюдный дом.

Закончив разговор, он подумал, не позвонить ли Яне. Ее номер он помнил наизусть. Но потом решил, что не хочет прощаться с ней по телефону — ничего не объяснив, не посмотрев в глаза. Он протянул телефон Хелене и согласился с выводом, читавшемся на ее лице:

— Мне нужно срочно лететь в Торонто.

Хелена кивнула с явным облегчением.

— Я уже заказала нам два билета на ближайший рейс из Киева. Если ты поторопишься, мы успеем добраться туда самолетом. Если нет, придется лететь следующим рейсом — завтра, после обеда.

Он понимал, что Хелена оказала ему услугу, проделав всю эту работу, но простое «спасибо», после всех тех гадких слов, которые она наговорила Яне, далось ему с трудом.

То, что она летит вместе с ним, тоже имеет разумное объяснение. Ей больше нечего здесь делать, если он собирается домой. Но как объяснить все это Яне? Ко всему прочему ее еще нужно найти.

Он сорвался с места, кожей чувствуя, как мчатся секунды.

— Ты куда?

Хелена не отставала от него, цепляясь за рукав.

— В изолятор. Там моя сумка. Иди в гостиницу собирать вещи. Я скоро буду. Нужно выписаться оттуда.

— Ты же не собираешься...

— Я уже все сказал.

— ... искать ее?

— Хелена, у меня нет времени на разговоры с тобой.

— А с ней? — Он ничего не ответил, и Хелена дернула его за руку, пытаясь остановить. — Ты не можешь наплевать на здоровье отца ради чужой девчонки.

Даже слепой или глухой заметил бы, что Хелена пользовалась любым случаем, чтобы разрушить еще хрупкие отношения между ним и Яной. А он не страдал ни одним из этих недугов.

Остап тихо выругался. Он не представлял себе, как вынесет продолжительный совместный полет с этой женщиной. Каждое сказанное ней слово вызывало в Остапе раздражение. Только беспокойство об отце заставляло его держать себя в руках.

— Жди меня в гостинице.

В плаще с перекинутой через плечо сумкой Остап ворвался в приемный покой. Он не знал, где еще можно найти Яну. Но и там ее не оказалось.

Он взглянул на часы и понял, что больше не может заниматься ее поисками. Он уже собирался попросить мобильный телефон у дежурной медсестры, когда услышал знакомый голос в вестибюле.

Выскочив из кабинета, Остап едва не столкнулся с девушкой и обнял ее, хотя она и не собиралась падать. Ему ужасно захотелось сделать это, прижать крепко и держать так как можно дольше. Время снова было не на их стороне.

Неохотно выпуская ее из объятий, он заметил, что она уже одета в пальто. Собралась домой. Без него. Хелена постаралась на славу, а у него даже нет возможности, как следует, оправдаться и попрощаться. Что же, он сделает то, что сумеет.

— Я тебя искал. Мой телефон разрядился.

— Я переодевалась в ординаторской.

Заметив его сумку, Яна подняла глаза и прошептала:

— Ты возвращаешься в гостиницу?

Настороженный взгляд, слегка нахмуренные брови, неуверенный жест, которым она поправила челку — все это вызвало в нем невероятную нежность и такую же сильную боль от предстоящей разлуки. Любые слова терялись перед его чувствами.

— Выйдем на улицу. Мне нужно кое-что тебе сказать.

Яна молча кивнула. Уголок ее рта слегка дернулся. От этого она стала выглядеть еще уязвимее.

Остап взял ее за руку и повел за собой, думая лишь о том, как ему не хочется покидать дорогую его сердцу девушку. А ведь еще неизвестно, сколько пройдет времени, прежде чем им снова удастся встретиться.

Они остановились недалеко от входа, в темноте, подальше от любопытных глаз. Но даже при таком освещении Остап видел широко открытые, обеспокоенные глаза Яны. Он обнял ее, поцеловал коротко и крепко, а затем слегка отстранился, не отпуская, всматриваясь в лицо, пытаясь наглядеться на все дни разлуки наперед.

— Что-то случилось? У тебя такой вид...

— Мой отец попал в больницу с сердечным приступом.

— О! Как он?

— По словам сестры судить трудно. Она — не медик. Отец — в палате интенсивной терапии. К тому же Мара еще школьница и присматривать за ней некому. В общем... мне нужно лететь.

Яна прижалась к его груди и прошептала, сдерживая вдруг накатившие слезы:

— Конечно.

— Хелена уже заказала билеты. Нам нужно срочно добраться до Киева, чтобы успеть на ближайший рейс.

— Я понимаю.

Он знал, что упоминание имени Хелены не добавит девушке оптимизма, но решил, что будет лучше, если об этом она узнает от него. Слишком много недомолвок было между ними прежде.

— Яна, посмотри на меня. — Она подняла голову. Ее глаза мерцали, как озера лунной ночью. — Ты плачешь?

— Нет. — Она шмыгнула носом. — Пытаюсь. Извини.

— Хелена для меня ничего не значит. Не уверен, что теперь мы с ней можем считаться даже друзьями. Я ей это объяснил. Надеюсь, она поняла.

Яна кивнула.

— Хорошо. Но я не из-за Хелены. Не только из-за нее. Просто... — Ее голос срывался, а у Остапа каждый раз при этом замирало сердце. — Я буду скучать. Мне так не хочется, чтобы ты уезжал. Это эгоистично, я знаю, но ничего не могу с собой поделать. — Яна тряхнула головой и попыталась улыбнуться. Жалкая попытка, но он любил все, что она делала. — Ты должен быть рядом с отцом. Ему сразу станет легче.

Он не помнил, когда снова начал ее целовать. Она отвечала ему со страстью, граничащей с отчаянием. Его никогда прежде так не целовали. Он не мог заставить себя оторваться от нее. Яна сама положила конец их объятиям. Она вырвалась из его рук, отступила на шаг.

— Иди, а то опоздаешь. Я не хочу, чтобы ты из-за меня не успел на самолет.

Ее взгляд противоречил словам, но Остап уже достаточно пришел в себя, чтобы уйти. Он кивнул, сделал несколько шагов по дорожке и обернулся.

— Я обязательно вернусь. — Яна кивнула, но не сдвинулась с места. Он знал, что будет вспоминать ее и такой тоже — стоящей на ветру и провожающей его взглядом полным непролитых слез. Остап проглотил комок в горле и крикнул: — Люблю тебя! Слышишь?

Яна прижала руку к губам и снова кивнула.

Глава 24

«Люблю тебя».

Она мечтала услышать эти слова. Они прозвучали. И что теперь?

Вместо всепоглощающей радости Яна почувствовала еще более сильную боль. Предстоящая разлука сама по себе надрывала ей сердце. Теперь же, когда она знает, насколько серьезно к ней относится Остап, какие чувства испытывает, расставание казалось девушке настоящей пыткой.

Разумные мысли о том, что Остап обязан отправиться к отцу, не дарили успокоения. Яна пыталась временно выбросить их головы воспоминания об их встречах и даже размолвке. Вместо этого она направляла раздумья в конструктивное русло — на работу. Получалось не слишком хорошо. Точнее — вообще не получалось. Яна ловила себя на мысли, что невольно поворачивает голову, стоило высокой мужской фигуре появиться в поле ее зрения.

Вздохнув, она попыталась сосредоточиться на утренней пятиминутке. Это потребовало больших усилий, чем обычно, и не только потому, что Остап не выходил у нее из головы. Прошедшей ночью, впервые за последние недели, ей приснился старый сон. Темная вода не выпускала ее из своих объятий, затягивая и хохоча над тщетными усилиями выбраться, избавиться от опасности.

Яна проснулась от собственного плача и порадовалась единственному — что это лишь ненавистное сновидение. Возможно, вместе с Остапом улетела часть ее уверенности в себе, и теперь возвращаются прежние страхи?

— Ты как?

Яна вздрогнула от неожиданности, когда Сергей наклонился к ее уху. Он, как в старые добрые времена, занял для нее место и до сих пор сидел молча. Однако хмурый вид Вороного не оставлял сомнений, что вопросы последуют.

— Нормально. — Яна сделала вид, что слушает дежурного врача. — Что, плохо выгляжу?

Яна пожалела, что не нанесла самый простой макияж. Возможно, тогда удалось бы избежать болезненного разговора. Хотя, кого она может обмануть? Во всяком случае, не Сергея.

— Да нет.

— Так «да» или «нет»?

— Не увиливай. Я — терпеливый.

— Даже не пыталась. Плохой сон приснился.

— Понятно. — Сергей перебросил ногу на ногу и снова наклонился к ее уху. — Как себя чувствует Тереза Вацлавна?

— Пока без перемен. Во всяком случае, так было, когда я заходила к ней перед пятиминуткой. Хорошо, что не хуже.

— Угу. Я как...

— Сергей, может ты, наконец, приступишь к главному?

Яна посмотрела другу в глаза и поняла, что он волнуется за нее. Наверное, уже знает, что Остап улетел домой.

— Я, конечно, не экстрасенс... — Яна приподняла бровь в ожидании, пока не понимая, к чему он клонит. — Глупо как-то себя чувствую.

— Ты хочешь меня напугать или наоборот? — попыталась пошутить Яна, но Сергей с обиженным выражением откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки.

— С женщинами невозможно разговаривать серьезно. А я, между прочим, хотел, как лучше.

Девушка вздохнула и примирительно толкнула Вороного локтем.

— Не дуйся. Тебе не идет. Давай, договаривай. Внимательно слушаю.

— Я только хотел сказать, что ты ему сильно нравишься, и если это будет зависеть от него, он обязательно вернется.

Неожиданное заявление из уст друга на некоторое время лишило ее дара речи. Прошли минуты, пока Яна сумела ответить.

— Мне казалось, что он тебе не нравится.

— Он не барышня, чтобы мне нравится или наоборот. А мужика можно либо уважать, либо нет. Так вот, я признаю, что он не дурак, а это значит, что он прилетит.

— Спасибо тебе, Сережа. Я надеюсь, что все именно так и будет.

— Не нужно меня благодарить. Вообще-то я планировал молча ждать, что из этого получится.

— Зачем тогда сказал?

— Черт попутал. Да и вид у тебя... понурый, что ли.

— Пожалел, значит.

— Да ну вас, женщин! И так — нехорошо, и по-другому — плохо. Почему сразу «пожалел»? В следующий раз ни слова не скажу. — Он помолчал минуты две, прежде чем продолжить. — А с другой стороны, почему пожалеть не могу? Ты мне не безразлична. Я тебе друг или не друг?

— Друг.

— Вот! Ты же меня жалела, когда моя Галя ушла?

— Было дело. Но мне показалось, что тебе это не слишком нравилось.

— Что жена ушла — не понравилось. Это точно. А вот твое внимание — совсем другое дело.

— Сережа, — Яна пыталась подобрать подходящие к этому случаю слова, но не сумела и сказала правду. — Я люблю его. Мои чувства вряд ли изменятся — даже если что-то пойдет не так. А ты — мой самый лучший друг.

— Да ладно, чего уж там. Друг, значит друг. Выше голову, Синичка. Кстати, кажется, про твою пациентку говорят.

Яна направлялась в терапевтическое отделение и думала о Терезе Вацлавне, когда ее окликнул знакомый голос. Она повернула голову. Эд выпрямился, оттолкнувшись от стены.

— Доброе утро! — поприветствовала его девушка, задирая голову.

— Привет.

Его худощавая фигура слегка нависала над ней, и Яне захотелось предложить ему присесть, но рядом не оказалось ни одного диванчика. Она смирилась с тем, что придется общаться стоя.

— Я как раз иду из реанимации.

— Как она?

— Пока от аппарата отключить не можем, но в остальном — неплохо. Она в сознании, разговаривает. Свежего инфаркта нет, только рубец после перенесенного несколько лет назад.

— Тогда почему ее сердце... ну... плохо работает?

— Сейчас трудно сказать. Возможно, дело в рубце или слабости проводниковой системы, или...

— Зря я спросил. Эти премудрости — не для меня.

Эд едва заметно улыбнулся краешком рта, и Яна вдруг поняла, что перед ней симпатичный мужчина. Остапу или Сергею она сказала бы, что ему нужно улыбаться почаще. Но Эд — почти незнакомец. Она чувствовала в нем какую-то опасную привлекательность, но и настороженность тоже.

— Извините. Увлеклась. Вы спросили, и я...

— Ты всегда такая?

Неожиданно он взял ее за руку, и Яна еле удержалась от того, чтобы силой выдернуть пальцы. Кажется, этому парню нравилось держать ее за руку, о себе она такого сказать не могла. Синичка попыталась осторожно освободить руку, и Эд отпустил, снова прислонившись спиной к стене. Девушка перевела дух и пролепетала:

— Какая?

— Серьезная.

— Не знаю. Не думала об этом. — Мужчина смотрел на нее изучающим, с легким прищуром взглядом. Яна смутилась. Она не могла понять, что означает его поведение, и решила, что этот разговор пора заканчивать. — Извините, меня ждут пациенты.

Неожиданно рядом появился Виталик, и Яна, впервые за последнее время обрадовалась ему.

— Добрый день.

Яна кивнула. Она заметила, что Дубовский не спускает с Эда глаз и уходить не собирается. Тогда она решила их познакомиться.

— Это — Эд. Он снимает комнату у Терезы Вацлавны. Пришел узнать, как она себя чувствует. — Яна посмотрела в сторону Виталика — Наш хирург, доктор Дубовский.

Мужчины смерили друг друга взглядами и сдержанно кивнули. Виталик же спросил у нее:

— Все в порядке?

Видимо, она таки выглядит неважно.

— Вполне.

— Моя помощь не нужна?

Разговаривал Дубовский с ней, а смотрел на Эда. Скорее всего, он имел в виду его, когда предлагал помощь.

— Нет, спасибо.

— Я буду неподалеку.

Яне захотелось топнуть ногой от такой откровенной заботы, но она лишь кивнула вслед уходящему Виталику.

— Разве ты встречаешься не с Остапом?

Яна удивилась, что он запомнил его имя.

— С ним.

— А это кто?

Она пожала плечами, задумавшись. Яна не знала, как определить статус Дубовского. Теперь казалось удивительным, что совсем недавно она думала, что влюблена в него. Возможно, так и было, но чувство оказалось не настолько сильным, чтобы пережить нанесенные обиды. Поэтому Яна ответила просто:

— Коллега.

Эд посмотрел на нее веселым взглядом.

— Здесь все хирурги к тебе неровно дышат?

Яна чувствовала, что залилась румянцем.

— Нет. — Что еще она могла сказать этому парню? Не выкладывать же ему историю своей жизни. Хотя его, кажется, разбирало любопытство. Только этого ей и не хватало! — Мне, действительно, пора идти.

— Лекарства нужны? — Заметив недоумевающий взгляд Яны, мужчина объяснил: — Терезе?

— Терезе?

— Я так ее называю — Мать Тереза.

— Ясно. Нужно спросить у реаниматологов. Вы можете купить?

— Если нужно, я дам деньги.

— Денег не нужно, а вот медикаменты... Сами знаете, как у нас с обеспечением. Но если вы можете помочь, подойдите к врачам.

Эд кивнул и снова навис над Яной.

— Я еще приду — узнать, что и как.

— Конечно. — Яна кивнула и сделала шаг в сторону. — Доброго дня вам, Эд.

— До свидания. Синичка.

Яна невольно остановилась, провожая взглядом худую фигуру.

Он узнал ее фамилию? Зачем?

У Вики потемнело в глазах, когда Эд взял Синичку за руку.

Она впервые в жизни прислушалась к мнению мужчины и явилась на работу, хотя ей и не хотелось. По утрам ее продолжал изнурять токсикоз, а днем — все остальное. Слезливость по поводу и без него ужасно выводила Викторию из себя, поскольку она к ней совершенно не привыкла. Злость нравилась ей гораздо больше. Но в кошмарный миг, когда ее Эд прикоснулся к бесхребетной и пресной Яне, это чувство возникать не торопилось. Глаза заболели от подступивших слез обиды.

Эд ничего не делал в пол силы. Ему оказалось мало унизить ее сумасшедшим совокуплением у стены съемной комнаты и язвительным комментарием — позже.

Подумав несколько часов и переспав с этой мыслью, угнетенная таким обращением Вика убедила себя, что подобным образом Эд проявил свою заботу.

Позавтракав сухарями и кофе, Виктория замаскировала синяки под глазами и отправилась в больницу. По дороге она даже составила план на день, чего никогда прежде не делала. Ей вдруг захотелось немного измениться, стать рассудительнее, возможно, спокойнее. Если этого хочет Эд, она готова попробовать.

Была готова. Еще пять минут назад. Черт бы их побрал!

Эд уже давно отпустил руку соперницы и прислонился к стене, а Вика все еще не могла сдвинуться с места. Эти двое разговаривали, словно знали друг друга не первый день. Даже издали Вику коробило их почти дружеское общение.

Эд и дружба? Немыслимо! Виктория никогда в это не поверит. Эд никогда и не при каких обстоятельствах не уважал женщин. Чаще всего он их использовал, иногда привязывался к ним — как к своим сестрам, к ней самой. Значит, единственным, что могло связывать этих двоих, мог быть только секс. Если они еще не стали любовниками, значит, станут ими в ближайшее

время. В этом Вика не сомневалась.

Почему все так несправедливо? Ради этого мужчины в юности она решилась на аборт, а сейчас отказалась от того, чтобы избавиться от ребенка — потому что Эд ей запретил. Она принимала его таким, каков он есть, не взирая на обстоятельства, и никогда не жаловалась. И что она получила взамен? Предательство!

В груди заболело так сильно, что Вика прижала к этому месту ладонь. Сдавила ногтями белую ткань медицинского халата. Неожиданно ей стало душно и захотелось сорвать с себя полотно, словно панцирь, нещадно давивший и не позволяющий дышать.

Почти невидящими глазами она следила за тем, как к парочке подошел Вик, сказал несколько слов и направился в ее сторону. Он открыл дверь в одну из палат, но заметив Вику, хмурясь, пошел к ней.

Заставив себя стоять на месте, Виктория тихо выругалась и сделала вид, что что-то ищет в карманах. Она несколько раз переставила упаковку бумажных салфеток из одного кармана в другой. Вика не хотела выпускать Эда из поля зрения, а это значит, ей не избежать дурацкого разговора с Дубовским. Она не сомневалась, что именно таким он и окажется.

— Вика, здравствуй! Как себя чувствуешь?

Начинается!

— Лучше всех.

— Этот... токсикоз не беспокоит?

— Беспокоит. Только не токсикоз. — Дубовский заступил интересующую ее парочку, и Вика почувствовала долгожданную злость. Она сделала шаг в сторону и съязвила. — И вообще, «беспокоит» — не то слово, которое я бы употребила.

— Ты о чем? Я могу помочь?

— Ты уже достал меня своей заботой. Понял? Отвали!

— Тебе нельзя нервничать. Успокойся.

Его сочувствующий взгляд взбесил ее еще больше. Почему не Эд, а этот придурок беспокоится о ней?

— Сколько раз повторить, чтобы ты понял? Это не твой ребенок, поэтому уймись.

— Вика, я тебя не узнаю. Ты очень изменилась.

Эд направлялся в ее сторону. Появилась срочная необходимость срочно избавиться от Дубовского.

— Я сейчас начну кричать. Громко. Истерично и...

— Вижу, что ты сейчас расстроена. Мы поговорим в другой раз.

Она закатила глаза, поражаясь его непонятливости, и кивнула головой, лишь бы он ушел.

— В другой раз. Прекрасно.

Дубовский, качая головой, наконец-то ушел, а Вика спряталась за поворотом, чтобы Эд не успел от нее сбежать. Она дышала тяжело и часто, придумывая, что сказать, и помня, что Эд ненавидит разговоры.

«Только не с Синичкой», — ядовито добавил внутренний голос, и Вика скрипнула зубами.

Стоило Эду показаться из-за поворота, как Виктория встала перед ним, упершись руками в бедра, хоть больше всего ей хотелось отхлестать его по щекам. Она оказалась не достаточно смелой для этого.

— Я видела тебя с ней! — Эд остановился, но никак не отреагировал на ее слова. — С Синичкой!

Мужчина сощурил глаза и лениво произнес:

— Это — не преступление.

Вика думала иначе. Она поправила распущенные белокурые волосы, которые мужчины считали восхитительными, как и многое другое в ней, и почувствовала, что ее рука дрожит. Чтобы скрыть эту подробность от Эда, она засунула ладонь в карман.

— Не притворяйся, ты хочешь ее! Меня не обмануть. Я знаю тебя, как облупленного.

— И что с того?

Он даже не стал опровергать ее заявление. Значит, это правда? Неужели бледной тени настоящей женщины удалось отнять у нее самого дорогого из мужчин?

— А как же я?

Вика ненавидела жалкий голос, который произнес этот вопрос, и себя, за то, что спросила. Ей вдруг захотелось убежать, зарыться в какую-то нору и выть от горя.

— С ребенком все в порядке?

Значит, его интересует только ребенок?!

Виктория понимала, что слегка несправедлива к Эду. Он не являлся виновником ее состояния и все равно интересовался плодом в ее животе. Но раненая гордость взбунтовалась.

— Какой еще ребенок?

— Вика, ты не?...

— Еще нет, но обязательно сделаю.

Что-то похожее на беспокойство появилось в выражении его обычно непроницаемого лица, и Вика почувствовала мимолетное удовлетворение.

— Ты не сможешь.

— А кто мне помешает?

Эд посмотрел на часы.

— Сейчас я тороплюсь на работу. Мне нужны деньги для... одного дела. А пять часов я буду ждать тебя у выхода. Тогда и поговорим. Слышала?

— Я не глухая.

Некоторое время Вика смотрела вслед человеку, которому собиралась бросить вызов, а затем начала расстегивать пуговицы халата. Ей нужно многое успеть, прежде чем, она передумает.

Глава 25

В девять утра по местному времени Остап сошел с трапа самолета в аэропорту Торонто Пирсон [1]. Хелена семенила рядом, ухватившись за его рукав.

Канада встретила их мелким дождиком. Погода вполне соответствовала его настроению и раздражала не меньше, чем Хелена. Во время полета женщина непрерывно говорила. Радовало лишь то, что темы не касались их отношений, и о Яне она не обмолвилась ни словом. Рассказы о младшем отпрыске Родзинского, как и последняя голливудская премьера, сейчас мало волновали Остапа, но Хелена, казалось, не замечала ни упорного молчания собеседника, ни его откровенных зевков.

Такое поведение выглядело некрасиво, и совсем не было для него характерным, но в сложившихся обстоятельствах ничего лучшего придумать он не мог. Дорош ужасно устал за прошедшие сутки, да и замкнутое пространство не давало возможности принять другие меры. Остап вздохнул с облегчением, когда стюардесса предложила им перекусить, надеясь, что хоть что-то заткнет Хелене рот. Но та отмахнулась от девушки и продолжила разглагольствовать. Странно, что раньше он не замечал за ней подобной словоохотливости.

Возможно, таким способом она пыталась отвлечь его от беспокойства об отце или, что более вероятно, от мыслей о Яне, но его терпение через три часа перелета закончилось. Чтобы не нагрубить, Остап откинул голову на спинку кресла, закрыл глаза и сделал вид, что спит. В какой-то миг он на самом деле уснул, и ему приснилась Яна. В ее больших серых глазах плескалась грусть, а губы слегка шевелились, словно она что-то говорила, но он не понимал слов. Потом ее лицо заслонил образ отца, укоризненно качающего головой.

Тревожный сон прервала стюардесса, сообщившая, что полет подходит к концу. Хелена некоторое время дулась, обиженная его невниманием, но очень быстро вернулась к своим баранам. Лучше бы она продолжала сердиться.

Помогая нести ее багаж, Остап молча проводил женщину к стоянке такси. Когда Хелена поняла, что он не собирается ехать вместе с ней, она предприняла попытку выйти из автомобиля. Устав от необходимости сдерживать себя, Остап засунул голову в салон и решительно заявил:

— Езжай домой, Хелена. Спасибо за беспокойство, но все остальное я сделаю сам.

— Я только хочу помочь. Мне нужно быть рядом.

Женские глаза наполнились слезами, но они не тронули Остапа. Хелена может сколько угодно обвинять его в неблагодарности и черствости, но он устал быть вежливым и не просил ее о помощи.

— Это семейное дело.

Хелена вздрогнула, словно он ее ударил, и отвернулась. Остап закрыл дверцу и направился к автобусной остановке. Если она продолжит свои преследования, ему придется придумать что-то более радикальное. Интересно, как мужчины отваживаются назойливых поклонниц? С этой проблемой он столкнулся впервые.

Нужный автобус лишь на половину заполнился пассажирами, и Остап устроился у окна. Он взглянул на часы и вспомнил, что не перевел стрелки.

Почти семнадцать. Где сейчас Яна? Задержалась в больнице или отправилась домой? Скорее всего, девушка снова у постели женщины с блокадой сердца. Получила ли она цветы?

В ожидании рейса он бродил вдоль киосков, пока не остановился возле маленького цветочного магазинчика. В душном от дурманящих запахов помещении дремала молоденькая продавщица. Чем-то она напомнила ему Яну, и Остап подумал о том, что ни разу не дарил ей цветов. Как так вышло?

Конечно, можно оправдать себя занятостью и редкими встречами. Из больницы они торопились в маленькую квартирку, думая вовсе не о цветах. Хотя, откуда ему знать? Возможно, Яна мечтала о них, но молчала, в то время как он стремился к телесной близости. Она никогда ничего у него не просила, не говоря уже о требованиях. Эта девушка отдавала ему себя, в то время как он пользовался ее добротой.

А признание в любви перед расставанием... Он словно застолбил ее для себя, как настоящий эгоист. Как его отец когда-то давно.

Остап попытался вспомнить, дарил ли отец цветы его матери, и не смог. Подарки старшего Дороша всегда отличались практичностью: кофеварка, пылесос, чайный сервиз. Мама все это оставила в их доме, когда уходила к другому мужчине. Неужели он идет по стопам своего отца?

В маленьком магазине не предусмотрели доставку цветов, но Остап уговорил продавщицу воспользоваться курьерской службой и расплатился за услугу наличными, включив в них чаевые. Он подписал карточку и попросил девушку выбрать подходящий букет самостоятельно.

Остап надеялся, что Яне понравился сюрприз. Он достал мобильный и набрал СМС.

Худошавая пожилая женщина с темными, собранными на затылке в узел крашенными волосами — заведующая гинекологическим отделением, отложила в сторону результаты обследования и воззрилась на Вику над очками, сползшими на кончик носа. Несмотря на решительный настрой, Виктория почувствовала себя неудобно. Именно это необычное чувство заставило ее вздернуть подбородок.

вернуться

1

Международный аэропорт Торонто Пирсон (также известный как Международный аэропорт имени Лестера Б. Пирсона, или сокращённо Торонто Пирсон) — главный международный аэропорт, обслуживающий город Торонто (провинция Онтарио), Канада. Аэропорт расположен

в 27 км к северо-западу от центра Торонто в городке Миссиссага (небольшая часть находится на территории Этобико, района Торонто).

— Я настаиваю.

— Дочка... Извините, что я вас так называю, но вы мне в дочери годитесь. А свою дочь я бы выдрала ремнем за такие намерения. — Она сняла очки и устало потерла пальцами глаза. — Настоятельно рекомендую подумать еще раз. Срок для аборта предельный. Велика опасность осложнений. Существует вероятность, что вы не сможете снова забеременеть.

Она знала это, но в этот миг ей не хотелось об этом думать. Единственное, к чему Вика стремилась, ударить Эда как можно больнее. Заставить его страдать так же сильно, как мучится она. Испытать боль неизмеримо большую, чем ту, которая пронзила ее и не отпускала до сих пор, когда он взял за руку другую женщину. Ее подобным образом он не касался никогда. Интимнее, страстно, собственнически — да, и не единожды, но нежно... Господи, как же нежно он смотрел на Синичку, будто не существовало женщины лучше!

— Не собираюсь менять решение, поэтому не тратьте время попусту. Анализы готовы, и я хочу покончить со всем уже сегодня.

— Послушайте, Виктория, не мне вам советовать, но...

— Вот именно. Прошу вас воздержаться. Мне с этим жить.

— Не только вам. Вы думаете, что врач, делающий аборт, остается безразличным, лишая возможности маленькую жизнь появиться на свет? Это событие оставляет невидимые и не сразу осознанные шрамы на его душе, даже если аборт необходим, чтобы спасти жизнь женщины. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Но сейчас речь не обо мне. — Заведующая отделением снова надела очки, будто отгородившись от Вики, захлопнув на миг приоткрывшуюся дверь в собственный внутренний мир. — В наше время мать-одиночка давно не редкость. Многие женщины прибегают к искусственному оплодотворению, чтобы испытать радость материнства.

— Мы теряем время. У меня еще много дел. Нужно что-то подписать?

Доктор покачала головой и протянула Вике бланки с результатами обследования.

— Зайдете в кабинет к регистратору, она заполнит медицинскую карточку. После этого подождите немного в холле перед отделением. Когда все будет готово к операции, вас позовут.

Устроившись на удобном диванчике в просторном холле, Вика открыла один из журналов, разбросанных на журнальном столике. Она машинально листала страницы, но не запомнила ни единой картинке, не говоря уже о статьях. Адреналин бурлил в ее крови, в предчувствии того, что должно произойти.

Пытаясь хоть как-то успокоиться, она напонила себе, что однажды уже проходила через это. Юная, испуганная, растерянная, она так до конца и не осознала, что с ней сделали, а потом всеми силами пыталась забыть. К тому же в прошлый раз она лишилась частички человека, ради которого решила на вмешательство. А в этот раз...

С горечью в душе, Вика подумала о том, что сегодня она собирается сделать аборт назло все тому же мужчине — единственному, к которому испытывала сильную привязанность. В этот

раз ее никто не заставляет, кроме собственной обиды и растоптанных чувств.

С нее хватит. Эд достаточно командовал, вертел ею, как хотел. Она докажет ему, что он ей не указ, что она способна принимать самостоятельные решения. Пусть увидит, что она не так уж нуждается в нем, как он думает. И если он после этого не захочет иметь с ней дело... Если он ее бросит...

Он уже ее бросил, только не сказал об этом. Наверное, планировал сообщить после работы.

В груди защемило так сильно, что Вика отложила журнал и закрыла глаза.

Поскорей бы уже все закончилось. Больше не будет изнуряющей тошноты, слабости, ребенка. И Эда.

— Толик, сейчас же вернись!

Вика открыла глаза от резкого возгласа, прозвучавшего совсем рядом. Молодая женщина пронеслась мимо нее. Она догоняла малыша, семенившего в противоположную от гинекологического отделения сторону. Буквы над входом гласили: «Центр репродукции».

Усмехнувшись, Виктория подумала об иронии судьбы. Из холла вело два пути, как в старой сказке. На право пойдешь — ребенка найдешь. Возможно. Налево — потеряешь. Если решишься. Существовал еще один путь — к выходу. Туда, где приходится полагаться только на удачу. Только, в отличие от сказки, неизвестно, приведет ли любой из этих направлений к счастью или хотя бы умиротворению. Каждый из них обещает лишь надежду.

Молоденькая женщина носилась по холлу за ребенком, то вытаскивая его из горшка с фикусом, листья которого он пытался жевать, то вытаскивая из-за диванчика, куда он забросил свою машинку. Малыш с невозмутимым выражением на лице позволял матери усадить себя на колени, но стоило той отвлечься на бесконечные телефонные разговоры, он незаметно сползал на пол и продолжал шалить.

В конце концов, ему надоело бегать, и он принялся листать яркие журналы на низком столике, а затем методично рвать странички на мелкие кусочки, складывая их кучкой. Самое интересное, что все это малыш проделывал молча, лишь в самых крайних случаях издавая звуки, похожие на кряхтение.

Бросив на Вику осторожный лукавый взгляд, он потянул к себе журнал, который она читала, и надорвал краешек. Замер на мгновение, ожидая реакции. Вика тоже молчала, с интересом наблюдая за мальчиком. Тот понял, что она не собирается его ругать, и резким движением оторвал титульную страницу.

— Толик, прекрати сейчас же! — Молодая мамочка отобрала у сына журнал и обратилась к Вике. — Извините. Ему только два с половиной.

— Ничего. Если мальчику нравится...

— Это его любимое занятие. Он превращает в кусочки все, что попадает ему в руки — газеты, журналы, книги. Я заперла на замки книжные шкафы. Детские книжки не задерживаются в доме дольше недели.

— Бывает хуже. Моя мама прятала от меня посуду.

Странно, что она вспомнила об этом только сегодня. В свое время она уничтожила дорогой сервис, но мать ни разу не подняла на нее руку.

— Вы правы, — хихикнула женщина, — бумага обходится дешевле.

В это время Толик заинтересовался папоротником, и женщина бросилась спасать растение. В очередной раз посадив мальчика к себе на колени, она спросила:

— Вы тоже пытаетесь забеременеть?

Вика покачала головой, но и говорить о том, что она собирается сделать, не хотела.

— А вы?

— О, нет! Решила сделать небольшую паузу. Я здесь с сестрой. Старшей. У них с мужем никак не получается завести детей. Семь лет вместе, оба — здоровы. Куда они только не ездили. Врачи, бабки — целительницы, специальные курорты. Только этим и живут. Моя соседка порекомендовала обратиться сюда. Ей здесь помогли. Вот сестра и приехала из другого конца страны. Вдруг ей в этот раз повезет.

Повезет.

Как все странно в жизни. Одна женщина готова на все, лишь бы забеременеть, другая — лишь бы избавиться от плода.

Задумавшись, Вика не сразу заметила, что мальчик забрался на ее колени. Он осторожно потрогал маленьким пальчиком бриллиантовую сережку в ее ухе и улыбнулся, обнажив маленькие белые зубки. Вика невольно улыбнулась в ответ.

Она не привыкла общаться с детьми. Практически избегала их и не могла объяснить, почему. Но этот мальчик чем-то затронул ее сердце. Или это рассказ его мамы так на нее подействовал? Вике захотелось чем-то угостить шалунишку, но в ее сумочке никогда не водились конфеты.

— Госпожа Спинель? — Вика обернулась на голос и увидела поджидающую ее с невозмутимым видом медсестру. — Идемте. Все готово.

Она отдала мальчика матери, взяла сумочку и пошла вслед за медсестрой.

Глава 26

Отца доставили в госпиталь, в котором работал Остап. Ранее именно в нем начинал свою медицинскую практику старший Дорош. Не верилось, что с тех пор минуло девять лет. Он помнил, с каким энтузиазмом отец рвался на операции, одновременно улучшая свой английский, как стимулировал сына работать день и ночь, чтобы тот стал лучшим из лучших в новой стране.

Не заезжая домой, Остап направился прямо в больницу. Он уже знал, что Мара дежурит у постели больного. Интересно, где она спала? И спала ли вообще?

Тишина в палате оглушала, особенно после привычного больничного шума в коридоре. Отец лежал на функциональной кровати и смотрел в окно. Сестра сидела на белом стульчике, скрестив ноги в модных среди молодежи армейских ботинках, и читала электронную книгу.

Когда он вошел, Тамара подняла голову и устало улыбнулась.

— Привет! — Остап постарался жизнерадостным тоном скрыть волнение. — Как дела? Хандрим?

Он поцеловал сестру в лоб и подошел к отцу. Взял его за руку, привычно проверяя пульс, бросил взгляд на монитор. Серьезный отклонений не заметил, но он прекрасно знал, что картина может измениться буквально на глазах. Следовало учитывать и действие лекарств.

— Могло быть и лучше. Пора списывать на металлолом.

На отцовском лице появилась слабая улыбка. Глядя в его худое лицо, Остап вспомнил, что тот уже не молод. Шестьдесят семь лет для мужчины, особенно хирурга, критичный возраст. Коренные жители Канады жили дольше, минимум лет на десять, и Остап надеялся, что переезд сюда положительно скажется на здоровье отца, его существовании, полном стрессов и недосыпаний.

Сам же Богдан Дорош совсем не думал о здоровье. Отмахивался, когда сын напоминал ему о немолодых годах. Он работал, как одержимый, вначале завоевывая авторитет у коллег и пациентов, позже — чтобы не думать о неудачной семейной жизни. Подобно большинству врачей, он не обращал внимания на боли в сердце, пока два года назад инфаркт не уложил его на больничную койку. Отца тут же отправили на пенсию, что стало очередным стрессом для неизлечимого трудоголика. Он не умел отдыхать и путешествовать, не признавал слово «хобби», как таковое, а домашние дела вызывали у него оскомину. После реабилитационных мероприятий Богдан продолжал каждый день пить таблетки, но насколько регулярно, Остап не знал. Богдан Дорош умел скрывать от других свои мысли, чувства и действия.

Как бы там ни было, он снова оказался в больнице. И сейчас только это имело значение.

— Ничего, мы быстро поставим тебя на ноги. Правда, Тамара?

— Ага. — Девочка выключила книгу и с интересом наблюдала за манипуляциями брата. — Я всегда ему говорила, что нервничать вредно. Подумаешь, плохая оценка по литературе.

— По литературе? — Остап уже достал фонендоскоп, но еще не успел вставить оливы [2] в уши. — Поверить не могу. Ты же глотаешь книги, как леденцы.

— Мы с учителем не сошлись во мнении по поводу творчества Николь Броссар [3]. Он обозвал ее феминисткой.

— Наверное, она и есть феминистка.

— Дело в другом. Важно, как он произнес это слово!

— Возможно, тебе это только показалось. Или он поссорился с женой.

— Вот и ты туда же. Все мужчины одинаковые. Мог хотя бы притвориться, что на моей стороне.

Остап с трудом скрыл улыбку. Его маленькая сестричка стала взрослой и готова защищать свое мнение не только в разговоре с братом, но и перед тем, от кого зависит ее школьная оценка. А ведь она почти выпускница.

— Я всегда на твоей стороне. Давай поговорим об этом в другом месте, чтобы не волновать

папу.

В это время появилась медсестра с капельницей, и Остап пообещал отцу, что вернется после того, как поговорит с лечащим врачом. Тамара вышла вслед за ним и зашагала рядом по коридору, стуча каблуками.

— Ты уже закончил работу в Украине?

— Нет, малышка. Только начал.

— Значит, скоро уедешь? Когда?

— Это зависит от папы, точнее от его здоровья. А пока собираюсь попросить отпуск на две недели, чтобы побыть рядом с ним и тобой.

— Это хорошо, потому что звонила мама и предлагала мне жить у нее.

— А ты?

Тамара фыркнула и с независимым видом засунула руки в карманы джинсов.

— Отказалась. Ты же знаешь, мы с ее новым мужем друг друга не выносим.

Остап не стал уточнять, что именно сестра терпеть не может второго мужа матери — по понятным причинам. Хорошо, что после его возвращения необходимость в переезде отпала. Во всяком случае, временно. Остап надеялся, что отец выкарабкается достаточно быстро, еще по одной причине. Ему хотелось поскорее увидеть Яну. Как она там?

— Пойдешь сегодня в школу?

— Завтра. Сегодня два урока литературы подряд. Да я и не одета. Пока доеду домой за учебниками, как раз к вечеру до школы доберусь.

Остап решил, что с учебной сестры разберется позже. Сейчас ему не до этого.

— Понятно. Ты завтракала?

— Пила кофе из автомата.

— Подожди меня возле палаты. Я поговорю с врачами, начальством и вернусь. Потом мы сходим с тобой в кафе.

Кивнув, Мара повернула назад, а он отыскал, Эрика Вильсона, который лечил его отца, и поинтересовался прогнозом болезни. Эрик пригласил его в ординаторскую и показал медицинскую карту. Он подождал, пока Остап просмотрит все результаты обследования, и только тогда поделился наблюдениями.

— В общем и целом все ясно. Стенокардия и старый рубец никуда не девались. Признаки недостаточного кровоснабжения существуют, но...

— Вас волнует что-то еще?

— Причины. Мне не нравится психологическое состояние пациента. Он будто находится в постоянном стрессе. Я пытался узнать, что его гложет, но ваш отец не стал со мной

откровенничать. Может быть, вам удастся его разговорить и успокоить.

— Вы считаете, что повода для его пребывания в больнице нет?

— Еще пару дней, возможно, неделю лучше понаблюдать. Таблетки можно пить и дома. По большому счету, серьезных изменений нет. По моему мнению, в его случае важно избавиться от раздражающих факторов, или...

— Я вас слушаю.

— Или изменить к ним отношение.

Остап оставил ординаторскую со смешанным чувством. Радовало то, что ситуация с отцом не критическая, но все остальное давало повод к размышлению. Он мог только догадываться, что спровоцировало обострение.

Еле передвигая ноги, Вика поднималась по ступеням. Она чувствовала себя истощенной — в первую очередь психологически. Стрелки часов показывали только восемнадцать, но девушке казалось, что за сегодняшний день промелькнуло пол ее жизни. Все оказалось тяжелее, чем она могла представить.

Повернув к нужному лестничному проему, девушка остановилась. Прислонившись к ее двери, стоял Эд. Он молча наблюдал за ней и не сделал ни шагу навстречу. Вика замерла, еще более неуверенная в себе, чем была в их предыдущую встречу.

Заставив себя продолжить восхождение на ватных ногах, Виктория достала из кармана плаща ключ. У нее сильно дрожала рука, и Эду пришлось открывать самому.

Войдя в прихожую, девушка прямо в плаще села на низкий табурет и не удержалась от вздоха.

Как она устала!

Сквозь ресницы Виктория наблюдала, как Эд снимает куртку и ботинки. Значит, собирается остаться. На какое-то время. Надолго ли?

Он протянул руку. Вика все так же молча сняла плащ и отдала ему. Нога об ногу разулась, тяжело поднялась и босиком направилась в спальню. На каком-то шаге в голове промелькнула мысль, что она с утра так ничего и не ела, но аппетит все равно отсутствовал.

Хотелось лечь и поспать хоть немного, но Вика знала, что это обманчивое чувство. После стресса просто так уснуть ей не удавалось ни разу. Да и Эд здесь.

Интересно, сколько времени он ждал ее у больницы? Или сразу отправился искать и узнал, что она ушла еще до обеда? Удивительно, что он вообще пришел в ее дом. Если совсем уж откровенно, Виктория опасалась, что он больше не захочет иметь с ней никаких дел. Но вот он здесь, а она даже порадоваться не в силах — по-настоящему, от души, как прежде — каждый раз, когда судьба дарит им встречу. Удивительно, что она не замечала этого раньше. Воспринимала, как должное, как, впрочем, и все остальное в своей жизни.

Понимая, что нужно что-то сказать, она все равно молчала, предоставляя возможность высказаться Эду. Неразговорчивый, мрачный, почти нелюдимый, жесткий и непредсказуемый мужчина. С ним тяжело ужиться. Хотя и она — далеко не подарок. Но именно такой мужчина

ей и нужен. Точнее, конкретно этот.

Виктория подошла к окну, привычным жестом вытянула из пачки сигарету, покрутила в пальцах, глядя в окно, и засунула обратно. Она чувствовала, что за ее спиной остановился Эд. Ей сразу стало теплее. Захотелось прислониться к нему, поделиться душевной тяжестью, но Виктория сдержала порыв. Вначале они должны поговорить. Сказать друг другу хоть что-то. Напряжение, царящее между ними должно, наконец, закончиться. В противном случае, она просто не выдержит.

вернуться

2

Оливы — часть фонендоскопа.

вернуться

3

Николь Броссар — (фр. Nicole Brossard, 27 ноября 1943, Монреаль) — канадская писательница, феминистка. Пишет на французском языке. Закончила Монреальский университет (бакалавр — 1965, лицензиат — 1968). Дебютировала книгой стихов в 1965. Деятельная участница квебекского поэтического авангарда, участвовала во многих национальных и международных поэтических фестивалях, основала несколько журналов, издательство L'Intégrale Идитриче (1982). Составила антологию женской поэзии Квебека (2001). Сценарист и режиссёр документальных фильмов о феминизме.

— Где ты была?

Он все-таки спросил, хотя, наверное, и догадывается, куда она отправилась после их эмоционального разговора. Эд не стал ходить вокруг да около. Не в его это стиле.

— Туда, куда ты подумал.

Пауза, казалось, тянулась бесконечно, пока он не спросил — спокойно, будто о погоде.

— И что?

Вика, как никто другой, знала, что это обманчивое чувство. Она не обернулась. Не могла посмотреть ему в глаза. Только не сейчас, когда еще так свежи воспоминания. Не дай Бог еще раз пережить подобное, решиться на такое.

Она вспомнила, как лежала в специальном кресле, смотрела на последние приготовления медиков, вспоминала разговор с врачом и маленького Толика.

Никто не смотрел ей в глаза. Каждый из присутствующих делал свое дело. Женщина-анестезиолог деловито набирала в шприц медикамент, после которого пациентка уснет ровно настолько, чтобы гинеколог успел сделать свое дело. Врач и медсестра в масках тихо переговаривались, стоя рядом с ее креслом, а Вика чувствовала себя одинокой и никому ненужной, почти онемевшей от того, что собиралась совершить.

Врач наклонился и тихо сказал:

— Не беспокойтесь, все будет хорошо.

У нее зашумело в ушах.

Хорошо?! О Господи! Хорошо уже не будет никогда, если она... сейчас...

Ни Эда, ни ребенка — крохотного существа, которое она видела на УЗИ, хоть и не хотела смотреть. Никого, кто принадлежит ей, и кому хочет принадлежать она.

Вика приподнялась и закричала.

— Я не смогла.

Теплые руки взяли ее за плечи и повернули на сто восемьдесят градусов, а затем прижали к худому телу, ставшему таким родным. Она уткнулась лицом в футболку и лишь тогда позволила себе расплакаться — от ужаса, что могла совершить непоправимое. Она впервые плакала в его руках, а Эд терпеливо и все также молчаливо обнимал ее.

Когда рыдания сменились всхлипами, Эд поднял ее на руки и уложил в кровать. А затем начал успокаивать так, как умел.

Его нежные прикосновения снова довели Викторию до слез. Она так мечтала о них, так желала, что чуть не лишилась навсегда. Что бы она тогда делала? Наверное, ее жизнь на этом и закончилась бы.

— Я люблю тебя, — почти в прострации пробормотала Вика на самом пике и тотчас уснула.

Глава 27

Яна протянула руку и ласково коснулась кремовых лепестков фрезии. Розовые и белые тюльпаны оттеняли их изысканный цвет и подчеркивали хрупкость. Девушка любовалась цветами, потерявшись во времени.

Ей так редко дарили цветы, что она порадовалась бы даже единственному экземпляру, особенно если он — от Остапа. А этот букет казался ей совершенным.

Медсестра из приемного отделения принесла его в ординаторскую и при всех почти торжественно отдала Яне, а затем, подмигнув, всунула смущенной девушке конверт. Синичка почти не слышала последовавших комментариев и восклицаний. Яна не сомневалась, что даже если медсестра не прочитала текст на карточке, все и так догадались, от кого цветы.

Татьяна Михайловна вручила растерявшейся Яне дежурную вазу и шепнула на ухо: «Даря женщине фрезии, мужчина вверяет ей свое сердце».

Тогда Яна не слишком задумывалась над сказанным. Сейчас же, на закате дня, она получила возможность спокойно, без свидетелей полюбоваться на сюрприз, а еще подумать над словами коллеги.

Не то, чтобы она сомневалась в признании Остапа при расставании, но на расстоянии все вполне могло предстать немного в другом свете. Если чувства недостаточно сильны. Хотя, если судить по записке и СМС...

«Уже скучаю и очень надеюсь на скорую встречу. Твой Остап».

«Мой Остап».

Любуясь кремовой нежностью, она повторяла эти слова, как мантру.

— Домой собираешься?

Яна обернулась и улыбнулась вошедшему.

— А ты?

Сергей подхватил стул и устроился рядом.

— Я дежурю.

— Что-то не хочется домой.

Если бы Остап не улетел, она только об этом и мечтала бы: вдвоем, без свидетелей и совсем не важно, чем они при этом станут заниматься. Хотя...

— Ты не могла бы думать о чем-то другом. Я, между прочим, женщина холостой. В конце концов, я просто женщина. А у тебя сейчас такой вид...

— Извини, — пробормотала Яна, но улыбку не сдержала.

— Это и есть — тот знаменитый букет, который поставил на рога весь приемный покой. К нам еще ни разу не заходил курьер с таким большим венком и не интересовался на весь коридор, где он может найти госпожу Синичку.

— Господи! Что, правда?

— Ну, такие события любят обрастать слухами, так что ручаться не могу. Но если судить по размерам того, что я вижу...

— Хоть ты не издевайся.

— И не думал. А что в письме? Кроме «Твой Остап», конечно.

— В этой больнице личная жизнь отсутствует, как таковая.

— Личная жизнь для врача — большая роскошь, знаешь ли.

Произнося эти слова, Вороной вдруг погрузился, и Яна коснулась его плеча ладонью.

— Ты преувеличиваешь. Все не настолько плохо.

— Я знаю, о чем говорю. Во всяком случае, у хирургов это очень частое явление.

Яна помнила, сколько раз все перипетия в семье Сергея становились поводом для сплетен. Это происходило давно, но, наверное, сыграло немалую роль в его разрыве с женой. Кто знает, как бы все сложилось, если бы не внешнее вмешательство.

— Серез, у тебя все еще будет хорошо. Вот увидишь.

— Наверное, — Сергей ткнулся носом в цветы и заявил: — Весной пахнут. Вчера Галя звонила из Америки.

Вот оно в чем дело! Объявилась жена и разбередила старые раны Вороного.

— Ты с ней разговаривал?

— Почти нет. «Привет», думаю, не считается. Она позвала к телефону Катюху, а я не подслушивал. Чего, спрашивается, ей вздумалось звонить в мой дом? Она всегда разговаривала с Катей, когда та гостила у ее родителей.

— Возможно, ей хотелось услышать и твой голос?

Сергей дернулся, как от пощечины.

— Только не нужно этого...

— Чего?

— Сострадания. Все это время мы прекрасно справлялись без нее. К тому же она ясно дала мне понять, что... безынициативный муж — то есть я — ей ни к чему. У меня, видите ли, нет амбиций. Черт бы их побрал!

— Она могла передумать.

— Ладно, я могу понять, что ей хотелось туда поехать. Пригласили в НИИ и все такое. Но что бы я там делал? Занимался домашним хозяйством? Меня там никто не ждал. Пришлось бы учить английский, сдавать кучу разных экзаменов — неизвестно сколько раз, и потом выбиваться кучу лет в люди. И все это при самом лучшем раскладе, когда здесь у меня есть стоящая работа, и дочь воспитываю я, а не няньки!

Последние слова он почти кричал, и Яна не стала ему противоречить. Она лишь сочувственно, но твердо произнесла:

— Ты — замечательный отец, и талантливый хирург.

Он скосил на нее глаза и пробубнил:

— Только не перестарайся, а то я поверю.

— Я никогда не лгу.

— Знаю. Кстати, у твоей Терезы Вацлавны восстановился ритм.

— Правда? Уже бегу к ней.

— Слишком-то не торопись. Она никуда не денется.

Яна мчалась по коридору, но в какой-то миг ей пришла в голову неожиданная мысль. А что станет делать она, если Остап предложит ей переехать в Канаду? Ведь ее диплом там недействителен.

Утро следующего дня выдалось хмурым, но Вика, еще не открыв глаза, все равно улыбалась. Ей

давно не было так хорошо.

Интересно, где Эд? Ушел или остался? Простынь еще хранила тепло его тела.

Прошедшая ночь оказалась чудесной. Невероятной настолько, что Вика едва верила, что все это произошло. Она вряд ли забудет ее когда-то. Разве что поменяет в памяти на еще одну, лучшую. Хотя в то, что может быть чудеснее, верилось с трудом.

Да еще этот поцелуй на грани забвения. Или это случилось во сне? Может, его и не было вовсе?

Вика отказывалась верить в то, что драгоценнейший, выстраданный, самый нежный поцелуй в жизни ей приснился. Эд касался ее так, будто она, Вика, самое дорогое для него существо. Но если это лишь сон, иллюзия, лелеемая мечта...

Виктория вскочила с кровати и побежала в туалет.

Эд не ушел. Он ждал ее в кухне, хрустя крекерами и перелистывая вчерашнюю газету. Кажется, вчера она видела печатные листы в его руках, когда Эд ждал ее в подъезде.

Виктория села напротив, потянулась за крекером.

— Вчера я сказала, что... ну, в общем... — Она не знала, как Эд отнесся к ее признанию в любви, и беспокоилась по этому поводу. — Тебе не обязательно воспринимать это всерьез. — С такими темпами он может решить, что она соврала. — Ты только ничего такого не подумай, я сказала правду. Но тебя это ни к чему не обязывает. Если тебе неприятны мои признания...

Эд поднял глаза.

— Пока я не смогу к тебе переехать.

Вика встала и направилась к плите. Потрогала чайник и решила, что лучше выпьет чай, чем кофе. Где-то в шкафчике она видела чайные пакетики.

— Я и не рассчитывала.

Очередная ложь. Даже после прошедшей ночи она не могла проявить слабость и умолять.

— Хозяйка квартиры болеет. Мне нужно присмотреть за квартирой.

Так вот почему он оказался в больнице.

На душе стало легче, и Вика вернулась к столу в другом настроении.

— Конечно, я понимаю. — Вместе с настроением пришла смелость. — Расскажи мне о своей семье?

Она понимала, что рискует, что Эд не выносит расспросы, но очень хотела знать. Хоть немного. Порадуется даже крохам.

Эд отставил газету и откинулся на спинку стула.

— Особенно нечего рассказывать.

Вика предприняла еще одну попытку. Она не имела права отступить, если собиралась идти с

ним по жизни.

— Ты говорил, что твоя мама родила шесть раз. А где она теперь?

— У меня есть брат и четыре сестры. А мать... Ее нет. Она умерла, рожая шестого ребенка.

— О, Боже! Прости, я не знала.

— Ты и не могла знать. Я в это время отбывал срок.

Все оказалось значительно хуже, чем она думала.

— Где... Твои братья и сестры... Где они?

— Одна сестра замужем. Надеюсь, удачно. Она не общается со мной. Муж запретил. Другие дети еще в детдоме. Я не мог за ними приглядывать. Да и сейчас мне их вряд ли доверят.

Ноги сами понесли ее к Эду. Она обняла его за шею, прижалась к спине.

— Мне очень жаль.

Она впервые ощущала подобное. Возможно, беременность сделала ее такой?

Эд не обернулся, но и не отстранился.

— Я буду приходить поздно вечером, если не подвернется подходящий заработок.

Она, как и прежде, не знала, какие мысли витают в голове этого мужчины. Возможно, никогда и не узнает, но он беспокоится о ней, и только это важно.

Вчера она чуть не совершила непоправимое. Эд, скорее всего, оставил бы ее после аборта, и она лишилась бы единственного мужчины, который для нее что-то значит. Многое значит. Вика решила, что сделает все возможное и невозможное, чтобы удержать его рядом. Ничто больше не сможет их разлучить. И никто.

Глава 28

Прошла неделя с тех пор, как Остап вернулся домой. Дни пробегали в заботах об отце и Тамаре, а ночью ему снилась Яна и больница в маленьком городке, в котором он провел большую часть своей жизни. И хотя теперь вся его семья обосновалась в Торонто, в последнее время он все чаще ловил себя на мысли, что его настоящий дом остался в десяти часах перелета отсюда. Там жила девушка, которую он мысленно давно называл и чувствовал своей.

Короткие СМС его совсем не удовлетворяли, а телефонные тарифы невероятно раздражали. Остап не хотел, чтобы Яна тратила на переговоры огромные деньги. К тому же, такие беседы с мыслями о времени не приносили желанного удовлетворения. Они не успокаивали, а лишь распаляли желание бросить все и лететь к девушке все равно на каких крыльях.

Остап не удержался и два раза звонил Яне на работу. Пара слов, которыми они перемолвились, вдохновили его на несколько коротких и одновременно долгих часов, но дальше тоска по девушке снова вернулась.

Тамара оказалась весьма наблюдательной маленькой женщиной и однажды не сдержала любопытства, следя за тем, как он набирает очередную СМС.

— Как ее зовут?

— Кого?

Остап нажал на кнопку «Отправить» и спрятал телефон.

— Я уже не маленькая, если ты еще не заметил. В нашем классе подобное — на каждом шагу. Некоторые даже уже... Хотя, тебе это знать не обязательно.

— Что?! Это то, что я подумал?

— Спокойно. Я же не сказала, что сама этим занимаюсь.

— Это должно меня успокоить?

— Думаю, да.

— Наверное, стоит попросить маму, чтобы она поговорила с тобой о... на эту тему.

— Не нужно вмешивать нашу мать. К тому же я сомневаюсь, что она осведомлена в этом вопросе лучше меня. — Остап в изумлении уставился на сестру. — Чисто теоретически, успокойся. Сейчас речь о тебе. Это ты ведешь себя, как влюбленный. Надеюсь, беседы о том, как нужно обращаться с женщиной, проводить не нужно?

— Не хаами.

— Я действую в твоих интересах.

— Неужели? Значит, влюбленный?

— Ага. Только очень несообразительный.

— Это еще почему?

— Только отставшие от прогресса члены нашего несовершенного мира общаются с помощью СМС.

— Есть конкретное предложение?

— А то. Скайп на что? Хотя бы электронку использовал.

Вынужденный согласиться с сестрой, Остап в тот же день обзавелся новым ноутбуком и с помощью раскритикованных СМС узнал email, по которому сможет разговаривать с Яной. Приготовления так его вдохновили, что Остап даже разволновался, словно перед первым свиданием, когда ждал назначенного времени у компьютера.

Он чуть не поцеловал монитор, увидев на экране изображение Яны. Несколько минут они говорили об его отце, ее работе, общей пациентке. Все это было интересно, но Остап хотел слышать в первую очередь не это.

Тамара околачивалась где-то рядом, и это удержало Остапа от того, чтобы повторить то, что он сказал при расставании. Сердце его запело, когда Яна улыбнулась и произнесла: «Я скучаю». Но уже спустя мгновение она замолчала, вглядываясь в изображение, а Остап услышал над ухом: «Привет! Я его сестра».

Тамара не удержалась и встряла в разговор, но результат порадовал Остапа — его сестра познакомилась с его любимой.

— Яна. Мне нравится ее имя. — Остап лишь хмыкнул, выключая компьютер. Он знал, что это лишь начало расспросов. — И сама она ничего так, симпатичная, насколько я могу судить.

— Больше, чем ничего. Она — чудо.

— Наконец-то, первая нормальная женщина.

— Это ты о чем?

Остап развернулся в кресле, с любопытством уставившись на сестру.

— О твоих пассиях, естественно. Или мне назвать их другим словом?

— Так вполне подходит. Продолжай.

— Извини, но я уже почти смирилась с тем, что у тебя плохой вкус. Все эти замороженные женщины с голливудскими улыбками меня убивали.

— И Хелена тоже? Мне казалось, она тебе нравится.

— Я не знала, что ты спал... то есть встречался с Хеленой.

— Нет, она только друг. Я просто так поинтересовался, — Остап обвел рукой круг, словно подытоживая. — В совокупности. Ведь других женщин я домой не приглашал и не подозревал, что ты о них знаешь.

— Узнать — не проблема. Главное — желание. Ты — мой брат, я обязана о тебе заботиться, пока не передам в надежные руки.

— Даже так? Значит, мой последний выбор тебя удовлетворил?

— Не могу сказать с полной уверенностью. Для этого я ее слишком мало знаю. — Остап улыбнулся, наблюдая, с каким с каким серьезным видом его сестра рассуждает на взрослые темы. А ведь он думал, что она еще ребенок. — Но... Скажем так, Яна мне понравилась. Это ее «я скучаю» — особенно.

— Ай! Как нехорошо подслушивать. Это был личный разговор.

— Ты это о чем? С изобретением Интернета эра личных разговоров закончилась. К тому же я отвечала за техническое обеспечение.

— Вот как это называется?

— Угу. Так вот. Я рада, что Хелена осталась ни с чем. Она мне не нравится.

— Почему?

— Во-первых, она давно хотела тебя захомутать. Наверное, только ты этого не замечал. Мне кажется, папа даже радовался, что она тебя выбрала.

— Папа?

— Ага. Он думает, что Хелена — твой билет в светлое будущее.

Он действительно, многого не замечал. Оказывается, у его отца тоже есть свои тайные планы.

— Что еще ты заметила?

— Еще Хелена смотрит на нас, как на... второй сорт, что ли.

— Только что ты говорила, что она хочет за меня замуж.

— Хочет. Она же не дура. Ты — красивый, перспективный, умный.

— Ты так думаешь?

Остапу польстили ее слова, хотя он и считал, что ей не хватает объективности. Беспокоило его другое. Он вдруг понял, что сестра выросла. Интересно, ей нравится какой-нибудь мальчик? Хотя, вряд ли она ответит, если он спросит.

— Да, считаю. А вот мы с папой ей не по душе. Такое впечатление, что она говорит со мной через силу, а с папой — по необходимости. Только он этого не видит. А вот Яна, она обращается ко мне так, словно я ей интересна.

— Думаю, что ты ей, на самом деле, интересна.

— Обязательно разберусь с этим при личной встрече.

Личная встреча. Скорее бы поправился отец.

— Ты знаешь, я рад, что ты встряла в нашу беседу.

— Это хорошо. Я думала, что ты будешь ругаться.

— Неужели?

Тамара рассмеялась, пританцовывая, обняла и чмокнула в щеку.

— Нет. Ты — самый лучший брат в мире. А я — самая лучшая сестра.

— Главное, скромная, — расхохотался Остап.

— Кому в наше время нужна скромность?

— Мне.

— Поэтому я и напомнила тебе про скайп.

Как же здорово, иметь внимательную и сообразительную сестру, подумал Остап, продолжая подшучивать над Тамарой. Весь последующий день Остапа не покидало хорошее настроение.

Несмотря на то, что официально Остап считался в отпуске, дома он находился ровно столько, сколько требовалось для благополучия сестры. Починив все, что нуждалось в ремонте, большую часть суток Остап проводил в больнице — рядом с отцом и на операциях, наблюдая и обучаясь новому.

В начале следующей недели Эрик Вильсон сообщил, что лечение отца можно продолжить в

амбулаторных условиях. Остап и сам заметил, что отец выглядит значительно лучше, чем в день его приезда. Он поблагодарил доктора, получил рецепты нужных лекарств и отправился вместе с отцом домой.

К их возвращению небольшая по здешним меркам квартира была тщательно убрана Тamarой. Подвиг с ее стороны. Девочка не слишком любила это дело, но по такому случаю расстаралась. Она даже поставила у кровати отца букет весенних цветов и испекла пирог из готового слоеного теста. Более того, Тамара удержалась от замечаний, когда отец выпил чай с пирогом и не похвалил дочь.

Остап поблагодарил девочку за двоих и поцеловал ее в макушку.

Она убежала к подружке делать уроки, а отец устроился возле телевизора и начал возмущаться, что сын истратил слишком много денег на лекарства. Остап не стал комментировать раздраженную речь. Он знал, что деньги, то есть их ограниченное количество, большой вопрос для Богдана Дороша. Из-за них он приехал в чужую страну и тяжело работал, чтобы обеспечить семью. В первые годы им пришлось отказывать себе во многом, но сейчас дело обстояло значительно лучше. К сожалению, отец так и не научился тратить заработанное на мелочи, без которых можно обойтись. Лекарства, конечно, не относились к этой категории, но отец все равно считал их лишними, пытаясь ограничиться минимумом.

Вместо привычного спора о таблетках, Остап решил поговорить о том, что долго откладывал, потому что отец находился в больнице. Он сел в соседнее кресло и включил спортивный канал.

— Мне нужно ехать, папа. — Он посмотрел на отца, но тот, казалось, не слышал его слов. Или не хотел слышать. — Через пару дней.

— Почему такая спешка? Ты только приехал. И вообще...

— Что?

— Не понимаю, почему должен ехать именно ты? Как я понял, почти все отлажено.

— Не все.

— Остались какие-то мелочи. Ты нужен здесь.

— Родзинский дал добро.

— Начальство — это важно. А как же мы — я и Мара? О нас ты подумал?

— Папа, ты в порядке. Почти, но остальное — дело времени. Вильсон сказал, что кардиограмма — не хуже, чем перед моим прошлым отъездом. Что касается Мары — ты присмотришь за ней, как было всегда.

— Присмотришь! — В голосе отца звучала горечь, но Остап не понимал, в чем причина. — Все спихнули на старика.

— Пап, тебе только шестьдесят с хвостиком, и прежде у тебя не возникало проблем с Тamarой. Что изменилось?

— Значит, ты не понимаешь?

— Признаться, нет. Сам прекрасно знаешь, что стенокардию излечить трудно. Не мне тебя

учить. С ней лишь можно бороться, принимая необходимые таблетки. Регулярно. Если только ты не решишься на операцию.

— Не хочу.

— Можно было догадаться. Значит, пей лекарства и объясни, в конце концов, в чем проблема. Моя первая командировка не вызвала у тебя негативные чувства. Ты даже радовался, насколько я помню.

— Тогда я не подозревал, что все так обернется.

Срывающиеся нотки в голосе отца, похожие на интонацию капризного ребенка, заставили Остапа продолжить разговор, но более мягким тоном.

— Папа, пожалуйста, не нервничай. Прекрати переживать. Поверь, причин нет.

— Как я могу не беспокоиться, когда...

— Что? Договаривай. Мы должны это выяснить, иначе не найдем компромисс.

— Компромисс? Что ты хочешь этим сказать? — Остап думал над тем, как все объяснить отцу, но сделать это деликатно, и поэтому задержался с ответом. — Значит, если я буду против, ты все равно улетишь?

Остап смотрел на него, пытаясь догадаться о причинах подобного негативизма к его поездке, но ни одна более-менее уважительная причина, кроме состояния здоровья отца, не приходила ему в голову.

Сейчас опасность миновала, все более-менее образовалось. Тогда что? Отец не относится к неженкам и трусам. Он никогда ничего не боялся, во всяком случае, до недавних пор. О его приверженности работе ходили легенды, а теперь он предлагает сыну отказаться от командировки, запланированной руководством? Что-то не укладывалось в привычную схему восприятия отца и очень беспокоило Остапа.

— Папа, хочу напомнить, что это ты настаивал, чтобы я принял предложение и отправился на Украину. Говорил, что это почетная миссия и своеобразное признание. Ты гордился мной! Разве нет?

— Я и сейчас горжусь, — тихо и как-то устало произнес отец, переключая телевизионные каналы. — Только...

Он снова замолчал, и Остапу, чтобы не повысить тон, пришлось напомнить себе, что отец только что из больницы.

— Что изменилось? Меня по-прежнему уважают. Мне доверяют. Меня ждут.

— Не сомневаюсь. Эти барышни, жаждущие лучшей жизни, так и ждут, чтобы заарканить кого-то из-за границы. А тут такой случай, подходящий.

Остап не мог поверить, что этот исходящий злобой человек, сидящий рядом, его родной отец. Вначале он подумал, что тот имеет в виду его мать, но потом все понял, хотя и надеялся, что неправильно.

Неужели в этом причина обострения болезни отца и его отрицательного отношения к новой

поездке сына?

— Кто рассказал тебе о Яне? Хелена?

— Ты. — Сказать, что он удивился, ничего не сказать. Остап точно помнил, что ничего подобного отцу не говорил. — Я сразу понял, что там, — отец мотнул головой в неизвестном направлении, — тебя кто-то заинтересовал. Вначале я забеспокоился, но потом рассудил, что это временное явление. Случайное помутнение рассудка, как бывает у мужчин твоего возраста. Да что там, я сам был таким. Ты вернулся, и я надеялся, что все осталось в прошлом. Но однажды... Сын, ты разговариваешь, когда спишь. Знаешь об этом? — Остап отрицательно покачал головой, уже начиная понимать, но желая дослушать. — Ты звал ее во сне.

Остап не знал, что отец заходит в его комнату по ночам. Возможно, он слишком громко говорил, а папе не спалось? Интересно, как часто это происходит, и почему отец признался только теперь? Это важный факт, ведь он часто дежурит ночью и может уснуть в любой обстановке и разном обществе. Стало как-то обидно, что старший Дорош не сообщил ему этого раньше. А о том, что знает о Яне — особенно. Он заставил себя проглотить обиду.

— Ты не спрашивал меня ни о чем. Почему?

— Боялся. Не хотел напоминать о ней. Надеялся, что ты забудешь, что больше не поедешь туда. Что Хелена, в конце концов, тебя уговорит. Не важно, какая из этих причин главная.

Тамара оказалась права. Отец действительно хотел его союза с Хеленой.

— Я не люблю Хелену.

— Любовь! — Горький смех отца разнесся по комнате. — Смешно слышать такое от взрослого человека. Любовь выматывает мужчину, выворачивает его наизнанку, а затем оставляет ни с чем. Поверь мне, без нее лучше. Спокойнее.

Боль отца выплескивалась наружу резкими словами. Остап понимал его состояние, как никто другой, потому что был взрослым, когда мать ушла к другому. Но он так же знал, что многие пары живут счастливо, назло всем трудностям, бросая вызов препятствиям и преодолевая их. Он надеялся, что им с Яной хватит терпения и сил, чтобы совершить такой же подвиг. Остап хотел этого слишком сильно, чтобы отступить — в угоду отцу.

— Она не такая, как мама. Яна понравится тебе, отец.

— Нет, — тот покачал седой головой, заранее отказываясь от знакомства. — Не будет этого.

— Ты не дашь нам ни единого шанса?

— Ты поблагодаришь меня — позже, когда поймешь, что я прав.

Разговор стал походять на заколдованный круг. Остап не понимал отца, а отец не хотел понять сына.

— Па, ты умный, интеллигентный мужчина. Я всегда равнялся на тебя. Но... Нельзя судить человека, которого ты не видел ни разу в жизни. Ты не подумал о том, что я могу потерять свое счастье, если оставлю эту девушку?

— Найдешь другое счастье. На свою голову. Девушка! Все они девушки на первом свидании.

Остап передернуло от подобного цинизма — неожиданного и от этого еще более болезненного.

— Кого-то другого я ударил бы за такие слова.

— Давай. Чего ждешь? Бей отца!

— Успокойся.

— А зачем? Я приехал сюда ради вас — тебя и Тамары. Мечтал, чтобы хоть у моих детей была нормальная жизнь. Выучил тебя, помогал с работой, сам вкалывал, как проклятый. И что я получил взамен? Ради какой-то девчонки ты готов пожертвовать всем!

— Из-за этого весь сыр-бор?

— Ты о чем?

Отец вдруг прекратил кричать и уставился на сына, переводя дух.

— Поэтому ты почувствовал себя хуже? Потому что боялся, что я... А собственно, чего ты боялся? Что Яна приедет сюда, или что я останусь там?

Отец как-то сник, опустил голову и некоторое время смотрел на свои руки. Ожидая ответа, Остап не решался нарушить молчание. Отец и так разволновался сверх всякой меры. Но проблема требовала разрешения, другого выхода он не видел. Наконец, старший Дорош заговорил.

— Честно сказать, я не думал, что ты можешь там остаться. Это же смешно! Неужели она так сильно заморочила тебе голову?

— Я люблю ее.

— Вот, снова ты об этом. Любви не существует.

— Но ты же любишь меня, Мару.

— Это не то. Дети — совсем другое. Когда у вас с Хеленой появятся малыши...

— Не с Хеленой. С ней — ни за что.

— Не хочешь с Родзинской, встретишь другую женщину. Ты же виделся здесь с кем-то?

Остап не хотел отвлекаться на ерунду.

— Папа, объясни, почему ты все время упоминаешь Хелену?

— Она выбрала тебя.

— Мама тоже тебя выбрала.

— Да, но в отличие от меня ты Хелену не любишь, значит, не скован чувствами, не ограничен в действиях, не станешь отвлекаться от работы.

— Я не женюсь на женщине, плетущей за моей спиной интриги. Счастье, что план, который

она придумала, провалился.

— Это я его придумал.

— Что?! — Остап вскочил на ноги, несколько мгновений, не веря, буравил отца взглядом, затем заметался по комнате. — Боже мой! Папа, ты не мог!

— Это мой долг — удержать тебя от соблазна.

Остап остановился перед отцом и вымучил фразу, которая далась ему непросто:

— Не хочешь ли ты сказать, что вся эта затея с приступом, вынужденной госпитализацией, — ему пришлось перевести дыхание, чтобы продолжить, — выдумка?

Отец кивнул, и на его лице не было раскаяния.

— Так задумывалось. Когда я понял, что ты увяз по уши, то попросил Хелену прийти к нам в гости. Она отправилась к тебе так быстро, как смогла, а потом позвонила мне и сообщила, что мои предположения верны. Пришлось что-то придумывать, чтобы оторвать тебя от этой... — отец замолчал, подбирая нужное слово, а потом махнул рукой. — Но я так перенервничал, что мне действительно стало плохо. Так что фактически я и Хелена тебя не обманывали. Мы хотели тебя спасти, уберечь.

— От меня самого?

— От ошибки. От алчной женщины.

— Но она и я — единое существо.

— Остап, но это же глупо!

— Возможно, но это моя личная глупость.

— Я этого не допущу.

— Еще один приступ? И как долго это будет продолжаться? Пока мне не придется бросить работу, чтобы ухаживать за тобой?

Остапу не верилось, что он разговаривает со своим отцом. Что один из самых близких людей готов пойти на обман, лишь бы заставить его уступить, отказаться от человека, которого он уже считает родным, и при этом даже не пытается его услышать и понять, следуя собственным убеждениям о том, что лучше для его ребенка.

Прежде у них никогда не возникало разногласий. Почему это случилось теперь? Возможно, раньше их представления и цели совпадали, а сейчас — нет?

Что случится, если он уедет? Отец снова попадет в больницу? Вполне возможно. Что тогда делать ему? Отказаться от любимой — ради спокойствия отца?

— Папа, а если другая женщина тоже тебя чем-то не устроит?

— Мне понравится любая, если она имеет гражданство Канады.

— Понятно. А если я решу бросить работу и начну искать другую, и она покажется тебе

неприемлемой, менее оплачиваемой, не такой престижной? Или еще что-то? К примеру, я захочу жить отдельно? Ты тоже начнешь имитировать сердечные приступы, лишь бы принудить меня выполнить то, чего хочешь ты? — Отец вдруг покрылся румянцем. Остап взял его за руку, проверяя пульс. — Измерить давление, дать лекарство?

— Нет. Ты не можешь так думать. Все что я делаю — вам во благо.

— А я думаю, что уже достаточно взрослый, чтобы решить, что мне во благо. А если, по-твоему мнению, это не так — то вправе совершить ошибку. Свою личную ошибку, какие совершают все обычные люди.

— Что ты собираешься делать?

— Жениться. Если Яна согласится выйти за меня замуж.

— Я не позволю ей жить в моем доме.

— Значит, мы будем снимать квартиру. А если она не захочет переехать...

— Захочет. Остап, ради этого все задумано. Она сядет тебе на шею, свяжет детьми и станет вымогать деньги.

— Свяжет детьми? Вот как.

— Не придирайся к словам.

— Если она не захочет переехать в Канаду, я останусь жить там.

— Именно этого я и боялся.

Отец прикрыл глаза рукой и приложил руку к сердцу.

— Сейчас принесу таблетки. Придется нанять медсестру, чтобы она ухаживала за тобой, пока я в отъезде.

— К черту медсестру! И таблетки! Если ты явишься с ней... Я не пущу вас на порог!

— Твое право.

Остап отправился за лекарствами. Тяжесть от разговора камнем лежала на сердце. Он ощущал себя преданным своим собственным отцом. Возможно, отец чувствовал тоже самое. Остап очень надеялся, что тот передумает и уступит, потому что каждый новый приступ отцовской болезни станет напоминанием об этом разговоре — о его неповиновении.

Глава 29

Остап зашел к Родзинскому перед отъездом. Тот как раз разговаривал по телефону, а затем и вовсе попросил Дороша подождать несколько минут и вышел, сославшись на неотложные дела. Решив, во что бы то ни стало, дождаться шефа, Остап устроился в удобном кресле и с удовольствием вытянул ноги. Все утро он лично следил за отправкой гуманитарного груза, раз за разом проверял кипы различных бумаг, чтобы на границе не возникло никаких осложнений с таможенной. Несмотря на усталость, он остался доволен ходом дел, чего нельзя было сказать об обстановке в родном доме.

Отец ушел в глухую оборону, всем своим видом предупреждая: «Только потом не жалуйся». Он демонстративно пил лекарства и разговаривал исключительно с Тамарой, передавая через нее свои требования. Оставалось надеяться, что перед отлетом из старшего Дороша удастся вытянуть хотя бы «До свидания». Остапу не хотелось уезжать, не помирившись с отцом, но тот требовал от него слишком много — почти невозможного. Поступаться чувствами к любимой девушке он не собирался. Отцу придется с этим смириться. А если нет...

Остап вздохнул и потер переносицу.

Если отец не согласится принять Яну, значит, так тому и быть. Он станет строить жизнь по-своему, исходя из интересов женщины, которая ему доверилась. Точнее, их общих интересов. Подходящее к случаю кольцо уже лежало во внутреннем кармане его дорожной куртки. Его мысли давно летели к девушке, запах которой снился ему во сне. Ему так сильно хотелось хотя бы коснуться ее, что пальцы сводило судорогой желания. Проволочки выводили его из себя, и чем ближе к отъезду, тем сильнее. Если бы он только мог не переживать за близких, которых оставляет здесь.

Остапа беспокоил не только отец. Тамара, обычно общительная и открытая, заметно притихла. Ее большие синие глаза настороженно, с видимым любопытством метались от одного Дороша к другому, но она не задавала вопросов. Остап мог только догадываться, что у нее на уме, но посвящать в суть размовки с отцом не собирался. Во всяком случае, пока. Он знал, что Яна понравилась девочке, и не хотел, чтобы между дочерью и отцом возникло хоть какое-то напряжение — особенно перед его командировкой. Рано или поздно она все узнает, но Остап решил, что пусть это случится позже.

Дверь в кабинет тихо скрипнула, но Остап не обернулся, решив, что вернулся Родзинский. Он ошибся.

Хелена присела перед ним на отцовский стол и сложила руки на груди. Она смотрела на него взглядом побитой породистой собаки, а еще несправедливо обиженной. Остап чувствовал себя живодером и дичью одновременно. Неуютное чувство. Он надеялся, что ему удастся избежать еще одного неприятного разговора, которых за последнее время состоялось слишком много, но ему не повезло. Хелена преследовала его, как настоящая ищейка. Эта женщина не хотела ни понимать, ни принимать ничьих доводов, и, прежде всего, своего собственного рассудка. Казалось, она окончательно лишилась гордости, навязывая Остапу свое внимание.

Чтобы не нарваться на очередное обвинение в день отъезда, он молча ждал, когда Хелена соизволит начать разговор. В последнее время ему стоило большого труда сохранять нейтральное выражение лица. Вот и сейчас он усилием воли подавил нарастающее в душе раздражение. Если бы только она не была дочерью директора клиники...

— Остап, ты совершаешь большую ошибку.

Началось!

— Моя командировка согласована с администрацией и одобрена ею.

Хелена поджала губы.

— Ты прекрасно знаешь, что речь идет об этой маленькой интриганке. Она тебе не пара.

— Если ты о Яне, то не вижу смысла начинать разговор сначала. Я уже все сказал.

— Зато я — нет!

Остап мысленно попросил Господа дать ему терпение.

— Хелена, тебе не надоело унижаться? Ты же взрослая, умная, красивая женщина.

— Но я тебе не нравлюсь. Почему? Что со мной не так?

— С тобой все в полном порядке. Только...

— Только... Договаривай!

— Только для какого-то другого мужчины. Не для меня. Извини, если когда-то случайно, не умышленно, подарил надежду. Больше это не повторится.

— Мне не нужны твои извинения. Мне нужен ты.

— Не нужны извинения? Тем лучше. Если ты хорошенько подумаешь, то поймешь, что и я тебе не нужен. Мной нельзя помыкать и вертеть. Поверь, мое спокойствие и покладистость — только видимость. Мне нужна женщина, которая понимает меня и принимает таким, какой я есть. Ты же все время только и делаешь, что навязываешь собственное мнение.

— Нет, наоборот! Я вовсе не...

— Видишь, ты уже споришь.

— Но ссоры бывают в каждой семье.

— Но не постоянно. К тому же, чтобы пережить их безболезненно, нужны настоящие чувства.

— Я и чувствую! Ты даже не представляешь...

— И не хочу представлять. Понимаешь? Меня это не интересует. Совсем.

На лице Хелены появилась гримаса страдания, но Остап не стал ее утешать. Он сказал лишь то, что должен. Остап пытался избежать подобной злой откровенности, но женщина не оставила ему выхода.

Ответный взрыв последовал тотчас. Хелена вскочила со стола, обогнула его и уселась в рабочее кресло отца.

— Ты пожалеешь об этом. — Она наклонилась вперед и оскалила идеально ровные зубы в жуткой улыбке. Остапу захотелось отодвинуться, но он сдержался. — Думаешь, что незаменим? Учти, за тебя здесь никто не вступится. Никто!

— Что случилось?

Родзинский вошел так тихо, что вначале его никто не заметил. Услышав знакомый голос, Остап вздохнул с облегчением, надеясь, что теперь Хелена уймется. Продолжать тягостный разговор не имело смысла. Но женщина, видимо, считала иначе.

— Папа, Дорош оскорбил меня. Это недостойно звания врача. Во всяком случае, должности, которую он занимает.

Остап от неожиданности не нашел слов, чтобы парировать подобное обвинение.

Вот это напор! Интересно, как прореагирует на детские выходки Хелены ее отец. А ведь когда-то он считал ее умной и серьезной женщиной.

Удивленно приподняв брови, Джон обнял дочь за плечи и поцеловал ее в лоб.

— Уверен, ты неправильно его поняла, бэби. — Родзинский бросил на Дороша острый взгляд из-под очков. — Что произошло?

Остап пожал плечами.

— Папа, тебе недостаточно моих слов? Я же сказала: он меня оскорбил — намеренно и зло. Ты должен его уволить.

— Детка, боюсь, этого недостаточно для такого серьезного шага. Остап — на хорошем счету. Существуют какие-то конкретные факты?

— Он... — Хлена смахнула с лица вдруг появившиеся слезы. Ее всхлип выглядел вполне естественно. При других обстоятельствах он бы почувствовал себя подонком. — Остап посмеялся над моими чувствами.

Родзинский закатил глаза, а потом, словно опомнившись, бросил на него укоризненный взгляд. Дорош выдержал его с достоинством.

Джон неловко потрепал дочь по плечу.

— Ну-ну, не стоит так переживать. Давай перенесем разговор на более подходящее время. Остап вернется и тогда...

— Я хочу сейчас, как ты не понимаешь! Если он уедет...

— Хелена, — в голосе Родзинского прозвучали стальные нотки. Наконец-то! — Командировка организована. Твои желания в сложившейся ситуации не имеют решающего значения. Существует производственная необходимость и целесообразность, а еще выполнение взятых обещаний. Все остальное — второстепенно.

Хелена демонстративно фыркнула, а Джон кивнул Остапу.

— Езжайте. Билеты и папка с документами — у секретаря.

Остап поднялся и протянул руку Родзинскому. Тот деловито ответил на рукопожатие.

— До свидания! — не глядя на Хелену, бросил на прощание Дорош.

Выйдя за порог, он почувствовал невероятное облегчение. Какими бы доводами не руководствовался Родзинский — возможно, в отличие от собственной дочери он вовсе не хотел видеть Остапа своим зятем, выбранная им позиция оказалась Дорошу на руку. Он надеялся, что Хелена переболеет им за время разлуки. В любом случае, Джон хорошенько подумает перед тем, как снова позволить ей преследовать его за границей.

Тамара закрыла за братом дверь и поплелась в гостиную. Она хотела проводить Остапа до самолета, но отец отказался ехать в аэропорт, поэтому и ей пришлось довольствоваться

объятиями и братским поцелуем на пороге дома.

Отец стоял у окна, засунув руки в карманы домашних брюк, и наблюдал за тем, как сын садится в такси. На фоне окна его высокая, ссутулившаяся фигура выглядела особенно одинокой и потерянной.

Тамара вздохнула и подошла к отцу, встала рядом, прислонилась головой к мужскому плечу, все еще сильному и такому родному. Ссора между двумя самыми дорогими для нее людьми, которую она подслушала случайно, вернувшись домой за забытой тетрадью, стала для нее неожиданной и от этого еще более болезненной, а доводы отца откровенно удивили. Тамаре хотелось помирить их до отъезда брата, но она не нашла необходимых аргументов. Тишина казалась оглушающей. Чтобы отвлечься от грустных мыслей и растормошить отца, Тамара решила сказать хоть что-то.

— Он взял только легкую куртку.

— Не маленький. Что-нибудь придумает. К тому же там уже тепло.

— А мы когда-нибудь туда поедим? — Тамара понимала, что ступает на зыбкую почву, но все равно продолжила. — На Украину. Туда, где я родилась. Мне бы хотелось.

У отца дернулась рука, но Тамара не отстранилась.

— Не думаю. Ничего такого особенного там нет. Климат похож на здешний. Родственников не осталось. Ты же помнишь, я — сирота. Хотя, благодаря этому мне удалось поступить в институт.

— А ты говоришь: «Ничего особенного». Тебе повезло. Ты стал хорошим врачом. А здесь тяжело сделать подобную карьеру из сиротского приюта.

— Наверное. Но если бы меня усыновила семья с достатком...

— Па, но ведь не все измеряется деньгами. Можно иметь их немереное количество и при этом оставаться несчастным. Я думаю, что тут важнее любовь.

Отец обнял ее за плечи и вздохнул. Тамара вовсе не собиралась мучить отца, но не знала, как еще можно пробиться через броню, которой он себя окружил. Она надеялась, что он не замкнется еще сильнее и все-таки втянется в нужный ей разговор.

— Дочь, к сожалению, любовь не приживается без денег. Твоей маме вечно их не хватало. Вот она и ушла от нас.

— Возможно, ей не хватало чего-то другого? К примеру, внимания или понимания.

Отец повернулся к ней и приподнял за подбородок, чтобы посмотреть в глаза.

— Ищешь оправдания для матери? Это что-то новое.

— Меня просто интересует твое мнение.

Отец некоторое время молчал, обдумывая ответ, а затем заговорил. Нехотя и подозрительно спокойно.

— Внимания, говоришь? Когда, как проклятый, работаешь, лишь бы не голодать, на внимание

элементарно не остается времени. К тому же это именно она настаивала на переезде и прекрасно знала, что нам придется столкнуться с огромными трудностями.

Она не собиралась оправдывать мать, но хотела быть справедливой.

— Человеку свойственно ошибаться.

— Детка, у меня такое чувство, что ты чего-то добиваешься. Не слишком ли издалека ты начала?

— Папочка, я очень тебя люблю. Ты же это знаешь, правда?

— Надеюсь, что да. И я тебя люблю. Теперь, когда мы... живем вдвоем, нам нужно держаться вместе.

— Есть еще Остап.

— У Остапа — новые интересы.

Отец не сумел скрыть внутреннее напряжение, обиду и что-то похожее на неуверенность.

Тамара хотела сказать, что это естественно для холостого мужчины интересоваться женщинами, что брату пора жениться и обзавестись собственными детьми, но только с той женщиной, которая ему дорога. Она боялась, что отец не готов об этом говорить и поэтому подошла к этому вопросу с другой стороны.

— Но это не значит, что он нас не любит. А если я соберусь замуж, ты тоже решишь, что я тебя не люблю?

— Об этом говорить еще слишком рано. Или ты... Только не говори, что ты...

— Нет, папа. Успокойся, все только гипотетически, но рано или поздно это случится. Надеюсь.

— С такими серьезными вещами, как брак, торопиться не стоит.

— Я и не тороплюсь. Мне хотелось поговорить о другом.

— Давай.

— А если... Может же такое случиться? Я встречаю хорошего парня, мы влюбляемся друг в друга, собираемся пожениться и вдруг... Бац!

— Ты меня пугаешь.

— Мне и самой страшно. Что, если его папа придет к выводу, что я не подхожу для его сына?

— Ты? Быть такого не может! Ты — красивая девочка, и умненькая.

— Но мое происхождение...

— Бога ради, что с ним не так?

— Родилась я не здесь, так что, как ни крути, эмигрантка. Достаток у нас, извини, средний. Ведь может же папочка жениха подумать, что я — охотница за деньгами?

- Это свободная страна, если ты не забыла.
- Я не забыла.
- К тому же, как только он с тобой познакомится...
- Что если он не захочет со мной знакомиться?

Отец замер с приоткрытым ртом. Казалось, его поразила неожиданная мысль.

- Ты подслушивала?
- Я случайно услышала, а это не одно и то же.

Тамара поняла, что пора ретироваться, а заодно дать отцу время хорошенько все обдумать. Она чмокнула его в щеку и деловито заявила:

- Мне пора делать уроки. На кухонном столе — свежий пирог. И не забудь выпить таблетки.

Тамара обернулась у самого порога. Отец задумчиво смотрел ей вслед.

Глава 30

Последние две недели походили на сон. Виктории не верилось, что все происходит на самом деле. Их совместная жизнь с Эдом так сильно напоминала семейную жизнь, что она боялась неловким словом или действием вспугнуть происходящее. Некоторые отнеслись бы к этому утверждению с сомнением, что не удивительно. Большинство пар сосуществовали по-другому, но Вика знала — только так может выглядеть общая жизнь с Эдом.

Его по большей части молчаливое присутствие наполняло Вику непривычной уверенностью в завтрашнем дне, несмотря на то, что постоянную работу он так и не нашел. Совместные ужины радовали ее гораздо больше, чем прежние увеселения в барах и ресторанах. Конечно, она не отказалась бы от их посещения, но знала, что Эд не может себе этого позволить и платить за себя не даст. Поэтому Виктория заказывала еду домой, но счет Эду не показывала. Рвала на мелкие кусочки и выбрасывала в мусор.

Возможно, ей следовало удивиться подобной перемене в своих предпочтениях, но она старалась не задумываться о завтрашнем дне. А еще с тревогой ждала звонков родных. Пока ее состояние оставалось незамеченным соседкой, она могла держать мать и отца в неведении, но рано или поздно они все равно узнают. Вика боялась даже предположить, что тогда случится. Она понимала, что закрывать на это глаза глупо. Решать проблему все равно придется, но намеренно отмахивалась от неприятных мыслей.

Эд рядом, как можно чаще, принадлежащий только ей, насколько он вообще может кому-то принадлежать — единственное, чего она хотела.

Периодически он уходил ночевать в съемную квартиру, но это случалось все реже. В первое время он не предупреждал ее о том, что будет отсутствовать, но прошлым вечером, когда Вика закрывала за ним дверь, буркнул, что хочет навести порядок в квартире Матери Терезы и вернется завтра. Она лишь кивнула, будто не произошло ничего сверхъестественного. Вечером вместо сериала она смотрела кулинарное шоу и даже кое-что записала на попавшейся под руку газете Эда. Впервые в жизни Виктории захотелось что-то приготовить для другого человека.

Уснула она с трудом. Ей очень не хватало рядом до мельчайших деталей знакомого, ставшего очень близким мужского тела. Вике хотелось, чтобы Эд занялся с ней любовью или просто обнял и прижал к себе спиной, как часто делал в последнее время. Она поднялась с кровати, протопала на кухню и подогрела молоко. Эд покупал его каждый день и оставлял в холодильнике.

Оставив пустой стакан в раковине, Вика вернулась в спальню, облачилась в клетчатую фланелевую рубашку Эда и только тогда уснула.

Утром ее впервые за последнее время не мучил токсикоз, и она явилась на работу в приподнятом настроении. Изменив себе прежней, она не стала выговаривать молоденькой перепуганной санитарочке, которая принесла ей белый халат без одной пуговицы. Вика просто попросила другой и похвалила себя за сдержанность. Она периодически вспоминала, что нервничать ей нельзя — ради ребенка, и старалась избегать обычных раздражителей — медперсонал женского пола и жалующихся больных. Сидя в своем кабинете, Вика просмотрела новинки в интернет — магазинах одежды, а затем opravилась прогуляться в старый парк за больницей.

Любимый мужчина хочет, чтобы она рожала, значит, так оно и будет. Она почти свыклась с мыслью, что станет матерью. Вика знала, что будет трудно, но не сомневалась, что Эд ей поможет.

В какой-то миг ей показалось, что она навевала себе его образ. У одной из дверей, ведущих на улицу, стояла знакомая худошавая фигура. Две знакомые фигуры.

Вика резко притормозила у скамьи. Присела на деревянное сиденье с облезлой за зиму зеленой краской, чтобы не бросаться в глаза и не вызывать лишних вопросов. Мирного настроения как не бывало.

Она испытывала настоящую боль, глядя на увлеченно беседующую парочку. Вика поняла, что никогда не сможет спокойно смотреть на то, как Эд заигрывает с Синичкой. Это выше ее сил.

Почему он это делает? Зачем возвращается к этой девчонке снова и снова. За несколько минут наблюдения Эд сказал Синичке больше слов, чем Вике за неделю. Неужели так будет продолжаться всегда? Что, если однажды он решит, что Вика ему не нужна, и начнет искать общества Яны? Он уже это делает! А ведь знает, что ей это неприятно. Знает и все равно является сюда. Интересно, сколько раз он приходил к Синичке за те дни, когда она, Вика, тешилась в неведении, рисуя будущую жизнь радужными красками?

Вика заскрипела зубами от ярости, стиснула края лавки до боли в суставах.

Нет, она не отступится, не станет ждать, когда Эд покинет ее. Видит Бог, она старалась. Приструнила свой характер, оставила ребенка, собиралась научиться готовить. Дура набитая!

Она начала сомневаться в том, что те ночи, которые Эд отсутствовал, он провел в доме больной старухи. В этот момент ей хотелось одного.

— А диета, режим дня — что-то такое нужно соблюдать?

— Я все написала в выписке. В первую очередь нужно не забывать принимать лекарства.

— Буду напоминать.

— Хорошо. Кстати, если вам не трудно, пригласите к Терезе Вацлавне терапевта из поликлиники. Боюсь, она забудет или посчитает это лишним, или отправится туда пешком, а ей пока вредны значительные физические нагрузки.

— Обязательно привезу.

Эд внимательно слушал ее советы и кивал, посматривая на часы. Тереза Вацлавна уже сидела в такси перед главным входом в больницу. Почему-то Яна не сомневалась, что Эд обязательно выполнит то, что обещает. Несмотря на необычный, для кого-то возможно опасный облик, этот мужчина сумел завоевать ее уважение и определенное доверие. Она хорошо помнила их первую встречу и его попытки запугать молоденькую докторшу, вставшую на его пути к цели. Теперь он вел себя по-другому — серьезнее, ответственнее. И хотя она по-прежнему не знала, что у Эда на уме, она не сомневалась, что человек, спасший от смерти чужую ему старушку, не может обидеть доктора, который ее лечил или будет лечить. Что уж говорить о близких ему людях.

— Ваша бабушка, наверное, вас обожает.

— У меня нет бабушки.

Яна смущенно прикусила губу. Она поняла, что совершила бестактность, а ведь собиралась похвалить.

— Извините. Мне не стоило... Это ваши личные дела.

— Чего там. Ты не виновата. Вообще-то, теоретически, она, конечно была. Только, к несчастью или счастью, мне не пришлось с ней познакомиться.

— Поэтому вы так беспокоитесь о Терезе Вацлавне?

Он пожал плечами и почти безразлично ответил:

— Не знаю. Просто беспокоюсь. Больше никому.

— Спасибо вам за нее, Эд.

Яна взяла его за руку и пожала. Она на самом деле считала, что пожилой женщине повезло с таким жильцом. Эд какое-то время смотрел на сомкнутые руки, а затем прибавил еще одну ладонь и ответил на рукопожатие.

— Тебе спасибо и твоему парню.

— Это — наша работа.

Она осторожно высвободила руку. В прозрачных мужских глазах появилась улыбка.

— Поверь мне, не все так привязаны к пациентам, как ты.

Яна смущенно возразила:

— Это на первый взгляд. На самом деле все врачи...

— Не хочу с тобой спорить. Ты дашь мне номер своего сотового? — Яна замешкалась, не зная, как лучше сформулировать ответ. Раздавать номера телефонов в их больнице было неприято.

Но и обижать Эда отказом не хотелось. Тем более, что именно он приглядывал за Терезой Вацлавной. Наверное, он правильно понял ее сомнения, потому что сразу сказал: — На тот случай, если возникнут медицинские вопросы. Я не слишком доверчивый человек и не хочу искать другого доктора.

— Конечно. — Она продиктовала ему свой номер и добавила, оправдываясь: — Обычно мне звонят в отделение. Не обижайтесь.

— Я привык.

— Дело не в вас.

— Повторяю, я не обиделся.

— Это хорошо, потому что мне не хотелось бы...

Неожиданно Эд снова взял ее за руку и не отпустил, когда она отступила на шаг.

— Послушай, Синичка, я многое в жизни повидал и многих. И знаешь что? Таких, как ты, не так много. — Яна снова дернулась, и Эд выпустил ее руку. — Береги себя, ладно? Мне хотелось бы оставить тебе свой номер телефона, чтобы ты могла позвонить, если я понадобится, но ты решила держаться от меня подальше. — Он молчал какое-то мгновение, либо подбирая слова, либо ожидая ее ответа. Яна не знала, что можно сказать в такой ситуации. К тому же он был прав. Поэтому она лишь кивнула, а затем поняла, что ее кивок можно понять двояко и добавила:

— Ладно.

— Мне пора.

Эд почти побежал прочь, и Яна не успела попрощаться. Ее отвлек телефонный звонок. Пока она доставала сотовый, тот умолк, высветив незнакомый номер. Яна посмотрела вслед Эду. Он оглянулся, поднял кверху свой телефон и подмигнул. Упрямец. Таки добился своего.

Эд исчез за поворотом. Телефон снова завибрировал в ее руке. Яна посмотрела на дисплей и удивилась. Она уже давно не видела этот номер и тут же призналась себе, что желания отвечать нет. Привычное «А что, если что-то срочное?» заставило ее нажать на кнопку.

— Слушаю.

— Нам нужно поговорить.

Яна шла по коридору, отвечала на приветствия кивком головы и думала: «Стоит ли?». Она не могла придумать причину, по которой им нужно встретиться.

— Что-то случилось?

— Да. Я жду тебя в парке.

Не изменяя себе, Виктория приказывала, а не просила.

Как она сказала? В парке? Значит это не связано с работой.

— Извини, но я занята. — «Вдруг все-таки важное?» — Если хочешь, можем увидеться в ординаторской. Я как раз туда направляюсь.

— Нет, там слишком людно.

Голос Вики звучал несколько странно, и Яна заколебалась.

— Тогда в конференц-зале. В это время там никого нет.

Помолчав мгновение, Вика издала смешок и выпалила:

— Я беременна. — Такого Яна не ожидала услышать. Но даже если так, при чем здесь она? К тому же остается открытым вопрос — поздравлять или нет. Видимо, она молчала слишком долго, потому что голос Вики стал нетерпеливым и одновременно почти умоляющим: — Мне нужен твой совет. Срочно. Ведь мы же были подругами? Ты не можешь мне отказать. Ты не такая.

Яна лишь вздохнула, осознав, что Виктория права — она не может ей отказать, и с мыслью, что лучше бы она это сделала, ответила:

— Хорошо, я сейчас приду.

Не успела она сделать несколько шагов, как сотовый снова напомнил о себе знакомой трелью. Внутри все словно перевернулось от радости.

— Я — здесь!

— Правда?

Остап рассмеялся.

— Истинная. Только заброшу вещи в гостиницу и сразу к тебе. Ты на работе?

— Да.

— Тогда скоро буду. — А затем добавил совсем другим тоном, от которого Яну бросило в жар. — Дождаться не могу, когда прижму тебя к себе. Ужасно соскучился.

Яна почувствовала, как запылала щеки, и выдохнула:

— Я тоже. — Тут она вспомнила о непредвиденном свидании. — Если меня не будет на месте, значит, я еще не вернулась из парка.

— С кем-то встречаешься? — Остап, дурачась, зарычал: — Я его знаю?

— Это Виктория. Ты должен ее помнить. Она — наш психолог.

— Ладно, с ней можно. Только недолго.

Ей очень понравились собственнические нотки в голосе любимого.

— Постараюсь.

Ей не верилось, что их разлука закончилась. Остап приехал, как и обещал. Иногда Яне

казалось, что все произошедшее между ними ей приснилось. Или, что Остап не сможет вернуться к ней по какой-то причине. Или случится еще что-то, что помешает им встретиться. Вопреки тревоблениям нескольких недель он прилетел и совсем скоро они увидятся.

Господи, даже не верится, что он здесь! Бросить, что ли, все и мчаться к нему в гостиницу?

Вспомнив об обещании, пусть даже Виктории, и ее «Я беременна», Яна вздохнула и направилась в отделение.

Она влетела в ординаторскую, чтобы сменить халат на блейзер. Сообщив заведующей отделением, что отлучится на пол часа — на всякий пожарный случай, мало ли что — девушка нехотя отправилась на встречу, недоумевая, чем она может помочь Вике. С каких пор бывшая подруга стала интересоваться ее мнением?

На путь к месту встречи она потратила гораздо больше времени, чем планировала. По дороге ее несколько раз останавливали больные, затем Дубовский поинтересовался, куда она торопится. Яна вначале не собиралась сообщать ему, куда и зачем направляется, но он не отставал, и она выпалила ему правду, умолчав лишь о беременности Вики. Лишь тогда ей удалось улизнуть от ошеломленного Виталика. Она не удивилась подобной реакции. Он лучше других знал историю их непростых отношений с красавицей Спинель.

Викторию ей пришлось поискать. Яна уже начала надеяться, что та ушла, не дождавшись ее. Тщетно. Вика стояла на мостике, перекинутом через озеро и, скрестив руки на груди, смотрела на ныряющих в воду диких уток. В белом халате, и рассыпавшимися по плечам длинными волосами она выглядела странно, даже слегка жутковато.

подавив желание уйти незамеченной, Яна подошла к бывшей подруге. Встала рядом, для устойчивости расставив пошире ноги. Уточек она любила, но вода внушала ей опасения, вызывая неприятное головокружение.

— Привет, — Вика не ответила. Пожав плечами, Яна продолжила: — Могу чем-то помочь?

Помолчав несколько секунд, возможно минуту, Вика заговорила бесцветным голосом.

— Помочь? Благородная доктор Синичка никому не может отказать в помощи. Это не в ее правилах. И не важно, любит она страждущего или терпеть его не может. — Виктория хихикнула, и Яне стало не по себе. — Какая замечательная девушка! Честная, наивная — алмаз чистой воды. Каждый мужчина хочет ее огранить. Вот только кому из них она это позволит? — Виктория повернула к ней бледное лицо с двумя красными пятнами на щеках. — Ведь в этом главный вопрос: кому она даст? Не так ли?

От того, что Вика произносила двусмысленные фразы голосом, абсолютно лишенным красок, по коже Яны пробежал озноб. Ноги задрожали и готовы были унести ее с этого места как можно быстрее.

Но!

В глазах бесшабашного психолога была настоящая боль, а у ярко накрашенного рта залегли глубокие складки. Яна не могла оставить ее в таком состоянии. Она призвала на помощь всю свою сдержанность и как можно спокойнее сказала:

— Мы собирались говорить о тебе.

— А мы и говорим. Это — вступление.

Неприятные ощущения постепенно усиливались, как и желание Яны убежать куда подальше.

— Я не собираюсь обсуждать особенности своего характера, а личную жизнь — давно.

Она сделала шаг назад, собираясь покинуть темную злобную атмосферу, окружавшую Викторину, но подверглась внезапному, почти молниеносному нападению. Белокурая, разъяренная женщина схватила Яну за полы пиджака и начала трясти. Ее крик разнесся над темной, заплесневелой, застоявшейся за зиму водой.

— Обсуждать?! Ничего такого не будет! Ты его не получишь, маленькая дрянь. Я тебе его не отдам. Поняла? — От несчастного пиджака отлетела пуговица. — Поняла?!

Вика уступала Яне в росте, но ярость придавала ей сил. Девушка пыталась отцепить от своей одежды длинные красные ногти, но не решалась толкнуть, помня о состоянии Виктории. Или это — лишь очередная ложь, приманка?

— Так ты беременна или нет?

— Да! Да, я беременна, и он станет его отцом, если ты оставишь его в покое — с сегодняшнего дня и навсегда!

Яна ничего не понимала, кроме того, что Вика походила на сумасшедшую. Она не могла ждать ребенка от Остапа. Во-первых, тот никогда бы не солгал Яне, она в этом не сомневалась. А во-вторых — Остап никогда так запросто не отпустил бы ее на эту встречу. Господи, зачем только она сюда пришла?!

— Вика, ты слышишь меня? Успокойся, прошу тебя. О ком речь?

Неимоверным усилием Виктория подтянула Яну к себе и прошипела ей в лицо:

— Я не глухая. И не дура. Мы говорим об Эде. О ком же еще? — Эд? Вика знакома с Эдом? — Хотя, конечно. Чему я удивляюсь? Все мужчины выжили из ума. Виталик, Сергей Вороной, хирург из Канады. Я никого не забыла? Напряги-ка свои изящные мозги. Назови имя.

Раз не удавалось вырваться, Яна пыталась пододвинуть их сцепленные тела к центру моста. С виду маленькая Вика оказалась не такой уж легкой.

— Отпусти меня.

— После того, как я тебя сюда выманила? Нет уж.

Все происходящее все больше напоминало триллер, а Виктория откровенно пугала. Заставляя себя успокоиться, Яна примирительно улыбнулась.

— Хорошо, я здесь. Мы разговариваем. Успокойся. Тебе нельзя волноваться.

На лице Вики заиграла ядовитая улыбка, а глаза угрожающе сузились. Яне стало по-настоящему страшно. Она огляделась по сторонам, но рядом никого не оказалось. В ста метрах гуляли мамы с детьми. Не звать же их на помощь.

— Зато тебе можно. Может, откроешь подруге секрет?

— Какой?

Яна удивилась, что голос ее не дрожит. А вот голос Виктории вдруг стал обманчиво тихим.

— У тебя есть знакомая ведьма? Всякие там приворотные зелья и прочие методы?

В другой ситуации Яна сказала бы ей, что единственная похожая на ведьму знакомая женщина стоит перед ней, но не решилась. От Виктории можно было ожидать чего угодно. А еще этот мост...

— Давай прогуляемся. Здесь ветер. Простудишься.

— Не заговаривай мне зубы. Лучше поклянись, что оставишь его в покое.

— Между нами ничего нет. Совсем ничего. Правда.

Вика оттолкнула ее от себя и заорала:

— Врешь! Я все видела собственными глазами!

Яна не удержалась на ногах и упала на доски у ног взбешенной женщины. Она вытянула вперед ладони, пытаясь защититься. Подняться она не могла. Виктория прижала ее к самому краю. Не толкать же, в самом деле, беременную женщину.

— Мы просто говорили. Клянусь!

Вика издала очередной вопль и пнула ее коленом в грудь, а затем наклонилась и с силой пихнула:

— Не верю! Он — мой! Мой!

В этот раз Яна не успела ответить. Она сильного удара она перевалилась через невысокий бортик и, ухватившись за него каким-то чудом, повисла над водой. Девушка боялась смотреть вниз. Вместо этого она подняла глаза на Вику. Та замерла над ней с расширившимися от удивления глазами. Создавалось впечатление, что она не ждала подобного эффекта.

— Я не умею плавать.

Яна не знала, произнесла она эти слова или только подумала.

Несколько секунд Виктория в немом испуге смотрела ей в глаза, затем протянула к ней руки. Яна сцепила зубы, намереваясь держаться до последнего. Девушка не сомневалась, что бывшая подруга собирается завершить начатое.

Почему она не оттолкнула ее, когда у нее была такая возможность? Почему не убежала, пока Вика хоть что-то соображала? Зачем она вообще сюда пришла? Сострадательная дура, вот почему.

Холодные пальцы коснулись ее запястий, и Яна закрыла глаза, до боли вдавливая ногти в настил. К сожалению, сил оставалось не так много.

— Чего висишь, как сарделька? Давай, подтягивайся! Ну же!

Яна оторопело уставилась в бледное лицо Вики, еще не веря, что та хочет ей помочь. Но что

она теперь сможет сделать? Виктории ее не удержать, и тем более не вытащить.

— Ухватиться не за что.

— Я тебя держу. Ну, же! — Виктория снова кричала, но теперь в ее голосе слышались панические нотки. — Не вздумай утонуть!

— Думаешь, я этого хочу?

— Делай, что тебе говорят!

На бледном лице от напряжения снова появились красные пятна. Вика почти тужилась, и Яна испугалась еще больше — теперь уже не только за себя. Слова вырвались помимо воли.

— Отпусти меня.

— Дура, ты же свалишься! А мне потом отвечай?! Не отпущу!

У Яны не осталось сил, чтобы напомнить, кому она обязана теперешним положением. Руки онемели, пальцы не слушались, тело стало невероятно тяжелым, в голове шумело от ужаса и женского крика. В полном бессилии ее руки соскользнули сквозь пальцы Виктории. Она мешком летела вниз, в темную холодную воду. Искаженное лицо Виктории неумолимо удалялось от нее. Обрывки мыслей мелькали в голове.

А дальше ее поглотила темнота.

Господи, пусть это будет сон! Остап, где ты?

Глава 31

У Остапа чуть сердце не остановилось. Яна летит с моста, а он ничем не может ей помочь.

Еще издали он заметил две почти сплетенные фигурки на мосту, чему очень удивился. Отношения между девушками были не настолько дружескими, чтобы обниматься. Только спустя какое-то время Остап понял, что перед ним — женская драка. Такое он видел только в кино.

Остап ускорил шаги, но Яна неожиданно упала у ног соперницы. Тогда Остап побежал, не отрывая взгляда от событий на мосту. Ему хотелось взмахнуть руками и подняться в воздух, уподобиться самой быстрой птице, когда дорогая его сердцу девушка повисла над водой. Все происходило слишком быстро, а он двигался чересчур медленно.

«Отчего люди не летают?» [4]

И не телепортируются, что предпочтительнее.

На ходу сбрасывая куртку, Остап порадовался, что оставил сумку в больнице — что отказался от намерения отправиться в гостиницу, торопясь к любимой.

Яна сорвалась с моста.

Не анализируя, больше не тратя времени и внимания на размышления, он молил Бога об одном: «Только бы она осталась жива!». А еще начал отсчитывать секунды.

Страх сковал ее движения. Происходящее казалось неизбежным. Старый сон становился явью.

Мама. Папа. Остап. Дорогие. Любимые!

Яна пыталась представить, что они почувствуют, когда...

«Нет, Боже! Нет!»

Она поняла, что не может так сильно расстроить, разочаровать близких ей людей. Яна заставила себя поднять почти окоченевшие руки кверху, разгребая мутную воду, и начала шевелить ногами.

Ценой невероятных усилий и упрямства ей удалось вынырнуть и с помощью нескольких судорожных движений вдохнуть. Воздух с шумом втолкнулся в трахею. Вначале Яна была по поверхности ладонями, а затем попыталась грести руками. Она слышала крики, но не понимала ни слова и ничего не видела, потому что вода залила глаза.

Она не знала, сколько секунд или минут сумела удержать голову над водой, но потом ее снова потянуло вниз. Силы кончились, ушли на неумелую борьбу с обманчиво спокойной стихией. Она нуждалась хоть в каком-то отдыхе. В этот раз Яна постаралась вдохнуть как можно глубже и решила не сдаваться, бороться так долго, как сумеет.

Холодная весенняя вода увлекала ее вниз, обещая покой и тишину. Яна снова начала двигать ногами, но вторая попытка давалась ей с большим трудом. Вера в успех начала потихоньку улетучиваться, когда сильная рука обвила ее талию и потянула за собой — к свету. К жизни.

Девушка не удивилась, когда увидела рядом Остапа. Он молча плыл к берегу, почти неся ее на себе, а Яна с истинным, не с чем несравнимым наслаждением вдыхала воздух.

Остап вынес ее на берег на руках и усадил на молодую, ярко-зеленую траву. Окружающий мир со своими яркими красками радовал Яну так сильно, что она с улыбкой подставила лицо солнцу и рассмеялась от счастья, когда Остап крепко, почти исступленно поцеловал ее.

Какая-то незнакомая женщина подала ему куртку, и он заботливо закутал в нее Яну. Затем прижал к себе и начал баюкать, как маленькую. Яна ни разу в жизни не чувствовала себя такой счастливой.

Она жива. Остап спас ее.

Вика сидела на мосту, покачиваясь из стороны в сторону. Еще мгновением ранее она голосила, сожалея о своей импульсивности и почти не сомневаясь, что если кто-то не вмешается, закончится не одна, а две — или три — жизни. Виктория почти не сомневалась, что Эд не простит ей того, что она только что совершила. Неожиданно она поняла, что молится за спасение бывшей соперницы. Это казалось таким естественным, будто она обращалась к Богу всю жизнь.

Когда откуда-то появился иностранец, она подумала, что у нее от ужаса начались галлюцинации. Ноги подкосились, и Вика оказалась на коленях. В немом оцепенении она наблюдала, как Остап спасает Яну. До нее не сразу дошло, что Синичка вне опасности и даже в сознании. Происходящее походило на чудо.

Нужно было подняться. Ее трясло от холода или страха, но она не могла сдвинуться с места.

Кто-то поставил ее на ноги. Она обернулась и встретилась с мрачным взглядом Эда.

Он смотрел на нее молча. Лучше бы орал. Если он ее возненавидит, если оставит и уйдет, она этого не переживет.

Губы, как и все тело, дрожали, но Вика попыталась объяснить:

— Это — случайность. Я не хотела. Я не думала, что все так... Ты мне веришь? — Эд безмолвствовал. — Скажи что-нибудь. Пожалуйста! — Эд повернул голову в сторону обнявшейся парочки, какое-то время наблюдая за ними. Вика же не могла выносить неизвестности. Она силой повернула к себе мужское лицо, еле сдерживая слезы, повторила: — Пожалуйста.

— Что ты хочешь услышать?

Равнодушие в его голосе убивало, лишало последней надежды. Руки сами опустились, повисли вдоль тела. Пожав плечами, она устало произнесла:

— Хоть что-то.

И всхлипнула, не удержалась.

Эд отвернулся от нее и пошел, спускаясь с «места преступления» на мощеную дорожку. Вика оторопело смотрела ему вслед. Оцепенение продлилось недолго. Она бросилась за ним и дернула сзади за куртку. Эд продолжал идти вперед, но Вика уже начала злиться.

— Ты не можешь уйти и бросить меня здесь одну! Мне плохо. — Но Эд шел, хоть и слегка замедлил шаги. Или ей только показалось? — Мне, правда, очень плохо.

— А ей — хорошо?

Виктория не стала уточнять, кому. Она остановилась и прерывающимся голосом крикнула:

— Мне жаль! — Эд наконец-то остановился и повернулся к ней лицом. — Че... честное слово.

Слезы текли ручьем, но Виктория лишь смаргивала их, чтобы мир не расплывался перед глазами.

— Пойдем, сядем где-нибудь.

Вика кивнула и поплелась за Эдом. Ей хотелось умчаться из парка как можно дальше, забиться в угол и забыть обо всем случившемся, но Виктория понимала, что это — не выход. Да и Эд не позволит.

Они устроились на ближайшей лавочке. Вика лихорадочно пыталась придумать нужные фразы, но слова не собирались в предложения. Нужные предложения, которые бы все объяснили и заставили понять ее мотивы. Сложность состояла в том, что теперь она сомневалась в их правильности. Она начала с простого.

— Откуда ты узнал, где я?

— Папочка твоего ребенка сообщил.

До Вики не сразу дошло, кого Эд имеет в виду.

— Дубовский — не отец. Я уже говорила тебе раньше. — Она не стала выяснять, откуда о ее свидании с Яной узнал Вик. Спросила о другом, более важном: — Ты меня искал? Зачем?

— Позвонил, чтобы сказать, что немного задержусь у Матери Терезы, но ты не отвечала. Тогда я проводил женщину в дом, и той же машиной поехал назад.

Эд не сказал, что беспокоился о ней, но Вика знала, что именно это привело Эда в больницу.

Виктория прижалась к крепкому плечу и вытерла краем халата слезы. Эд не отодвинулся, что вселяло некоторую надежду. Вдвоем они смотрели на Синичку и Дороша, на стайку зевак, в основном состоящую из мамаш с детьми и парочки старушек. Через несколько минут перед ними появился новый персонаж — в форме, и Вика снова бросило в дрожь.

— Что теперь будет?

— Посмотрим.

— Меня... Беременных забирают в тюрьму?

Эд вздохнул, обнял ее за плечи и прижал к себе. Ей не верилось, что он до сих пор рядом. Вика закрыла глаза, жадно впитывая его тепло.

— Не знаю. Возможно. Зачем ты это сделала?

Она ждала этого вопроса, но не знала, как лучше объяснить, что именно заставило ее устроить сцену. Когда все начиналось, Вика не сомневалась, что поступает правильно, не думала, что можно иначе. Собственные доводы, чувства, поведение казались настолько верными, что она ни разу не усомнилась в том, что поступает правильно. Но лишь до того момента, как Синичка повисла над водой и сказала: «Отпусти меня».

Вика тряхнула головой, отгоняя ужасные воспоминания.

— Боялась, что ты уйдешь от меня.

— И при чем здесь эта малышка?

— Я думала, что ты и она... Вы так разговаривали там, возле больницы, что мне стало страшно.

— Значит, я не имею права разговаривать с другими женщинами?

— Да. То есть, нет. То есть... Господи, я не знаю, как это объяснить!

— А мне как прикажешь понимать?

— Прежде ты ни на кого так не смотрел. — Она стойко выдержала взгляд Эда, понимая, что сейчас решается очень многое. — Синичка нравится тебе, и я подумала, что именно ее ты хочешь, что именно она тебе нужна.

— И поэтому столкнула ее с моста?

— Это вышло случайно. Поверь мне, наконец! Я не собиралась ее топить, только хотела проучить, то есть объяснить, что ты ей не достанешься.

Эд прищурил глаза.

— Решала за меня?

Она не собиралась посягать на его свободу, которую он ценит, возможно, больше всего остального, но невольно сделала это. Вика ухватила Эда за руку, инстинктивно пытаясь удержать рядом, но заставила себя разжать пальцы. Она не хотела, чтобы он снова почувствовала себя загнанным в клетку.

вернуться

4

«Отчего люди не летают?» — Александр Островский «Гроза».

— Нет! Конечно, нет. Я просто ревновала. Прости меня.

— Это — не ко мне.

— Что?

Виктория не понимала, что он имеет в виду. Неужели, отказывается от нее?

— Не у того прощения просишь. — Эд кивнул в сторону. — Вон там парочка. С этими словами — к ним.

Просить прощения у Синички?

От этой мысли желудок сжался. Вика даже подумала, что вернулся токсикоз. Уж лучше бы это. Она не могла себе представить, как скажет что-то подобное своей сопернице.

— Я не смогу.

— Даже если я уйду?

Горло сдавило. Вике пришлось прокашляться, чтобы снова заговорить.

— Значит, она тебе безразлична.

Эд убрал с ее плеч руку, и Вика замерла в ожидании, но он лишь достал из кармана сигарету и закурил. Выдохнул дым в сторону, видимо, не хотел вредить ее малышу.

Виктория вдруг поняла, что готова сделать что угодно, лишь бы Эд остался с ней. Она уже собиралась переступить через гордость и признаться ему в этом, когда он заговорил сам.

— Ты знаешь, что повторять я не люблю, — Вика кивнула, и Эд продолжил. — Вообще, произносить речи — это не мое.

— Эд, я все понимаю и...

— Я тебя выслушал, теперь твоя очередь. Второй раз повторять не буду. — Вика шмыгнула носом и сложила руки на груди, чтобы ненароком не потянуться к Эду. — Ты решила, что Яна мне нужна, и набросилась на нее, как на преступницу. Еще бы! Твое эго не терпит конкуренции. Ни в каком виде. А ты не пробовала посмотреть на происходящее с другой

стороны?

— С какой?

Вика действительно не понимала, о чем он говорит. Какая еще другая сторона? Она любит Эда, а Яна встала на ее пути. Все просто.

— Нуждается ли эта девушка в таком, как я? Посмотри на них? — Вика послушно перевела взгляд на обнявшуюся парочку. Она снова позавидовала Синичке. От этого будет трудно излечиться. — У Яны есть ее Остап. Они счастливы вместе. У них — общие интересы и жизненные цели. Думаешь, ей захочется променять все это на меня — человека с сомнительным прошлым и неизвестным будущим? Лично я не сомневаюсь, что всегда буду чувствовать себя рядом с ней ущербным, а она станет меня жалеть. Думаешь, я этого хочу?

Вика слушала и понемногу начинала понимать то, что ранее ускользало от нее, оставалось в тени. Сказанное выглядело достаточно логично. Вот только не было в речи Эда ничего о ней — о них.

— А чего ты хочешь?

Она не особенно надеялась на ответ, но Эд ее снова удивил.

— Все настолько просто, что на первый взгляд звучит довольно наивно и прозаично. Я хочу любящую жену, детей — нормальную семью, о которой мог бы заботиться. Кому-то может показаться, что этого мало для счастья. Тогда этот кто-то слишком мало видел в своей жизни, потому что именно в таких вещах — главный смысл всего.

Происходящее выглядело нереально: ее оголтелая ревность, падение с моста Синички, неожиданное появление Остапа и Эда и в довершение ко всему странное признание необычного мужчины в обычных человеческих желаниях. Над всем этим стоило подумать, но Виктория не могла, не имела сил, во всяком случае, сейчас. К тому же к ним направлялся участковый.

Она вцепилась в Эда мертвой хваткой и зашептала:

— Он идет сюда.

— Вижу.

— И... что мне ему говорить? Ужасно боюсь.

— Сначала послушай, что скажет он. Думаю, Яна не станет тебя «топить».

Раньше Вика возмутилась бы подобным сравнением, но не сегодня. Эд имел право говорить с ней подобным тоном. Он оставался ее единственной соломинкой, и она не могла позволить себе лишиться его поддержки. Виктория ограничилась коротким:

— Сомневаюсь.

Эд пожал плечами, но Вика уже не смотрела на него. Она заставила себя взглянуть на милиционера.

— Доброго здоровьечка! — приветствовал их пожилой мужчина, стрельнул подозрительным взглядом на Эда и продолжил, обращаясь к Виктории: — Как себя чувствуете?

— Я? — Вика не ожидала подобного вопроса и растерялась. — Спасибо, неплохо. А она как?

Взглянув в сторону озера, она увидела, что Синичка в обнимку с Остапом шагают в направлении больницы. Значит, травм нет.

— Девушка говорит то же, что и вы. И беспокоится о вашем состоянии. Вы действительно в положении?

Услышанное настолько удивило Вику, что она ответила не сразу.

— Да. А что?

— Уточняю. Свидетельницы происшествия уверяют, что вы столкнули собеседницу с моста.

— Столкнула?

— Нет?

— Н-нет. Все получилось случайно. Несчастный случай.

Мужчина кивнул и снял фуражку.

— То же самое сказала пострадавшая и отказалась писать заявление. — Эд снова оказался прав, что радовало и странно огорчало. — Значит, у вас все в порядке?

Участковый в очередной раз посмотрел на ее соседа, но ничего не спросил. Испугавшись, что мужчина может начать задавать наводящие вопросы Эду — пусть лишь из профессионального интереса, Виктория торопливо завершила:

— Да, конечно. Но мне хотелось бы прилечь. Стресс и все такое. Мой друг проводит меня.

Прищурился глазами, участковый еще раз прошелся взглядом по татуировкам Эда.

— Ну что же, идите. И в следующий раз будьте осторожнее, особенно на мосту.

— Обязательно. Спасибо.

Виктория поднялась и потянула Эда за руку. Тот медленно поднялся и неспешной походкой пошел прочь от участкового.

— Быстрее нельзя?

— Я ни в чем не виноват. Свое отсидел.

— Тогда сделай мне одолжение. Я беспокоюсь о тебе.

Он неожиданно остановился, обнял ее и впился болезненным поцелуем в губы. Он закончился так же стремительно, как и начался. Эд подхватил ее под руку и потащил за собой.

— Что это было?

— Наказание. И благодарность. Не так много людей обо мне беспокоится.

Глава 32

Яна выключила кран и погрузилась в горячую воду по шею. Ступни словно закололо тысячами иголок. Она здорово промерзла. Закрыв глаза, девушка попыталась расслабиться.

Ни о чем не хотелось думать, но память то и дело возвращала ее к событиям сегодняшнего дня. Анализировать причины поведения Виктории не осталось сил, но каждая минута спасения запечатлелась в памяти, наверное, навсегда.

Жажда выжить, снова любить и быть любимой помогла ей продержаться до появления Остапа, как ни пафосно это звучит. Сейчас ей казалось, что иначе и быть не могло. Ее любимый мужчина появился в самый сложный, критический момент и вытянул ее из воды — плена, навеянного страшными снами, а теперь и явью. Возможно, такое случается только с теми, кто верит в сказки? Рыцарь спасает прекрасную даму. Она никогда не произнесет этого вслух, но почему бы не помечтать?

Яна смахнула с носа капельки воды.

В больнице они с Остапом не задержались, хотя заведующая отделением настаивала на госпитализации. Яна стремилась домой и отказалась остаться даже на ночь. После стресса девушка думала об одном — оказаться в своей квартире, в привычной для себя обстановке и, конечно, в обществе Остапа. Она ни на мг не сомневалась, что он поедет с ней.

Яна переделась в чью-то сухую одежду, Остап прихватил дорожную сумку, а такси доставило их домой. Они задержались на несколько мгновений в прихожей, когда Дорош обнял ее и, придерживая ладонью затылок, поцеловал, да так отчаянно, что Яне показалось, будто окружающий мир исчез. Остались только они, их жаркие губы и колотящиеся сердца.

Нехотя прервавшись, он прошептал ей в губы: «Люблю тебя». Она повторила его слова, и они снова целовались, пока хватило воздуха. Затем он подхватил ее на руки, отнес в ванную и, поставив на пол, неуверенно провел по плечам, будто хотел попросить разрешения раздеть. Какие-то причины заставили его отступить. Когда Остап закрывал дверь, Яна не удержалась и произнесла:

— Не уходи.

Он покачал головой и улыбнулся.

— Не уйду.

Чайник вскипел. Остап заварил чай, нашел в шкафу баночку с медом, поставил на стол, рядом — любимую, в красный горох, кружку Яны и устроился на табурете.

Не сиделось. Дорош вскочил и заметался по квартире. После всего случившегося хотелось двигаться, лишь бы не думать о том, что могло или не могло произойти. Все это он сможет сделать позже, а сейчас самое главное — самочувствие Яны. Он беспокоился о ее здоровье. Озерная вода оказалась слишком холодной. Переделась Яна не сразу. Да еще стресс — не каждый день люди падают с моста. Все вместе усугубляло прогноз.

В очередной раз пробегая мимо ванной, он не удержался и прижался ухом к двери. Вода больше не шумела, а тишина, как никогда прежде, раздражала. Остап поднял руку и после нескольких секунд сомнений постучал.

— Все в порядке?

Ожидание ответа, казалось, длилось вечность. Он уже не знал, что думать, когда услышал:

— Ты не мог бы зайти?

Спустя миг он уже стоял в заполненной паром комнатухе. Раскрасневшееся личико в обрамлении мыльных пузырьков выглядело очаровательно. Женское тело надежно скрывала пена. Виднелись лишь тонкие пальцы рук, вцепившиеся в бортик.

Внезапная волна желания накрыла Остапа с головой, но, считая его неуместным и несвоевременным, он сглотнул и спросил:

— Что случилось?

В серых глазах промелькнула неуверенность.

Она нуждалась в нем. Сейчас. Яна почувствовала это, когда услышала повторяющиеся шаги за дверью. Она сделала над собой усилие и попросила:

— Помоги мне.

— Да. Конечно. — Остап хмурился, но Яна решила не отступать. Потом все можно будет списать на адреналин. — Что мне сделать?

Яна протянула ему губку. Остап присел у ванны, взял из ее пальцев мягкий комочек и посмотрел в глаза. Она мысленно молила его о ласке.

Остап поднял ее руку и осторожно провел по ладони, предплечью, плечу. Яна протянула ему вторую и закрыла глаза, наслаждаясь медленным скольжением по коже. Ей давно никто не помогал мыться, а участие в этом процессе Остапа делало процедуру возбуждающей и расслабляющей одновременно. Как это возможно, она не понимала, да и не хотела напрягаться, чтобы понять. Ей было слишком хорошо.

Яна приподняла подбородок, чтобы Остап получил доступ к шее, и он одарил ее поцелуем. Губы сами растянулись в улыбке, и она потянулась к нему в ответном касании. Когда мягкий ком, ведомый уверенной рукой, прошелся вдоль позвоночника, Яна непроизвольно выгнулась, как довольная кошка.

Откинувшись на спину, сквозь мокрые ресницы она наблюдала за губкой, ползущей к ее груди, а затем перевела взгляд на Остапа. Он тоже смотрел на нее, описывая магические круги по разгоряченной коже. Только спустя какое-то время Яна вдруг поняла, что уже не губка, а ласковые пальцы скользят по набухшим вершинкам, между ними — вниз, под воду, где ноги уже сами раздвинулись в предвкушении.

Тяжелые веки опустились, скрывая от нее Остапа, но горячие губы снова овладели ее губами, а язык повторял то, что творили пальцы. Вода, казалось, снова поглотила ее. Она сама стала ее частью, когда распалась на молекулы во время ослепляющего взрыва.

Яна очнулась в кровати — нагая и уставшая. Остап промокал ее тело махровым полотенцем, нежно касаясь кожи поцелуями. Ее сердце до краев наполнилось огромным чувством к своему спасителю, другу, любовнику. Любимому. Она протянула руки и позвала:

— Иди ко мне.

Эд пришел под вечер. Как всегда молча, он снял с себя куртку и ботинки, вымыл руки и устроился за кухонным столом. Не говоря ни слова, Виктория следовала за ним. Когда он зашел в кухню, поинтересовалась:

— Есть будешь?

Он поднял на нее глаза, и некоторое время разглядывал, словно видел впервые. Вика вспомнила их первую встречу, поежилась под непроницаемым взглядом и тоже присела на табуретку с противоположной стороны столешницы.

Затянувшееся молчание ужасно раздражало. Она спрятала ставшие неловкими ладони между коленей, но глаз не отвела. Сегодня решалось слишком многое, чтобы прятаться — от себя и от него.

Вернувшись после работы домой и опасаясь, что Эд все же решит ее оставить, Виктория несколько часов металась по квартире. А еще она боялась, что Синичке надоест играть в благородство, и та заявит на нее в милицию. Чтобы хоть чем-то отвлечься, Вика занялась готовкой — из полуфабрикатов, но и это случалось редко.

Всю вторую половину сумасшедшего дня телефон молчал, но на закате в дверь позвонил Эд, а не милиционер. Это должно было ее успокоить, но не успокоило. Она не знала, чего ждать от сдержанного мужчины — самого желанного для нее человека.

— Есть отбивные. Хочешь?

— Потом.

— Ладно.

Эд протянул длинную руку и отвел прядь с ее лба.

— Пора, Кукла.

— О чем ты?

— Извиняться пора. Девочка чуть не утонула по твоей милости.

Вика сглотнула и опустила глаза.

— Ты не понимаешь.

— Объясни.

— Я не могу и не умею. Никогда и ни перед кем не извинялась.

— Все бывает впервые.

Мужской голос звучал устало, но настойчиво. Где-то в глубине души Вика понимала, что Эд прав, но согласиться с чем-то и выполнить это — не одно и то же. Она представила себе Синичку, их разговор, и ей стало тошно.

— Все равно не могу.

— Это не обсуждается.

Вика дернулась, как от удара.

— А если я откажусь, ты... уйдешь, оставишь меня?

Эд вздохнул и поднялся с табурета. Обошел стол, поднял Вику и прижал ее спиной к деревянному ребру. Взял за плечи, отстранил назад и заглянул в лицо.

— Нет. — Вика выдохнула с облегчением и потянулась к нему, но Эд еще не закончил. — Кукла, ты должна научиться отвечать за свои поступки — не ради меня, ради будущего ребенка. Эгоистичная мать — худшее, что может ожидать его в жизни.

На ее глаза неожиданно навернулись слез — от усталости и напряжения. На злость не хватало сил. К тому же Эд хотел, как лучше.

— Хорошо.

— Что именно?

— А поговорю с ней. Завтра.

— Не откладывай.

Он позволил ей прижаться к своей груди. Вику успокаивало мерное биение его сердца. Она решила спросить.

— Ты меня любишь?

В широкой груди что-то зарокотало — наверное, тихий смех.

— Не верю своим ушам. Кукла мечтает о любви?

Она обиделась и попыталась отодвинуться, но Эд не отпустил. Спасибо и на этом.

— Этого хочет каждая женщина. Ты же не сомневаешься, что я — женщина?

— Нет.

Руки Эда заскользили по ее груди, опустились на бедра, сжали жестко, на грани боли, как ей нравилось. Дыхание Виктории тоже участилось, но она еще не узнала того, что хотела.

— Не заставляй меня спрашивать еще раз.

— Кукла, я не знаю, что такое любовь. А как можно пообещать то, чего не понимаешь, не можешь определить, пощупать? Привязанность, благодарность, желание защитить, помочь, уложить в постель — все это понятно и ощутимо. Чувствуешь?

Еще бы! Горячая плоть недвусмысленно вжалась в нее, вызывая жар во всем теле.

Позже. Она поговорит с ним позже, решила Виктория, открываясь навстречу горячему поцелую. Наверное, именно это ей нужно сейчас больше всего.

Вике удалось прошептать:

— Пойдем в постель.

Эд покачал головой и простонал:

— Держись за меня.

Он посадил ее на столешницу, раздвинул в стороны полы атласного халата, а затем колени. Казалось, Эд не удивился ее наготe, но несколько мгновений смотрел на налившиеся пики и мелкие завитки. Он сдвинул Вику на самый край и расстегнул замок джинсов. Полное вторжение вызвало взаимный стон. Глубокие, резкие, жадные движения заставили дрожать обоих.

На протяжении дальнейшего часа они не произнесли ни единого слова, лишь в какой-то краткий миг передышки перебрались в спальню, где продолжили начатое — медленнее, но не менее страстно. Спустя какое-то время, после очередного раунда, Вика снова потянулась к Эду, но он остановил ее поцелуем в лоб.

— Тебе достаточно.

Распластав пальцы на ее животе, он словно объяснил почему.

— Тебя мне всегда мало.

Вика поцеловала его живот. Эд ущипнул ее пониже спины.

— Испорченная девчонка.

— Раньше ты не жаловался.

— Я и теперь не жалею. — Эд сел и свесил ноги с кровати. — Кукла, мне нужно уйти. Боюсь оставить Мать Терезу без присмотра. Это ее первая ночь дома после больницы.

Вика не хотела его отпускать, но и цепляться за него не могла.

— Можно мне с тобой?

— К Терезе?

— Да. Возьмем с собой еду, которую я приготовила. Подогреем. Накормим старушку.

Некоторое время Эд молчал, видимо, взвешивая все «за» и «против», а затем буркнул:

— Даю тебе пятнадцать минут.

Глава 33

Остап поцеловал Яну в висок и нахмурился.

«Горячий».

Пульс частил, но не слишком, поэтому будить он ее не стал. Решил, что сон в этой ситуации нужнее. Вместо этого он оделся и отправился на кухню, кипятить чайник.

Потягивая зеленый чай, Дорош думал о том, как лучше поступить. Если раньше он ждал приглашения, то теперь, когда стало ясно, что без последствий не обошлось, Остап решил остаться у Яны на ночь.

Подумать только, он чуть не потерял ее сегодня. Если бы поехал в гостиницу, как планировал...

Звонок в дверь прервал неприятные мысли.

Остап открыл дверь и замер сначала в недоумении, а затем в некотором смущении. Он отступил в сторону, пропуская в прихожую пожилую пару.

— Добрый день. Точнее вечер. Почти ночь.

— Тонко подмечено.

Мужчина с копной седых волос смерил его недоверчивым взглядом. Получилось грозно, хоть тот и уступал Остапу в росте.

— Вы кто? — Симпатичная маленькая женщина, с волосами, выкрашенными в рыжий цвет, тревожно оглянулась по сторонам. — И где Януса?

— Я сейчас вам все объясню.

Остап помог женщине снять плащ, раздумывая с чего лучше начать. Не так он представлял себе знакомство с родителями Яны.

— Мама? Папа? — Дорош поднял глаза, услышав милый, но хриплый голосок. — Вы не говорили, что приедете.

Яна стояла в дверях, кутаясь в теплый халат. Она обхватила себя руками и, покусывая губы, переводила глаза с родителей на Остапа и обратно. Он невольно залюбовался милым, заспанным лицом. Эта девушка нравилась ему в любом виде.

— Никак помешали?

Отец Яны поставил на пол брезентовый рюкзак и начал снимать куртку.

— Почему? Нет. Я спала. А Остап... Да, познакомьтесь, это Остап. А это Евгений Павлович и Марина Николаевна.

— Очень приятно. Дорош.

Он протянул руку Евгению Павловичу, и тот после короткого колебания пожал ее, не спуская с него глаз.

— Ага. Сейчас посмотрим, насколько приятно.

— Папа!

— Молчи, Яна. Сейчас я не с тобой разговариваю. А вам, молодой человек, есть что сказать?

— Женя, разве ты не видишь? Девочка больна. Опять ангина?

Марина Николаевна уже хлопотала возле дочери, целуя лоб и обнимая.

— Вот и идите в комнату лечиться, а у нас — мужской разговор.

— Я никуда не пойду. — Решительно выражение на лице Яны не оставляло сомнений в том, что

она готова выслушать вместе с ним все, что собираются сказать родители. В этот момент она очень напоминала своего отца. Остап ей ободряюще улыбнулся.

— Ян, оденься потеплее и поищи градусник.

Марина Николаевна приподняла брови, окинула его внимательным взглядом и подтолкнула дочь в комнату.

— Сейчас все найдем, закутаем. Женя, полегче, дорогой, — бросила она через плечо мужу.

Когда за женщинами закрылась дверь, Евгений Павлович кивнул в сторону кухни.

— Пройдемте, молодой человек.

Остап пропустил грозного пожилого мужчину в кухню первым, подождал, пока тот сядет, а сам прислонился к стене и сложил руки на груди.

— Чаю?

— Хм. — Евгений Павлович переставил сахарницу на другую половину стола, постучал широкой ладонью по столу и насупил брови. — Это подождет. Позвольте поинтересоваться, молодой человек: каковы ваши намерения?

Отец Яны явно не привык ходить вокруг да около. Что же...

— Я хочу жениться на вашей дочери, Евгений Павлович.

Возможно, ему показалось, но отец Яны слегка расслабился после этих слов, однако допрос не прекратил.

— Когда?

Остапу хотелось улыбнуться от подобного напора, но он сдержался. Решался серьезный вопрос — на сегодняшний день самый важный для него. Практически судьбоносный.

Ему очень хотелось понравиться родителям Яны. Они застали его в своем доме не при самых лучших обстоятельствах — поздно вечером, наедине со спящей дочерью. Хотя Яна давно совершеннолетняя, Остап сомневался, что ее родители спокойно относятся к добрачным отношениям.

— Как только Яна согласится на мое предложение.

— Она тебе отказала?

— Я не успел спросить. Только сегодня вернулся.

Евгений Павлович прошелся по нему очередным заинтересованным взглядом.

— Откуда?

— Из Торонто. Там живут мои родители, сестра. И я.

— А здесь ты что делаешь, парень?

— В командировке. Длительной.

Евгений Павлович насупился и протянул:

— Это что же, ты хочешь увезти мою единственную дочь в Канаду?

— При всем моем уважении к вам, этот вопрос мы будем решать вдвоем с Яной.

После небольшой паузы Евгений Павлович поднялся, подошел к буфету, достал оттуда бутылку коньяка и две рюмки.

— Садись. Будем знакомиться по-настоящему.

— Откуда вы узнали, что я заболела?

Яна пыталась засунуть градусник в упаковку, но Марина Николаевна отобрала его, поднесла к глазам и нахмурилась.

— Тридцать восемь. Пила холодное молоко?

Яна отрицательно покачала головой и подтянула одеяло под подбородок.

— Так откуда?

— Почувствовали, наверное. Я уже собиралась сказать отцу, что пора бы тебя проведать, как он заявил, что ночевать сегодня будем дома.

— Я вас люблю.

— Само собой. И мы тебя любим. Парень как? Ничего?

— Очень хороший. Лучший на свете. Очень переживаю, как они там — с папой.

— Беспокоишься?

— Очень.

— Не стоит, детка. Папа всегда действует исключительно в твоих интересах, ты же знаешь.

— Думаешь, они... подружатся?

Марина Николаевна погладила дочь по голове, присела рядом и взяла за руку.

— Жениться собрались?

Яна покраснела и смущенно пробормотала:

— Мы об этом еще не разговаривали. Заставлять я его не стану.

— Знаешь, Януся, я тебе вот что скажу. Если бы этот парень не хотел жениться, он бы не согласился с твоим отцом разговоры разговаривать. Антибиотики пить будем?

— Буду. Очень горло болит.

— Сейчас принесу. — Направляясь к шкафу, Марина Николаевна поинтересовалась: — Парень-то откуда? Дорожная сумка в коридоре стоит.

— Из Торонто.

— Откуда?

Марина Николаевна села на ближайший стул и с тревогой посмотрела на дочь.

— Город такой в Канаде.

— Мне известно, где Торонто. Географию тридцать лет преподавала. Януся, но это так далеко!

— Мама, я его люблю.

— Боже мой! — «Кажется, мама забыла об аптечке». Яна начала выбираться из-под одеяла. — Лежи. Я не собираюсь падать в обморок. Пока.

Марина Николаевна принесла планшетку с таблетками.

— Сейчас вернусь. Воды принесу и заодно посмотрю, как там наши мужчины. Что-то тихо сидят. А ты готовься рассказывать. Подумать только: Торонто!

Яна так и не узнала, чем закончился разговор на кухне. Она уснула под бдительным наблюдением мамы. Утром, когда девушка проснулась, Марина Сергеевна сообщила, что Остап отправился ночевать в гостиницу, но о подробностях умолчала. Отец поинтересовался, как она себя чувствует, а на расспросы об Остапе ответил весьма лаконично:

— Неплохо посидели.

И отправился за чем-то необходимым на рынок.

Температура к утру спала, и Яна поднялась, чтобы умыться и позавтракать. Марина Сергеевна с загадочным видом подкладывала ей оладьи, пока девушка не взмолилась о пощаде.

Несмотря на отсутствие лихорадки, горло горело огнем. К тому же Яна чувствовала слабость, поэтому, приняв лекарства, прилегла на диване, укрылась пледом и задремала. Ее разбудил звонок в дверь.

Она надеялась, что это Остап, и улыбнулась, заранее радуясь встрече. Вчера они слишком мало были вместе. Яна уже собиралась подняться ему навстречу, когда в комнату заглянула Марина Сергеевна.

— Януся, ты не спишь?

— Нет. Кто пришел?

— К тебе тут рвется симпатичная пара.

«Пара?»

Яна слегка расстроилась. Ей хотелось видеть Остапа, а он вряд ли привел бы с собой кого-то еще. Да и мама не стала бы секретничать. Затем девушка подумала, что у него могут быть

неотложные дела в больнице, и смиренно вздохнула. Те, кто явился ее проведать, не виноваты, что ее снедает нетерпение. Яна решила, что это могут быть только Сергей и Виталик, хотя и удивилась, что они так рано ушли с работы.

Она ошиблась.

В проеме двери появился Эд, а затем из-за его спины выскользнула Виктория, похудевшая, но все такая же красивая. Меньше всего Яна ожидала увидеть именно их.

— Привет. Как ты?

Мужской взгляд прошелся по ней оценивающе. Наверное, именно так механики осматривают автомобиль, определяя степень ущерба.

Яна села, пригладила волосы, и поправила теплый шарф. Она не знала, что сказать. Соврать, что рада приходу Вики она не могла, но и выгонять Эда не хотела. Несмотря на показное безразличие, этот парень казался ей не таким уж уверенным в себе.

— Горло болит, а в остальном — неплохо.

Все присутствующие понимали, что могло быть значительно хуже. Эд в ответ лишь кивнул, а Виктория уставилась в окно.

Откашлявшись, Яна показала рукой на кресла.

— Присаживайтесь.

Эд взглянул на Вику и взял ее под руку, словно опасался, что та сбежит.

— Мы на минутку. Спросить, как себя чувствуешь. Сказать пару слов. Правда, Кукла?

«Значит, Эд зовет Вику Куклой? Неожиданно, но очень подходит».

С явным усилием Виктория посмотрела на Яну. Понимая, что должно произойти что-то важное, девушка ждала молча, не опуская глаз.

— Вика.

В голосе Эда зазвучал металл. Яна уже поняла, что они пришли сюда по его инициативе. Виктория вскинула брови и выдавила из себя:

— Ты могла заявить на меня. — Яна промолчала, посчитав, что это заявление не требует подтверждения. — Спасибо, что не заявила.

— Пожалуйста. Я сделала это ради ребенка. Надеюсь, об этом ты не соврала?

Глаза Вики возмущенно вспыхнули, но она сдержалась.

— Это — правда. Спроси у Эда. Вы же друзья.

Последние слов она произнесла с издевкой, но Яна и не ожидала от нее понимания и сочувствия. Эта женщина ревновала, и Яна в очередной раз ее пожалела.

— Не настолько близкие, как ты думаешь. Мы просто относимся друг к другу с уважением.

— Уважение — это хорошо.

Эд не дал Виктории развить скользкую тему.

— Это еще не все. Кукла?

Яна с удивлением наблюдала, как ловко Эду удается удерживать Вику в нужных рамках. Наверное, единственному на всем белом свете. Последние сомнения рассеялись спустя мгновение, когда Вика отвернулась к окну и произнесла:

— Прости, что толкнула тебя.

Яна посмотрела на Эда. Она заметила, как он сжимает ладонь Виктории и с нетерпением ждет ответа. Девушка поняла, что эти двое — близкие люди. Эд готов помогать Виктории, несмотря на все ее причуды и несносный характер. А та пришла сюда извиниться, несмотря на их непростые отношения. Если это не любовь, то что-то очень близкое к такому чувству.

Яна сказала то, что не могла не сказать.

— Уже простила.

Неловкое молчание затянулось, когда в комнату заглянула Марина Николаевна.

— Может, чаю?

— Спасибо, но мы торопимся.

Эд направился к выходу и потянул за собой Вику. У двери он обернулся и впервые за все время улыбнулся:

— Выздоровливай. Мать Тереза передает тебе привет.

— Спасибо. Присматривайте за ней, ладно?

— Обязательно.

Неожиданные гости покинули дом, а Яна откинулась на подушку и подумала о том, какая сложная штука — жизнь. Абсолютно непредсказуемая.

Глава 34

Она в очередной раз уснула. Во сне ее поцеловало солнышко. Весеннее, теплое, которое ласкает, но не жжет. Очень приятное ощущение.

Яна улыбнулась, постепенно просыпаясь, но еще не открывая глаз.

Сильные, нежные руки поправили на ней покрывало. Затем одна из них ласково коснулась щеки. Тихий шепот звучал, словно колыбельная:

Укрою тебя шелками

И лепестками роз.

Всё — для тебя, родная,

Лишь бы сладко спалось.

Ты дарила мне счастье,

Не жалея себя.

Я прозрел в одночасье:

Мне не жить без тебя.

Это было так мило и неожиданно, что слезы подступили к глазам. Взрослый серьезный мужчина произносит лирические строки. Яна не сумела сдержать покотившиеся из уголков соленые капли. Затуманенным взглядом она попыталась сосредоточиться на дорогом лице. Прижала широкую ладонь к щеке, слегка повернула голову и поцеловала.

— Ты выучил это ради меня?

— Только для тебя. Чувствую себя неловко. Я не слишком силен в поэзии. Надеюсь, тебе понравилось. Если нет... У меня тут шпартгалка в телефоне. Хотелось, чтобы красиво.

— Знаешь, это я не жила бы, если бы...

Остап не дал ей договорить, закрыв поцелуем рот.

— Все в прошлом. Выбрось из головы и забудь.

Вздохнув, она покачала головой.

— Это не просто.

— А я на что? Ты поправишься, и мы тут же отправимся учиться.

— Учи... Нет, ты не можешь требовать этого от меня! Я не пойду в бассейн и уж тем более к озеру.

Слезы тут же высохли, а сама Яна едва не вскочила с дивана. Остап удержал ее — не оригинально, но действительно, обняв так крепко, что ей тут же захотелось вырваться.

— Не доверяешь?

Она поняла, что он имеет в виду, и уткнулась носом в плечо.

— Страшно.

— Знаю, но попробовать нужно. Чем раньше, тем лучше.

— Я подумаю.

Мужские руки легко, успокаивающе поглаживали спину, и Яна постепенно расслабилась, когда Остап снова заговорил:

— Может, заодно, ты подумаешь еще кое о чем?

Сердце заколотилось в предчувствии. Голос сорвался, когда она попыталась пошутить:

— Это так же важно, как научиться плавать?

Остап отстранился и заглянул в лицо. Он смотрел так серьезно, будто от этого разговора зависела жизнь.

— Гораздо важнее. Самое главное.

— Я слушаю.

Взяв ее за руки, он сложил их вместе, переплел подрагивающие пальцы со своими, сильными и надежными. На мгновение опустил глаза, словно собирался с мыслями.

— Выходи за меня. — Помолчал какой-то миг и продолжил: — У меня непростой характер. На работе я день и ночь, сама знаешь. Я очень постараюсь быть тебе хорошим мужем.

— Я согласна.

Казалось, он не слышал ее.

— И живу я далеко. Но тут можно что-то придумать. Тебе решать. Хочешь, поедem в Канаду, если нет — станем жить здесь.

— Мне все равно, лишь бы с тобой.

— Если ты решишь перебраться Канаду, нужно будет сдать языковой экзамен, подать документы на иммиграцию, готовиться к степам, сдать их. Это много, но я тебе помогу. Если же... — Ему словно не хватало воздуха. Остап даже сделал вдох, чтобы договорить: — Что бы не случилось, я всегда буду рядом. Ты мне нужна. Очень.

Яна освободила ладони, взяла в них взволнованное лицо, погладила скулы большими пальцами и поцеловала.

— Остап. — Ей столько хотелось сказать. Все казалось главным, только ком в горле ужасно мешал. Яна плакала, не прячась. — Милый, дорогой, любимый, заботливый. Ты слышал, что я сказала? Я на все согласна. Куда бы ты не отправился, я — с тобой. Разве может быть иначе?

Он покачал головой, прижался губами к ее ладони и прохрипел:

— Не может. Только так. Только так.

Он снова обнял ее, и на некоторое время она не могла видеть его лицо, лишь чувствовала легкую дрожь.

— Ты плачешь?

Ответа пришлось подождать.

— «Мужчина не плачет. Мужчина огорчается». [5]

— Извини. Конечно.

— Это ты извини. Я слишком сильно испугался вчера. — Он отстранился. Поцеловал в лоб. — Температуру давно измеряла?

— Перед сном. Я почти здорова. Только слабость встать мешает, и пальцы дрожат.

Он перецеловал ее пальчики. А потом полез в карман брюк, достал оттуда кольцо, надел ей на палец и довольно провозгласил:

— Подошло!

Очаровательный перстень с тремя небольшими бриллиантами превосходно смотрелся на тоненьком пальце. Форма кольца позволяла ей не снимать его на работе. Остап подумал даже об этом. Слезы снова застилали глаза. Она давно так много не плакала.

вернуться

5

«Мужчина не плачет. Мужчина огорчается» — «Аты-баты, шли солдаты...» — художественный фильм, последняя режиссёрская работа Леонида Быкова и его последняя роль в кино. В прокате 1977 года занял 7 место (35,8 млн зрителей).

— Какое красивое! Когда ты успел? Утром?

— Нет. Еще в Торонто.

— Значит... Это не спонтанное решение?

— Спонтанное. Но давнее.

Остап улыбался, обнимая ее и обволакивая своим теплом и любовью. Яна не удержалась и любопытствовала:

— Насколько давнее?

— В тот день одна очаровательная девушка превратилась в еще более прекрасную женщину.

Яна залилась краской и спрятала лицо на мужской груди. Она помнила каждую минуту той ночи.

— Нужно родителям сказать.

— Уже.

Яна подняла кверху лицо, чтобы видеть зеленые глаза.

— Когда?

— Вчера. Можно сказать, что мы с Евгением Павловичем пришли к консенсусу.

— Конспираторы! Ничего мне не сказали.

— У тебя замечательные родители.

— Это точно.

В этот самый миг распахнулась дверь и вошла сияющая Марина Николаевна.

— А теперь чайку?

Из-за ее спины показался Евгений Павлович и торжественно заявил:

— Мариш, кто в таких случаях пьет чай? Неси бутылку, а потом обсудим свадьбу.

Яна не верила своим глазам и ушам.

— Вы подслушивали!

Марина Николаевна пожала плечами.

— Когда у тебя будут свои дети, ты меня поймешь.

Что тут скажешь?

— Вот и хорошо. Первый тост — за предстоящую свадьбу, второй — за будущих детей.

— Эй, а нашим мнением кто-то поинтересуется?

— По-моему, вы уже высказались. Марина, неси фужеры и шипучку. Как по мне, то лучше бы коньяк, но разве я в этом доме имею слово?

Все расхохотались, а громче всех хозяин этого самого дома.

— Твоя Синичка выходит замуж. В субботу.

Фраза вырвалась случайно, и Виктория замерла, ожидая реакции Эда. Она узнала об этом утром. Медсестры громко обсуждали предстоящее событие, и услышать об этом мог каждый.

Вика не ожидала от бывшей подруги сообщения и уж тем более приглашения — особенно в свете событий месячной давности. К тому же теперь появился еще один повод не волноваться по поводу возможных отношений между Яной и Эдом. Собственно, ей не было до Синички дела, но что-то грызло ее изнутри.

Возвращаясь мыслями к предстоящему событию гораздо чаще, чем хотелось, Виктория еле дождалась конца рабочего дня и упорхнула домой при первой же возможности.

Дом. Этим местом в последнее время она все чаще называла старую квартирку старушки, за которой Эд ухаживал, словно она ему родная. Они обитали здесь чаще, чем в шикарной квартире, снятой для Виктории родителями. Основной причиной этому был, конечно же, Эд, но и сама Вика ощущала здесь необъяснимое спокойствие.

В первые дни Мать Тереза посматривала на нее подозрительно, и терпела лишь ради любимого постояльца. Постепенно их отношения из настороженных, если не враждебных, стали

терпимыми.

Чтобы угодить Эду, Виктория решила хоть чем-то помогать домочадцам. Первым делом она купила посудомоечную машину. На следующий день Эд заявился в дом со стиральной. Тереза Вацлавна согласилась с подобным произволом только тогда, когда Эд, включая новенькую микроволновку, заявил, что они приобрели технику для себя.

Их быт постепенно налаживался, а отношения так и остались неопределенными — во всяком случае, для Виктории. Вот и сейчас ей снова захотелось выяснить хоть что-то.

— Она — не моя.

Эд переключил телевизор на спортивный канал. Он даже не посмотрел в ее сторону. Просто констатировал факт.

Вика отвернулась к окну. В саду цвели яблони. Плоды созреют как раз к тому времени, когда у нее появится малыш. Интересно, кто родится — сын или дочь? Будет ли рядом с ней Эд к этому времени?

Виктория Спинель — мать одиночка. Родители от нее отрекутся.

Вздыхнув, Виктория закрыла глаза. О будущем думать не хотелось. Скоро она станет огромной и неповоротливой, и это пугало ее гораздо больше, чем предстоящие роды. Вика боялась, что Эда может отвратить ее внешний вид, и он отправится искать кого-то более привлекательного. К тому же неизвестно, как долго они еще смогут заниматься любовью.

Она не могла произнести это слово вслух, но в последнее время все чаще думала о нем. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы Эд ее любил, а не только хотел ли жалел.

Не сдержав очередного вздоха, Вика отвернулась от цветущего сада — и тотчас очутилась в объятиях Эда. Она уткнулась носом в его грудь и вдохнула знакомый запах — мыла и машинного масла.

«Так и стояла бы», — подумала Вика, но не удержалась от привычной колкости.

— Но ты хотел бы обратного.

— Ты о чем?

— Не заставляй меня повторять. Ты все прекрасно слышал с первого раза. — Эд молчал, и Вика испугалась, что переборщила с обвинениями. Она подняла голову и торопливо добавила: — Можешь не отвечать.

— Кукла, я не из тех, кто оправдывается. Тем более что поступки, как правило, заменяют мне слова. Я здесь, рядом с тобой? Чего ты еще хочешь? Свадьбу?

Вика кивнула и разозлилась на себя и Эда.

— Что в этом плохого?

Эд помолчал, буравя ее прозрачными глазами.

— Допустим, мы поженились. И что дальше?

— Ну...

— Ты уверена, что тебе нужен такой муж, как я? Не сомневаешься, что сможешь, не краснея, представить меня своим знакомым? Родителям, наконец? Думаешь, они обрадуются и благословят наш брак? Неизвестно, сколько еще времени мне понадобится, чтобы найти постоянную работу и нормально зарабатывать.

— Я не требую этого от тебя.

— Сейчас — нет. А потом? Хватит ли у тебя терпения выносить возможное людское осуждение и даже элементарную жалость?

— Эд!

— Я еще не закончил. Сейчас ты красивая женщина, пусть и не без странностей, но с хорошими связями и деньгами. Если мы поженимся, ты станешь супругой бывшего заключенного.

— Меня это не волнует.

— Хорошо. Тогда позвони матери и скажи, что ты выходишь за меня замуж. Или отцу. Посмотрим, как все пройдет.

Слезы, злые и бессильные, покатались по ее щекам. Она не могла признаться матери, что хочет связать свою жизнь с Эдом. Что уж говорить об отце.

— Ты не хочешь на мне жениться!

Эд ладонью вытер ее слезы.

— Я не могу позволить себе эту роскошь. Улавливаешь разницу?

— Ты считаешь меня роскошью?

Вика икнула, и Эд вдруг улыбнулся. Как она его любит!

— Непозволительной. Но если ты не передумаешь...

— Никогда!

— Кукла, ты совсем отбилась от рук.

— Молчу.

— Так вот, если ты подождешь, пока я добьюсь того, что нужно для нас обоих, тогда...

— Я дождусь. И буду самой лучшей женой в мире!

— Могу себе представить. Детский сад. — Он прижал ее голову к своей груди. — У меня есть вопрос.

— Какой?

— Чье имя ты собираешься дать ребенку?

— Я как-то... — Вообще-то, Вика планировала, что это будет Эд, но теперь не смела попросить. — Еще не думала над этим.

— А что об этом думает его отец?

— Ничего не думает. Он не знает. Настоящий отец — иностранец. И женат. И, возможно, никогда больше сюда не приедет.

— Значит так, Кукла. Если я дам имя этому ребенку, — Эд положил руку на ее живот, и Вика впервые почувствовала, как в ее животе шевельнулось дитя. Малыш уже признал в Эде отца, Виктория в этом не сомневалась. — То никогда... слышишь? — никогда от него не откажусь. Даже если тебе в один прекрасный день все это надоест, я не позволю выбросить меня из его жизни. Достаточно того, что мне не дают видиться с моими родными.

Сердце защемило, и Вика обхватила Эда руками.

— Никогда так не поступлю. Верь мне.

— Знаешь, мне еще придется научиться верить — как и многое другое.

— Мы будем учиться вместе. Если ты останешься со мной.

— Если ты останешься со мной.

Виктория подняла глаза и поклялась ему и себе:

— Только с тобой.

Эд лишь кивнул.

Она не знала, что ожидает их в будущем, но сегодняшний разговор мог считаться неплохим началом.

Эпилог

Яна и Остап расписались в четверг. На скромной церемонии присутствовали только молодожены, родители девушки и свидетели — Вороной и соседка Маша с близнецами, которых временно оставили под присмотром Марины Николаевны. Да еще Дубовский. Он увязался за Сергеем и пытался уговорить Яну передумать, пока не поздно. Шутил он или говорил серьезно, установить не удалось. Вороной вывел его за дверь. Вернулись они спустя пять минут слегка потрепанные, но невозмутимые.

Венчание и празднование запланировали на субботу, но и этот день казался влюбленным слишком далеким. Они еле дождались окончания церемонии. Затянувшийся традиционный поцелуй вызвал смех и одобрительные возгласы собравшихся.

Яна с нетерпением ожидала, когда они смогут остаться наедине. То же самое она видела в глазах Остапа, и от этого в ее животе порхали бабочки. Они слишком давно не были вместе.

Остап снял для них двухкомнатную квартиру, куда они и планировали отправиться сразу же после загса. Там их ждал накрытый стол и огромная кровать, которую они выбирали вместе. Все мысли Яны крутились вокруг удобного сооружения, и у Остапа, видимо, тоже, потому что он не отпускал ее от себя ни на миг. Ее кожа уже горела от его прикосновений и красноречивых взглядов.

Яна напомнила себе, что они не одни, и попыталась сосредоточиться на поздравлениях, когда Остап прошептал ей на ухо: «Моя!» Она улыбнулась в ответ.

Как в таких условиях можно думать о родственниках и гостях?

Они уже вышли на улицу, когда к загсу подкатило такси и оттуда вышли двое — молоденькая девушка и высокий пожилой мужчина. Последний с хмурым видом оглядел присутствующих и остановил свой взгляд на ней. Яна невольно прижалась к Остапу. Тот погладил ее руку и тихо произнес:

— Ничего не бойся.

— Кто это?

— Мой отец. И сестра.

Яна взглянула на девочку. Та, в отличие от старшего Дороша, улыбнулась и помахала ей рукой. Теперь Яна ее узнала. Скайп немного искажал изображение. Тамара в жизни выглядела гораздо симпатичнее, а в скором времени обещала стать настоящей красавицей.

Девочка стремительно преодолела разделявшее их расстояние и бросилась на шею брату.

— Поздравляю, старший брат! — Затем так же радостно она обняла Яну и поцеловала ее в щеку. — Класс, теперь у меня есть сестра!

Несмотря на явное одобрение Тамары, Яна с беспокойством поглядывала на хмурого мужчину и вдруг посерьезневшего Остапа. Она едва замечала, как свидетели встречи перешептываются и с любопытством рассматривают опоздавших. Взяв Остапа под руку, она ожидала вердикта, чувствуя, что именно сейчас между этими двумя что-то решается.

Отец Остапа первым протянул сыну руку.

— Я попробую, сын.

Остап кивнул и обнял его.

— Спасибо, папа.

Явно стесняясь проявления чувств на людях, отец Остапа посмотрел на Яну и улыбнулся — едва заметно, но при этом стал удивительно похожим на сына.

— Богдан Дорош.

— Яна.

— Рад знакомству, Яна. — Он рассматривал ее какое-то время. — Надеюсь, мы подружимся.

— Скоро вы станете не разлей вода! — Тамара повисла на руке отца и чмокнула его в щеку. — Уж я об этом позабочусь, не сомневайтесь.

— Даже не думали! — расхохотался Остап.

Она почувствовала, как напряжение постепенно покидает любимого, и порадовалась за него.

Все начали шумно знакомиться, а Остап взял ее за руки и поцеловал ладони.

— Теперь все будет не просто отлично, а превосходно!

— Не сомневалась в этом ни на минуту.

— Люблю тебя.

Он поцеловал ее, не дав ответить. Ничего, она расскажет ему об этом ночью. Каждой ночью, которая выпадет им в жизни.

mir-knigi.org